

Виды

WISSEN
VOM STUCK AM EISEN.

Verlag von Kunst-Verlag.

807 13
608
ор 1-77
10961

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗЪ

АНГЛІИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦІИ,

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Хотѣли, чтобы насъ хвалили всея свѣтъ,
Не можемъ ли, что заполнить море?

Жуковский.

ЧАСТЬ II.

Съ видомъ Вѣны.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 16-го Іюня 1838 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

2011137786

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

Версальскій Дворецъ.

XVIII.

Повѣдка въ Версаль. Дорога. Прѣжнее величіе Версаля.
Нынѣшнее назначеніе. Національный Музей. Сады. По-
вѣдка въ Марли. Исторія его. Запущеніе.

Въ числѣ любопытныхъ историческихъ мѣстъ
Франціи, которыя надлежало мнѣ посѣтить въ
нынѣшнее время, однимъ изъ первыхъ была Вер-
саль. Я видѣлъ этотъ монументъ времени и славы
Лудовика XIV еще въ 1817 году, но тогда велико-
лѣпная резиденція Французскихъ Королей едва
возникла изъ пепла и праха, въ которые поверг-
ла ее пенсовая революція. Стану описывать ны-
нѣшнюю повѣдку свою и видѣнное мною не си-
стематически, не дидактически, а такъ какъ было,
и какъ ляжетъ подъ перо.

Изъ знакомыхъ мнѣ людей, которыхъ я на-
шелъ въ Парижѣ, всѣхъ болѣе обрадовался мнѣ,
извѣстный и въ Петербургѣ, мимъ и чревовѣща-
тель Александръ Ваттемаръ. Я принималъ его
у себя въ домѣ съ удовольствіемъ, особенно ко-
гда узналъ его благородный характеръ и образъ
Часть II.

мыслей, когда познакомился съ его милымъ семействомъ. Услышавъ о прибытіи моемъ въ Парижъ, онъ немедленно отыскалъ меня, предложилъ мнѣ свои услуги, пригласилъ къ себѣ, и былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ во многихъ случаяхъ, какъ я расскажу въ послѣдствіи. Жена его, женщина почтенная, умная и благовоспитанная, была въ то время нездорова, и жила съ дѣтьми въ загородномъ ихъ домѣ, въ Марли. Сбираясь ѣхать въ Версаль, я далъ ему слово обѣдать у него въ этотъ день. Марли лежитъ недалеко отсюда, почти на дорогѣ въ Парижъ.

Я отправился въ Версаль въ воскресенье, 27 іюня, въ общество Софій Ивановны Конрадъ и двѣнадцатилѣтняго сына ея, Алфреда, милаго, умнаго мальчика, на котораго я не могъ смотрѣть безъ душевнаго унынія, помышляя, что онъ воспитывается и долженъ вырасти въ Парижѣ, а

Этотъ градъ такое море,

Въ которомъ гадовъ шесть числа!

Въ восемь часовъ утра пришли мы въ контору версальскихъ омнибусовъ, въ улицѣ Риволи, подле Тюльерійскаго Дворца, и съ трудомъ нашли мѣсто. Народъ такъ и валитъ въ Версаль. Наша повозка была набита людьми всякаго званія, возраста и пола. Бесѣда раздѣлилась по образованію людей. Простыя женщины толковали между собою, какъ и у насъ бываетъ, о неугомонныхъ своихъ сосѣдкахъ, о сварливыхъ мужахъ, о дороговизнѣ, о напраслигѣ. Мужчины

того же класса разсуждали объ игрѣ, о трактирныхъ приключеніяхъ и т. п.; молодые люди вглядывались въ черные глаза молодыхъ соупитницъ, а эти старались продать товаръ лицомъ. Нѣсколько человекъ, выше четырнадцатаго класса, составили особый кружокъ: это были старичекъ лѣтъ семидесяти, учтивый и даже церемонный, обломокъ стараго вѣку, врагъ нововведеній и революцій, но еще живой и пылкій; одинъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ красною ленточкою въ петлицѣ, и еще молодой человекъ, напитанный новыми идеями, но, повидимому, кроткій и добродушный. Мы присоединились къ этому кружку, и не видали, какъ пріѣхали въ Версаль. — Разумѣется, что рывъ зашла о томъ мѣстѣ, куда ѣдемъ. Алфредъ замѣтилъ, что, къ сожалѣнію своему, не могъ предварительно прочитатъ ничего о Версали, какъ она началась, какъ возвысилась. — «Я могу служить вамъ въ этомъ случаѣ, молодой другъ мой, сказалъ ему пріятливо старикъ: Версаль помню я съ младенчества, и прочиталъ все, что о ней писано. Слушайте же. Мѣсто, на которомъ построена пышная Версаль, принадлежало въ 1560 году Марціалу до Ломени, секретарю Карла IX. Король Наваррскій, въ послѣдствіи Генрихъ IV, частенько бывалъ тамъ на охотѣ. Лудовику XIII понравилась Версаль близостью своею къ Сенъ-Жерменскому Замку, густотою своихъ лѣсовъ и обиліемъ дичи. Онъ часто ѣзжалъ туда, и за недостаткомъ жилья, почевалъ на вѣтринной мельницѣ, или въ грязномъ извозничьемъ

постояломъ дворъ. Въ 1624 году построилъ онъ павильонъ, котораго остатки сохранились донья. Черезъ нѣсколько лѣтъ купилъ онъ мельницу, и на ея мѣсть построилъ небольшой каменный домъ. Онъ полюбилъ это мѣсто, и проводилъ въ немъ все время года, удобное для охоты, въ небольшомъ кругу царедворцевъ и любимцевъ. Въ числѣ ихъ были братъ Короля, Гастонъ, Герцогъ Орлеанскій, самый злой врагъ кардинала Ришельё; старикъ маршалъ де Бассомбьеръ, живой памятникъ времени Генриха IV, и прекрасный тѣломъ и душою, несчастный Сень-Маръ, жертва злобы кардинала. Сень-Маръ построилъ близъ Версаля небольшой загородный домикъ. — Въ 1630 году Версаль была позорищемъ политическаго происшествія, известнаго въ Исторіи подъ именемъ: *la journée des dupes*. Королева, мать Лудовика XIII, непременно хотѣла удалить кардинала, и въ самомъ дѣлѣ ей удалось выманить у слабаго Короля обѣщаніе, что онъ исполнитъ ея волю. Но хитрый кардиналъ догадался, и принявъ свои мѣры. Въ ту самую минуту, когда Лудовикъ XIII далъ своей матери обѣщаніе, что отставитъ кардинала, министръ этотъ вошелъ неожиданно въ комнату. — «Ахъ, вотъ онъ и самъ!» сказала Королева съ безпокойствомъ, которое тщетно скрыть старался. «Такъ вы обо мнѣ говорили?» возразилъ кардиналъ хладнокровно и твердо. Королева немогла удержаться. «Да, мы говорили о васъ! вскричала она: что вы самый злой и неблагодарный человекъ!» Тщетно Король и кар-

диналъ старались ее успокоить. Наконецъ Ришельё уступилъ, и потребовалъ увольненія. Эта сцена происходила въ Люксанбургъ. Но торжество Королевы и ея друзей было непродолжительное. Король повѣхалъ на охоту въ Версаль, раскаяваясь, что лишился усерднаго министра, который несъ, вмѣсто его, все бремя правленія. Придворные, догадавшись, о чемъ помышляетъ Король, извѣстили о томъ кардинала. Ришельё явился туда немедленно, бросился предъ Королемъ на колѣни, и называлъ его своимъ благодѣтелемъ. Лудовикъ XIII поднялъ, облобызалъ и просилъ его не выходить въ отставку. Кардиналъ со слезами отговаривался, и клялся, что не хочетъ быть причиною раздора между сыномъ и матерью, что намѣренъ удалиться въ пустыню, и оплакивать свою злосчастную судьбу: его де называютъ благодарнымъ! Король развѣжился, приказалъ кардиналу остаться въ службѣ, и просилъ его о совѣтѣ, какъ бы наказать виновника этой гнусной интриги. Известно, съ какимъ усердіемъ кардиналъ исполнилъ эту просьбу.» — «Такъ для одной звѣршной ловли, спросилъ человекъ среднихъ лѣтъ съ улыбкою, Лудовикъ XIII вздѣлъ въ Версаль?» — «Нѣтъ, продолжалъ старикъ: есть преданіе, что онъ выдался здѣсь съ прекрасною Графинею де Готфоръ; ему нравились уединеніе и тишина Версаля, гдѣ не достигали слуха его смуты и жалобы тогдашнихъ царедворцевъ. По смерти Лудовика XIII, Версаль казался обреченною пустынею, но лишь только Лудовикъ

XIV, пришелъ въ совершеннолѣтіе, онъ остановилъ свое вниманіе на этомъ замкѣ. Онъ не любилъ Парижа, вспоминая о тамошнихъ смутахъ и волненіяхъ, какъ онъ, Король, наканунѣ Крещенія (*), долженъ былъ бѣжать оттуда. Онъ до того ненавидѣлъ шумъ народный, что и радостныя восклицанія толпы, встрѣчавшей его при въѣздѣ въ столицу, казались ему дерзкими и непристойными. Лудовикъ удалялся отъ многолюдства, и только въ знакъ особеннаго своего благоволенія, изрѣдка посещалъ шумный Парижъ. — Сень-Жерменскій Дворецъ онъ оставилъ, говорятъ, по той причинѣ, что изъ оконъ его видны башни Сень-Денискаго Аббатства, въ которомъ погребаются Короли Французскіе. Сверхъ того, въ Версали было больше простору для построекъ и для разведенія садовъ. Лудовикъ вознамѣрился соорудить здѣсь, для себя и для потомковъ своихъ, дворецъ достойный быть жилищемъ Королей Французскихъ, и исполнилъ свое предначертаніе: Версаль сдѣлалась предметомъ удивленія и похвалы всей Европы. — Эти постройки начались не ранѣе 1660 года; но достойно замѣчанія, что Король никакъ не соглашался сломать зданіе, воздвигнутое отцемъ его, и только позволилъ застроить его со всѣхъ сторонъ, чтобъ оно не нарушало единства и характера цѣлаго. Последнимъ дѣломъ, по порядку времени, въ Версали было построеніе придворной церкви (**). — Если

(*) 1649 года.

(**) Съ 1699 по 1710 г.

архитекторамъ было трудно возводить новыя зданія, не разрушая старыхъ, то едва ли не больше заботъ и трудностей представилось ле-Нотру, когда надлежало въ сторонѣ пустынной, ровной и безводной, развести садъ, достойный владыки блистательнаго Королевства Французскаго, когда надлежало еще бороться съ прихотями Короля, которыя не всегда соответствовали требованіямъ вкуса. Заведеніе садовъ довершено было постройкию оранжерей. Затруднительнѣе всего было снабдить водою версальскіе пруды и водометы. Сначала вздумали провести въ Версаль рѣчку Эру (Eure), прокопавъ ей новое русло отъ одного пункта между Шартромъ и Ментеномъ. Сколько истрачено было денегъ! сколько погубло притомъ людей! На эту работу отряжены были пѣхотные полки: солдаты гибли сотнями отъ вредоносныхъ испареній взрытой земли. Но никто не смѣлъ говорить, что въ лагерь были большыя, а тѣмъ менѣе, чтобъ ктонибудь умеръ. Война (*) прекратила эти работы, и онъ съ тѣхъ поръ не возобновлялись: памятникомъ исполненныхъ трудовъ остались безобразныя развалины. — Кольбертъ, сказывають, имѣлъ намѣреніе провести воду изъ Луары. Строитель Лангедокскаго Канала, Рикке, брался исполнить этотъ планъ за 2,400,000 ливровъ, но, къ счастью, Кольбертъ, до заключенія контракта, предложилъ проектъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, и послѣ рачительнаго

(*) Въ 1688 г.

пневелированія, оказалось, что исполненіе его невозможно. — Въ 1690 построили машину въ Марли, для приведенія воды изъ Сены, но и этотъ планъ былъ неудаченъ: надлежало ограничиться сборомъ воды изъ всѣхъ окружающихъ болотъ, прудовъ, рѣчекъ, построить водоемъ на случай дождя, и такимъ образомъ набирать сколько нужно воды, для приведенія въ движеніе фонтановъ два или три раза въ годъ.» — «Согласитесь, сказалъ человекъ среднихъ лѣтъ, слушавшій старика очень внимательно, что ужасно подумать, какія несметныя суммы Лудовикъ XIV потратилъ на построеніе Версали!» — «А сколько, какъ вы думаете?» спросилъ старикъ. — «Вольтеръ говоритъ, что на Версаль употреблено пятьсотъ милліоновъ ливровъ, или, по нынѣшнему курсу, девятьсотъ милліоновъ.» — «Что вы! что вы! вскричалъ молодой человекъ: болѣе тысячи двухъ сотъ милліоновъ. Прочтите Мирабо: онъ говоритъ, что министръ Белль-Иль, досчитавшись до этой суммы, оставилъ отъ ужаса.» — «Кончили ль вы?» спросилъ старикъ, съ крохкою улыбкою. Эти показанія служили поводомъ и текстомъ ко многимъ декламациямъ во время революціи. Вольней, въ лекціяхъ объ Исторіи, читанныхъ имъ въ 1795 г. въ нормальномъ училищѣ, говорилъ, что на Версаль истрачено четыре тысячи шестьсотъ милліоновъ франковъ, на нынѣшній деньги, и ссылался при этомъ на рукопись, хранившуюся у бывшаго интенданта строеній, Анживилье. Наконецъ одинъ архитекторъ, Гильомо, вздумалъ по-

вѣрить эти преувеличенныя свидѣтельства, отыскалъ подлинныя счеты и рукопись Анживилье, и нашелъ, что всего истрачено на Версаль, въ теченіе двадцати семи лѣтъ (*), сто семьдесятъ одинъ милліонъ триста пять тысячъ триста восемьдесятъ ливровъ, два су и шесть денье, по нынѣшнему счету; по тогдашнему же, не много болѣе осьмидесяти пяти милліоновъ съ половиною. Вотъ чѣмъ ограничились эти тысячи милліоновъ! И куда же двались эти деньги? Онѣ перешли въ руки трудолюбивыхъ художниковъ, мастеровыхъ и работниковъ, остались во Франціи, и послужили къ обогащенію самыхъ полезныхъ сословій. Вѣрьте, послѣ этого, декламациямъ революціонныхъ крикуновъ!» Старикъ умолкъ. Лице его раскраснѣлось. Въ глазахъ заблестали слезы. Никто не смѣлъ ему противорѣчить. — Послѣ нѣкотораго молчанія, продолжалъ онъ: «И въ этомъ великолѣпномъ зданіи, достойномъ великаго своего обитателя, образовался характеръ Лудовика XIV, Короля Французскаго по превосходству: какъ другіе царскіе дворцы суть подражаніе единственной Версали, такъ чужіе Дворы образовались по примѣру Версальскаго. Кто исчислитъ великія событія, совершившіяся въ стѣнахъ опустѣвшей теперь Версали, и живущія доннынѣ въ своихъ послѣдствіяхъ? Тамъ великій Лудовикъ утвердилъ благодатную царскую власть, которая, въ молодости его, была

(*) Съ 1664 по 1690 г.

обуреваема крамолами и междоусобиями; тамъ основалъ онъ славную Французскую Монархію, возвысивъ ее надъ прихотями судьбы, надъ пере-
мѣнчивостью народнаго мнѣнія, надъ требова-
ніями властолюбивыхъ чиновъ государственныхъ.
Ветхое зданіе феодализма разрушилось. Король
воздвигъ новое, въ которомъ властвовали воли
Божія и воля Монарха, Богомъ установленнаго.
Вы видите, сколько великихъ дѣлъ совершено
было подъ этою хоругвию; но я все сбиваюсь на
политику — Богъ съ нею! Обратимся къ самому
Лудовику, къ его особѣ, къ его лицу. Собствен-
нымъ своимъ примѣромъ установилъ онъ тотъ
благородный, вѣличественный этикетъ, который,
какъ сіяніе славы, окружалъ царей его времени,
который, и въ самыхъ закоснѣлыхъ врагахъ
его, раждалъ къ нему уваженіе. Онъ имѣлъ ис-
тинно царскую добродѣтель возвышать цѣну дар-
ровъ своихъ граціею, съ какою раздавалъ ихъ:
каждое слово, каждый взглядъ, каждая улыбка
были расчитаннымъ послѣдствіемъ строгаго чув-
ства приличія, и постепеннымъ отличіемъ для
тѣхъ, къ кому относились. Лудовикъ въ боль-
шихъ собраніяхъ говорилъ мало, но всегда обя-
зательно, никогда не употребляли обидныхъ вы-
раженій, даже если упрекали или наказывалъ.
Онъ никогда прямо не отказывалъ: скажетъ тихо
je verrai (увидю), учтиво поклонится, и только.
Эти привѣтствія, эти приемы остались въ Исто-
ріи. Въ каждомъ его движеніи сливались грація
и величіе, особенно когда онъ обращался къ жен-

щинамъ. Говорятъ, что онъ не могъ пройти ми-
мо самой простой горничной, не коснувшись своей
шляпы. Предъ дамами придворными и знатными
онъ приподнималъ шляпу болѣе или менѣе, смо-
тря по ихъ сану, но говорилъ съ ними всегда
съ непокрытою головою. Такимъ образомъ ста-
рался онъ и самыя обыкновенныя дѣла подво-
дить подъ общія правила, все относить къ свое-
му времени и мѣсту, и тѣмъ способствовать къ
устройству въ государствѣ и при Дворѣ одного
цѣлаго. Вы увидите большую галерею версаль-
скую, мастерское произведеніе архитектуры, един-
ственное и неподражаемое. Вообразите посреди
ея Лудовика XIV, окруженнаго своимъ блиста-
тельнымъ Дворомъ, какъ онъ принималъ пословъ
чужестранныхъ. Взглядъ его, величественный и
принципальный, давалъ всему этому силу, зна-
ченіе и характеръ. Люди, безстрашно встрѣчав-
шіе смерть въ сраженіяхъ, не могли выдержать
этого взгляда. Ни одинъ посолъ не могъ на-
чать рѣчи своей, не собравшись съ духомъ.» —
«Позвольте, сказала госпожа Конрадъ: это вол-
шебное дѣйствіе производилъ не одинъ Лудовикъ
XIV. Графъ Сегюръ, царедворецъ съ пеленъ, ум-
ный, ловкій, смѣлый, смѣшался и не зналъ что
дѣлать, когда въ первый разъ вступилъ въ ауди-
енщъ-залу, чтобъ представиться Императрицѣ Ека-
теринѣ II. Въ замѣшательствѣ онъ совершенно
забылъ рѣчь, выученную имъ наизусть, которая
наканунъ представлена была Государыни на бу-
магѣ, и на которую составленъ былъ отвѣтъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія, увеличившагося еще улыбною Императрицы, которая не знала, отъ чего это происходитъ, онъ вдругъ, экспромтомъ произнесъ рѣчь, въ которой не было ни слова изъ прежняго проекта. И Государыня отвѣчала ему не такъ, какъ было приготовлено, а соответственно настоящимъ его словамъ. Вечеромъ, за картами, Императрица спросила его о причинѣ переменъ его рѣчи. Графъ чистосердечно признался, что взглядъ Государыни изумилъ его, что онъ оробѣлъ и забылъ выученное. «Вы литераторъ, сказала Государыня, и могли выпутаться изъ бѣды, а съ предметникомъ вашимъ было еще хуже. Онъ началъ рѣчь своими словами: «Король, всемогущій Государь мой,» и зашуделъ; покраснѣвъ, повторилъ: «Король, всемогущій Государь мой,» и опять остановился. Видя, что онъ и въ третій разъ скажетъ то же и не пойдетъ далѣе, я отвѣчала: «Король, всемогущій Государь вашъ, издавна мнѣ другъ,» и тѣмъ аудіенція кончилась.» — «Во времена Екатерины, продолжалъ старикъ, Версальскій Дворъ былъ уже не то, что прежде. Оставались наружныя формы; духъ ихъ исчезъ навѣки. И когда все государство приведено было въ разстройство, когда демонъ непокорности, буйства и безбожія поднималъ главу среди Франціи, вступилъ на престолъ добродѣтельный Лудовикъ XVI. Въ тихое, мирное время онъ былъ бы счастливѣйшимъ монархомъ; въ бурную эпоху конца XVIII столѣтія нужна была твердая рука

Лудовика XI или Петра Великаго, чтобъ удержать въ рукахъ кормило правленія. Революціи, какъ болѣзни, могутъ быть остановлены въ началѣ самыми простыми средствами, а когда онѣ разыграются, съ ними не сладить. Два, три картечные выстрѣла, при первыхъ смятеніяхъ въ Парижѣ, когда народъ сталъ грабить фабрики и разбивать тюрьмы, взятіе подъ арестъ и наказаніе двухъ, трехъ дерзкихъ писателей — и все было бы кончено. Лудовикъ не хотѣлъ пролить крови немногихъ негодяевъ, и отъ этого полилась кровь миллионъ невинныхъ людей, и гибельная революція заразила полсвѣта ядовитымъ своимъ дыханіемъ.» — Онъ погрузился въ молчаніе, вздохнулъ и продолжалъ: — «Послѣднія торжества происходили въ Версали въ 1783 году, когда пріѣзжалъ туда Великій Князь Павелъ Петровичъ съ своею супругою. Вообразите, что съ тѣхъ поръ не играли на тамошнемъ театрѣ, и понынѣ стоятъ въ немъ тѣ же декорации (или, по крайней мѣрѣ, стояли лѣтъ за десять предъ симъ), которыя были въ это представленіе. Страшнымъ случаемъ, революціонеры, разрушая все въ Версали не коснулись театра. Прискорбцо и ужасно вспомнить, какія сцены происходили въ великолѣпной царской столицѣ, когда расторглись узы законовъ, порядка и повиновенія. Произведенія искусствъ и богатія мебели были частію проданы, частію расхищены. Англичане перевезли въ свое отечество большую часть версальскихъ картинъ, купивъ ихъ за без-

цѣпокъ. Национальный конвентъ помѣстилъ въ версальскихъ чертогахъ двѣ тысячи шпалеровъ, которые довершили ихъ разстройство, и, за непмѣнѣемъ дровъ, разломали и сожгли драгоценныя штучныя полы. Паркъ раздѣленъ былъ на участки, и многіе изъ нихъ проданы. Разрушеніе прекратилось по принятіи владычества Наполеономъ. Онъ приказалъ сдѣлать во дворцѣ самыя необходимыя поправки, выкупилъ проданныя части сада, развелъ новыя аллеи, очистилъ большой каналъ, и возобновилъ иссохшіе фонтаны. Онъ хотѣлъ было перенести туда столицу имперіи, и приказалъ архитектору Гудуэну (Goudoin) составить планы и смѣты для возстановленія дворца и парка. Черезъ полтора года архитекторъ представилъ смѣту: она составляла пятьдесятъ два милліона. Наполеонъ не рѣшился потратить столько денегъ, но велѣлъ отнискать по три милліона въ годъ на поддержаніе дворца и парка. Лудовикъ XVIII и Карлъ X также старались сохранить Версаль въ томъ видѣ, какъ ее нашли, а теперь...» Старикъ умолкъ. «Что жъ теперь?» спросилъ чловѣкъ среднихъ лѣтъ. — «Теперь, сказалъ старикъ съ уныніемъ, смѣшаннымъ съ досадою, не знаю, что тамъ дѣлается. Буду, чтобъ посмотреть, но не думаю, что найду тамъ ожидаемое.» — «Такъ я вамъ скажу, возразилъ чловѣкъ среднихъ лѣтъ, что нынѣшнее правительство нашло самое лучшее средство употребить великолѣпный Дворецъ Версальскій, учредивъ въ немъ національный музей, который будетъ и хра-

милицемъ драгоценныхъ произведеній художественныхъ, и пантеономъ отечественной славы.» — «Это не новость, пробормоталъ старикъ: уже Директорія хотѣла учредить тамъ музей французской школы, но потомъ перенесла его въ Люксембургскій Дворецъ.» — «Это совсѣмъ не то, возразилъ чловѣкъ среднихъ лѣтъ съ досадою: это не школа живописи и ваянія, а Французская Исторія въ лицахъ. Прекрасно и достойно правительства возбуждать въ потомствѣ удивленіе и соревнованіе къ великимъ подвигамъ предковъ. Этого лучше всего можно достигнуть картинами, представляющими великія дѣла и безсмертныя лица. Отдѣльная статуя, надгробный памятникъ и тому подобное никогда не произведетъ подобнаго эффекта. Къ тому же, послѣ многихъ переменъ, волненій, революцій во Франціи, каждая эпоха, каждая партія имѣетъ своихъ любимцевъ, предаваемыхъ анаѣемъ противникамъ. Должно было слить въ одно цѣлое всю Исторію Франціи, всѣ роды ея славы и величія. И это исполнено не только по мысли Короля Лудовика Филиппа, но и на собственный его счетъ, изъ суммъ, принадлежащихъ ему лично. Устроеніе музея началось съ сентября 1833 года, и продолжалось съ тѣхъ поръ безпрерывно. Король лично руководилъ и управлялъ всеми работами: исчислено, что онъ съ того времени разъ сто проводилъ по цѣлымъ днямъ въ Версали, наблюдалъ за исполненіемъ своихъ предначертаній, перебивалъ, что оказывалось неудобнымъ, преодолевалъ препятствія

ободрялъ художниковъ и мастеровыхъ. И все это производилось въ величайшей тайнѣ. Въ теченіе почти четырехъ лѣтъ никого не пускали въ Версальскій Дворецъ, и самые художники знали только ту комнату, въ которой или для которой работали. Только въ последнее время, незадолго до открытія музея, Король сдѣлалъ въ этомъ нѣсколько исключеній, пригласивъ съ собою въ Версаль знаменитыхъ путешественниковъ и иностранныхъ пословъ. Имена приглашаемыхъ печатались всякій разъ въ Монитеръ. Эта таинственность и различные слухи, посившіеся въ публикѣ о преобразованіи Версали, до крайности возбудили любопытство и нетерпѣніе публики. Король рѣшился открыть преобразованный дворецъ при радостномъ для него случаѣ, бракосочетанія Герцога Орлеанскаго. Едва ли бывали въ Версали торжества, подобныя нынѣшнимъ.» — «А при Лудовикѣ XIV?» возразилъ старикъ съ гнѣвнымъ взглядомъ. — «Не исключая и тѣхъ. Можетъ быть, тогда было болѣе великолѣпія, но нынѣ конечно было болѣе оригинальности. Въ то время воспоминанія о миновавшемъ рыцарствѣ сливались съ новыми идеями о мѣологій классической древности, и изъ этого возникали картины и сцены, которыя тогда казались величественными и замысловатыми, а потомъ сдѣлались предметомъ насмѣшекъ. Теперь же торжествовали славу искусствъ и славу французскаго оружія всѣхъ временъ. Король, въ сопровожденіи своей фамиліи, иностранныхъ министровъ и другихъ знатныхъ и знаменитыхъ

особь, Французовъ и иностранцевъ, осмотрѣлъ новоустроенный музей; потомъ, въ Лебреновой Галерей, угостилъ великолѣпнымъ обѣдомъ полторы тысячи человекъ посѣтителей, причемъ было двѣ тысячи человекъ услуги. Вечеромъ данъ былъ, на возобновленномъ театрѣ, Мизантропъ Мольера, въ костюмахъ того времени, а послѣ того представлена одна сцена изъ Роберта, оперы Мейербера, съ балетомъ — и такимъ образомъ слиты были превосходныя произведенія XVII и XIX вѣка. На другой день открытъ былъ Версальскій Музей для публики, и всѣ залы его въ мигъ наполнились народомъ. Сорокъ тысячъ человекъ толпились въ просторныхъ комнатахъ. Я былъ въ эти два дня въ Версали, и ничего не могъ разсмотрѣть. Теперь ѣду туда, чтобъ насладиться вполнѣ.» На лицѣ его изобразилось удовольствіе ожиданія. Лице старика изображало внутреннюю грусть о прошедшемъ, и волненіе тяжелыхъ воспоминаній.

Пріѣхали. Растворились двери. Пассажиры выпрыгнули и разсѣялись во всѣ стороны. Лишь только мы вышли изъ omnibusа, нѣсколько человекъ съ платяными щетками насъ окружили, и предложили намъ свои услуги. Мы дѣйствительно имѣли въ нихъ надобность: дорогою занялись съ головы до ногъ. Но такovy ухищренія голы: бѣдные люди во Франціи, при каждомъ новомъ случаѣ, найдутъ новую отрасль промышленности и барыша. Мы съ удовольствіемъ заплатили по два су, чтобъ явиться посреди по-

стителей музея въ приличномъ видѣ. Алфредъ проголодался. Мы зашли въ первую ресторацію, какая намъ попалась, съѣли очень немного, выпили еще меньше, и заплатили ровно вчетверо противъ парижскихъ цѣнъ. Потомъ отправились мы во дворецъ, и осмотрѣли все, сколько возможно было, со вниманіемъ. Разумѣется, что для надлежащаго описанія и оцѣнки, надлежало бы употребить не одно утро, а недѣлю и больше. Сообщаю обзорніе Версальскаго Музея, составленное мною и по собственному наблюденію, и при помощи печатныхъ описаній.

Наружность Версальскаго Замка осталась прежняя, какъ была до 1830 года. Даже возстановлены золотыя лиліи, которыя, во время іюльской революціи, были стерты съ фронтона надъ главнымъ входомъ. Единообразіе и пустота перваго, широкаго двора устранины постановкою семнадцати статуй, приличныхъ назначенію музея. Въ срединѣ, между флигелями дворца, возвышается бронзовая конная статуя Лудовика XIV, въ костюмѣ того времени: она поставлена въ средоточіи, отъ котораго простираются дороги въ Парижъ, Сень-Клу и Со. Двѣнадцать бѣлыхъ мраморныхъ статуй, окружающихъ ее, стояли прежде сего на мосту, идущемъ отъ Площади Лудовика XV къ зданію Бурбонскаго Дворца. Онѣ изображаютъ де-Геклена, Байарда, Тюрсеня, Конде, Дюкена, Дюге-Труэна, Турвиля, Сюфрена, аббата Сюжера, Сюлли, Ришелье и Кольберта. Представители новыхъ временъ суть: Журданъ, Массена, Лансъ

и Мортъе. Надъ фронтономъ обонхъ флигелей надпись: *A toutes les gloires de la France* — Старичекъ, спутникъ нашъ, котораго мы потеряли было изъ виду, стоялъ предъ однимъ изъ фронтоновъ, и качалъ головою: «Слава Франціи! бормоталъ онъ: а чего тутъ вѣтъ! Тутъ и Бюбе, придворный карликъ Станислава Лещинскаго!»

Средній входъ во дворецъ по мраморному полу, нынѣ возстановленному, закрытъ для публики. Должно проходить двумя посторонними: чрезъ дворы Принцевъ (*des Princes*) или придворной церкви (*de la chapelle*).

Музей Версальскій раздѣляется на четыре части: 1) историческія картины; 2) портреты; 3) бюсты и статуи; 4) морскіе виды и королевскіе дворцы. Пятое отдѣленіе, еще не открытое, будетъ заключать въ себѣ полное собраніе всѣхъ медалей, относящихся къ Французской Исторіи. Значительнѣе всего первая часть музея, картинная; она состоитъ изъ двѣнадцати отдѣленій: 1. Сраженія съ начала монархіи понынѣ. 2. Важнѣйшія событія Франціи въ царствованіе Лудовика XIV. 3. Вѣкъ Лудовика XV. 4. Вѣкъ Лудовика XVI. 5. 1792 годъ. 6. Побѣды Республики. 7. Походы Наполеона. 8. Времена Имперіи. 9. Царствованіе Лудовика XVIII. 10. Царствованіе Карла X. 11. Пронсшествія 1830 г. 12. Время Лудовика Филиппа. — Собраніе историческихъ портретовъ состоитъ изъ пяти отдѣленій: 1. Короли Франціи, отъ Фарамонда до Лудовика Филиппа. 2. Великіе адмиралы. 3. Коннетабли. 4. Всѣ маршалы. 5. Всѣ

знаменитые воины, нисходящие въ четыре первые отдѣленія. Портреты другихъ знаменитыхъ Французовъ, составляющіе шестое отдѣленіе, равно какъ и изображенія знаменитыхъ особъ всѣхъ временъ и народовъ, помѣщены въ особой залѣ. — Бюсты и статуи, составляющіе довольно полный рядъ знаменитѣйшихъ особъ изъ всей Французской Исторіи, суть или старинныя мраморныя изваянія, или копіи, мраморныя и гипсовыя. Сюда же принадлежатъ достопамятныя надгробныя памятники. — Четвертая часть, морскихъ видовъ и королевскихъ замковъ, числомъ меньше прочихъ, но заключаетъ въ себѣ превосходныя оригинальныя произведенія, служащія приурочками къ исторіи художествъ и обычаевъ. — Картинъ числомъ 2745; мраморныхъ и гипсовыхъ изваяній 541. Въ числѣ первыхъ находятся 1030 большихъ и малыхъ историческихъ картинъ, отъ битвы при Толбіакѣ (496) до сраженія при Маскарѣ (1835); 60 видовъ королевскихъ замковъ съ ихъ окрестностями, и 1654 портрета: Королей Французскихъ, 71; адмираловъ, 63; коннетаблей, 39; маршаловъ, 299; знаменитыхъ воиновъ, 76; остальные суть портреты великихъ мужей и женъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Всѣ сии предметы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Этому противупоставлялись большія препятствія, какъ въ расположеніи комнаты, такъ и въ размѣрѣ картинъ, и потому, въ некоторыхъ мѣстахъ, строгій хронологическій порядокъ нѣсколько нарушенъ: сохранены только

важнѣйшія эпохи. Каждая зала, каждая галерея переноситъ насъ въ особый періодъ Исторіи, гдѣ зритель самъ находитъ блистательныя и свѣтлыя точки. Подъ каждою картиною, на золотомъ полѣ, изображено имя художника, и сказано, что именно она представляетъ.

Толпа народная внесла насъ въ нижній этажъ южнаго флигеля, гдѣ встарину жили королевскія дѣти съ своимъ придворнымъ штатомъ. Въ свѣняхъ, колоссальный бюстъ Наполеона возвыщается, что мы стоимъ въ преддверіи его воинской славы. Здѣсь начинается галерея Наполеона, состоящая изъ двѣнадцати меньшихъ и одной большой залы: въ нихъ заключается исторія Наполеона съ 1796 по 1809 годъ. Надъ входомъ въ каждую залу начертаны годы происшествій, въ ней изображенныхъ. Въ шести первыхъ залахъ помѣщены походы въ Италию, Египтъ и Германию, до взятія Ульма (1805), за исключеніемъ битвы при Маренго, которая, со всѣми принадлежачими къ ней частями, помѣщена въ концѣ галереи, въ большой залѣ, называемой Маренгскою (salle de Marengo). Переходъ изъ шести первыхъ залъ къ остальнымъ составляютъ новопостроенныя мраморныя свѣи, въ которыхъ стоятъ многіе бюсты и статуи Наполеона въ разныя эпохи его жизни (работы Бартолини, Гудона, Бозио, Сѣрра), также бюсты обихихъ Императрицъ, Жозефины и Маріи Луизы, Камбасереса, Лебрёна. Въ остальныхъ шести залахъ изображены подвиги и походы Наполеона съ 1805 года.

до вступленія его въ бракъ съ Эригерцогшию Маріею Луизою. Въ числѣ сихъ картинъ есть нѣкоторыя отличныхъ мастеровъ: Давида, переходъ чрезъ Альпы, битва при Пирамидахъ, Карла Вернета, Маренгская Битва; но многія изъ сихъ произведеній изготовлены наскоро, именно для наполенія мѣсть музеума, и возбуждаютъ въ зрителѣ непріятное чувство ребяческаго своею отдылкою. Рядомъ съ музеемъ Наполеона идетъ длинная галерея, въ которой выставлены бюсты знаменитѣйшихъ французскихъ генераловъ новѣйшихъ временъ, съ 1790 до 1815: Гоша, Лафаетта, Кюстина, Дюмурье, Пиннегрио, Жубера, Клебера, Десекаса, Моро, Евгенія, Мюрата, Бертье, Ланна, Мортье, Шей, Даву, и пр.

Отсюда, по лѣстницѣ Прищевъ, входящъ въ первый этажъ (большой-этажъ), въ свѣтл, украшенныя статуями Лудовика XIV и Лудовика Филиппа: это Павильонъ Орлеанскій, изъ котораго непосредственно входящъ въ батальную галерею. Эта галерея, построенная архитекторами Фонтеномъ и Певе (Pevet), поражаетъ своею огромностью и великолѣбіемъ. Для построенія ея, вынуты простѣнки въ комнатахъ, которыя некогда занималъ Графъ д'Артуа, (Карлъ X): она теперь имѣетъ въ длину 120, а въ ширину 15 метровъ. Свѣтъ падаетъ сверху; крыша поддерживается тридцатью двумя столбами свраго мрамора, съ капителями и пьедесталами изъ вызолоченной бронзы. Прочія украшенія, арабески, бронза и пр., соответствуютъ величію цѣлаго. Здѣсь развѣше-

ны картины главныхъ битвъ изъ Французской Исторіи, отъ победы Клодвиги, при Толбіакѣ, до Битвы Ваграмской, въ 1809 году. Важнѣйшія картины суть: Битва при Толбіакѣ, Ори Шеффера; Карлъ Мартель при Туръ, Штейбена; Карлъ Великій, при Падерборнѣ, Ори Шеффера; пораженіе Норманновъ подъ Парижемъ, Шнеца; Филиппъ Августъ при Бувинь, Горація Вернета; Лудовикъ Святой при Тайльбургъ, Делакура; Филиппъ Прекрасный при Монсъ-анъ-Шюагъ, Шаммартена; Филиппъ де Валуа при Кассель, Генриха Шеффера; Жанна д'Аркъ предъ Орлеаномъ, его же; Карлъ VIII при Неаполь, Ферона; Францискъ I при Марианьянъ, Фрагонара; въездъ Генриха IV въ Парижъ, Жерара; Конде при Рокруа, Гейма; Вилларъ при Денеувъ, Монвуазена; Графъ де Саксъ при Фонтенуа, Горація Вернета; Журданъ при Флёрюсъ, Мопесса; Наполеонъ при Риволи, Конье (Cogniet), при Аустерлицѣ, Жерара, при Іенѣ, Горація Вернета, при Фридрихъ, его же, и наконецъ при Ваграмъ, Белланже. Я съ любовнѣтствомъ смотрѣлъ на картину Аустерлицкой Битвы: вотъ лежитъ на пушкѣ, обнявъ ее, артиллерійскій подпоручикъ Демидовъ; вотъ подводятъ къ Наполеону покрытаго кровію, кавалергардскаго корнета Сухтеленна... «Какъ вы засмотрѣлись на Аустерлицкую Битву! сказала мнѣ шути Софія Ивановна. Подумаешь, что побѣда была одержана Русскими.» — «Tout était perdu sans l'honneur! отвѣчалъ я: побѣды зависятъ отъ высшей власти, иногда отъ случайно-

стей, но честь, храбрость, любовь къ отечеству являются и въ неудачахъ, и еще съ большимъ блескомъ. При счастьи не трудно быть великимъ: отличимся благородствомъ въ бѣдствіи. — Впрочемъ мы загладили неудачу при Аустерлицѣ славными и безсмертными подвигами. Для чего не признаться, что величайшіе полководцы новыхъ времянь, Карлъ XII и Наполеонъ, били насъ *только сначала?*»

Къ галереѣ батальной примыкаетъ, на самомъ краю флигеля, зала 1830 года (бывшее жилище Герцога Орлеанскаго), въ которой помѣщены картины, представляющія дѣйствія и случаи июльской революціи. Картины преобладаютъ и только: онѣ написаны въ принужденномъ, театральномъ стилѣ новой французской школы, отличаются яркостью и пестротой красокъ, а не естественностію и изяществомъ. Сущіе трактирные обон! произнесъ дрожащій голосъ за нами. Мы оборотились, и увидѣли нашего спутника, старичка роллиста: онъ смотрѣлъ съ досадою на картину взятія Лувра парижскою чернію, и бормоталъ что-то про себя.

Въ обратный путь пошли мы по широкому коридору, съ мраморнымъ поломъ: въ немъ стоятъ статуи и бюсты знаменитѣйшихъ особъ вѣка Людовика XIV, и поэтому онъ называется *galerie de Louis XIV*. Здѣсь есть представители всѣхъ званій; воины: Тюреннь, Конде, Люксенбургъ, Катина, Креки, Буфлеръ, Монтескіу, Вандомъ, Вилларъ; моряки: Дюкенъ, Турвиль, Дюге-Тру-

онъ; министры: Кольбертъ, Лувуа, Торси; духовные: Боссюэтъ, Фенелонъ, Масильонъ, Бурдалу; члены парламента: Моле, Ламуаньонъ, Талонъ, Дагессо; строители: Вобанъ, Рике, Перро, Мансаръ; художники: Пюже, Жирардонъ, Пуссенъ, Лесюэръ, Лебрёнъ; писатели: Корнель, Расинъ, Молиеръ, Кино, Лафонтенъ, Буало, Лабрюеръ и пр. — Въ числѣ статуй достойно вниманія изваяніе Дѣвы Орлеанской, трудовъ второй дочери Короля Людовика Филиппа, Принцессы Маріи (*). Не помню впрочемъ, именно въ которой галереѣ стоитъ эта прекрасная статуя: при входѣ занимаетъ она съ правой руки первое мѣсто.

Въ среднемъ зданіи дворца входимъ сначала въ залу 1792 года, бывшую залу *des cent Suisses*, т. е. швейцарской королевской гвардіи. Въ ней помѣщены картины, относящіяся къ знаменитымъ воспоминаніямъ первыхъ войнъ революціонныхъ. Главныя мѣста занимаетъ битва при Вальми (съ Гораціемъ Вернета) и при Жемаппѣ, Генриха Шеффера. Онѣ окружены сценами изъ походовъ въ Нидерландахъ и на Рейль, въ которыхъ новые французскіе генералы начали воинское свое поприще. Наполеонъ Бонапарте является здѣсь подполковникомъ перваго корсиканскаго баталіона; Людовикъ Филиппъ, адъютантомъ генерала Дюмурье; генералъ Беллиаръ, капитаномъ перваго Вандейскаго баталіона; Марсо, въ 1793 командовавшій Западною Арміею, простымъ волонте-

(*). Нынѣшней Герцогини Виртембергской.

ромъ ополченія; маршалъ Клозель, капитаномъ 43-го линейнаго полка; маршалъ Лористонъ, капитаномъ 8 артиллерійскаго полка; Пинегрю, адъютантомъ артиллеріи; Лангъ, подпоручикомъ; адмиралъ и морской министръ Дюперре, простымъ матросомъ; Бернадотъ, нынѣшній Король Шведскій Карль Іоаннъ XIV, поручикомъ 56-го линейнаго полка; Іоакимъ Мюрать, подпоручикомъ 12-го егерскаго полка; маршалъ Жераръ, рядовымъ волонтеромъ ополченія; маршалъ Мезонъ, гренадеромъ перваго парижскаго баталіона; маршалъ Сультъ, сержантомъ 25-го линейнаго полка; маршалъ Лобау, капитаномъ; Жюно, сержантомъ; Фуа, поручикомъ артиллеріи, и проч. Здѣсь найдете вы Кюстина, Бѣрионвилля, Лукнера, Рошамбо, Дюмурье, Келлерманна, Груши, Бертье, Массену, Удино, Клебера, Моро и другихъ генераловъ французскихъ, прославившихся подъ знаменами республики. Эта зала, по важности изображенныхъ въ ней лицъ, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ въ Версальскомъ Музее. Жаль, что исполненіе не соответствуетъ nambrенію: большая часть портретовъ нарисованы наскоро, школьниками, и не имѣютъ ни какого характера, ни сходства съ подлинниками.

Къ этой залѣ примыкають четыре комнаты, заключающія въ себѣ изображенія военныхъ сценъ 1795-1805 годовъ, водяными красками (en gouache). Это драгоценное собраніе (числомъ до трехъ сотъ картичь) нарисовано капитаномъ Бажелли, бывшимъ при Наполеонѣ, въ итальянскомъ походѣ.

Проложателями были Морель, Пуассанъ и Симеонъ Форъ.

Зала коронаціи (la salle du sacre), одна изъ самыхъ обширныхъ комнатъ во дворцѣ, въ которой иногда встарину собирався и парижскій парламентъ, называется такъ по огромной картичь Давида, представляющей коронацію Наполеона въ церкви Notre Dame. Въ той же залѣ висятъ: раздача орловъ, картина Давида, и сраженіе при Абукирь, работы Гро. Последняя картина помѣщена здѣсь для того, что, по огромному размѣру, нельзя было повѣсить ея ни въ какой другой залѣ. Этимъ оканчивается съ сей стороны рядъ картичь, относящихся въ исторіи революціи и Наполеона.

По знаменитой мраморной лѣстницѣ прешли мы въ собственные апартаменты Королей Лудовика XIV, Лудовика XV и Лудовика XVI, и Королевы Маріи Терези и Маріи Антоіни. При возобновленіи сихъ комнатъ старались сохранить ихъ въ первоначальномъ видѣ, и украсить картинами, относящимися къ вѣку Лудовика XIV. Потолки, расписанные Лебрёномъ и его учениками, подновлены по возможности; на стѣнахъ висятъ прекрасныя батальныя картичы фашъ-дерь-Мёлена, и портреты Королевской Фамиліи Миньяра. Сохранена и часть прежнихъ мебели.

Между прочимъ удалось возстановить спальню Лудовика XIV совершенно въ прежнемъ видѣ. Образцемъ служила небольшая картина того времени, найденная случайно и помѣщенная въ му-

зеумъ. Главное украшеніе этой спальни состоитъ въ богатой и искусной драпировкѣ балдахина надъ кроватью, двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ тогдашняго придворнаго бойщика Симона Делобеля. На этомъ балдахинѣ представлено было шитьемъ торжество Вечеры. Набожная госпожа де Ментенонъ, въ послѣдніе годы царствованія Лудовика; возненавидѣла эти изображенія, и заказала воспитанницамъ Сень - Сирскаго Училища вышить другой балдахинъ съ изображеніемъ жертвоприношенія Исаака, и жертвоприношенія Ифигенин, по мысли Расина. Въ эти драгоценности найдены, по приказанію Лудовика Филиппа, послѣ тщательныхъ поисковъ. Кровать, съ большею частію балдахина Делобеля, найдена на чердакѣ мебельнаго собранія (garde-meubles). Коверъ, вышитый сень-сирскими дѣвками, разрванный надвое, долго былъ возимъ на продажу по Германіи и Италіи, и наконецъ купленъ Лудовикомъ Филиппомъ, и употребленъ въ своемъ мѣстѣ. Потолокъ балдахина украшенъ жертвоприношеніемъ Исаака. По четыремъ угламъ находятся вызолоченные трофеи, и надъ ними два амурчика держатъ щитъ — это работа Делобеля. По обѣимъ сторонамъ кровати стоятъ мебели, служившія Лудовику XIV, и даже красная бархатная подушка, на которую каждый вечеръ клали зеленый шелковый мѣшокъ съ рубахою, носовымъ платкомъ и кортикомъ. Мѣсто, въ которомъ стоитъ кровать, отдѣлено балюстрадаю, за которую никто не смѣлъ переступать безъ позволенія королевскаго. Во время Лудовика эта

комната украшена была двумя первостепенными картинами: Давидъ славословящій Господа, Доменикина, и Иоаннъ Евангелистъ, Рафаэля. Король такъ любилъ эти картины, что приказывалъ возить ихъ за собою, въ Марли, Сень - Жерменъ, Фонтенебло, и вѣшалъ подлѣ своей кровати. Первая изъ сихъ картинъ теперь въ Луврѣ, и замѣнена Святою Цециліею, того же художника, а Рафаэлева пропала неизвѣстно куда: теперь на ея мѣстѣ Святая Фамилія, Рафаэлева же. Потолокъ этой комнаты украшенъ картиною Павла Веронезе, представляющею низверженіе Титановъ: эта картина вывезена изъ Венеціи Наполеономъ, и при возвращеніи произведеній искусствъ въ 1815 году, ее успѣли спрятать.

Извѣстно, что Лудовикъ XIV умеръ въ этой комнатѣ. При кончинѣ его введены два обыкновенія, постоянно наблюдаемыя съ того времени. Лишь только Король скончался, первый его камердинеръ, вышелъ на балконъ и громкимъ голосомъ возвѣстилъ народу: *Le roi est mort* (Король умеръ)! Засимъ онъ переломилъ свой жезль, взявъ въ руки другой, и воскликнулъ: *vive le Roi* (да здравствуетъ Король)! — Второй обрядъ состоялъ въ томъ, что на часовомъ циферблатѣ (безъ часовъ) ставили стрѣлку на ту секунду, въ которую скончался Король, и она оставалась въ этомъ положеніи во все послѣдующее царствованіе. Нынѣ стрѣлка стоитъ на смертномъ часѣ Лудовика XVIII.

Въ пресловутой залѣ *Oeil-de-bœuf*, висятъ произведенія средней французской школы: изображенія Людовика XIV и всей его фамилии въ видѣ баснословныхъ боговъ и богинь, работы Миньяра.

Галерея Лебрёна (*grande galerie des glaces*), великолѣпнѣйшая зала, какую себѣ представить можно, сохранена въ прежнемъ блестящемъ видѣ. Въ ней и въ близлежащихъ комнатахъ висятъ картины, относящіяся къ военнымъ подвигамъ времени Людовика XIV.

Въ средней части нижняго яруса, въ бывшихъ комнатахъ Дофина, помѣщены портреты всѣхъ французскихъ адмираловъ, отъ Флоранъ де Варенна (1270 и Энгерранъ де Куси (1285) до Иоакима Мюрата и Герцога Ангюлемскаго. Въ другой комнатѣ висятъ портреты тридцати девяти коннетаблей, съ 1060 до 1627, когда это достоинство было уничтожено. Въ тринадцати залахъ висятъ портреты 299 маршаловъ французскихъ. Первое мѣсто занимаетъ Пьерръ (1185 г.) а послѣднее Груши (19 ноября 1851). Въ двухъ близлежащихъ залахъ, гдѣ жили госпожа де Монтепанъ, а потомъ Маркиза Помпадуръ, находятся портреты великихъ воиновъ, неподходящихъ подъ вышеприведенные разряды: Карлъ Смѣлый, Иоаннъ Безстрашный, Лагиръ, Дюнуа, Гастонъ де Фуа, Баярдъ, Гюизы, Дѣва Орлеанская, и проч., до Евгения Богарне, скончавшагося въ 1824 году.

Посреди сихъ собраній портретовъ находится галерея Людовика XIII, въ которой заключаются

памятники время сего Короля. Здѣсь же, изъ многихъ небольшихъ комнатъ, составлена одна длинная зала, въ которой поставлены будутъ шестьдесятъ два портрета владыкъ Франціи, до Наполеона и Людовика Филиппа включительно.— Достойны вниманія въ этой сторонѣ музея два параллельные коридора, въ которыхъ выставлены статуи и надгробные памятники Королей, Королевъ, принцевъ и вельможъ французскихъ: они или современные мраморные, или гипсовые слѣпки.

На краю этого флигеля, лестница ведетъ въ третій этажъ, гдѣ, въ двухъ, параллельно идущихъ галереяхъ, находятся портреты великихъ и славныхъ мужей и женъ всѣхъ временъ и народовъ, съ XIV столѣтія до 1792 года. Это собраніе, по внутреннему своему достоинству, есть самое важное во всемъ музеевѣ. Тысячи находящихся въ немъ портретовъ написаны не наскоро, не по заказу, а большею частію старинными и новыми первостепенными артистами. Здѣсь можно изучать исторію искусства во всѣхъ ея періодахъ.— Къ числу любопытнѣйшихъ произведеній этого отдѣленія принадлежатъ: изображеніе засѣданія парламента, открытаго Карломъ Смѣлымъ въ Дижонѣ въ 1476 году. Надъ головою каждой фигуры показаны имя и званіе лица. Двѣ картины, представляющія балъ, данный Генрихомъ III въ 1581 году, любопытныя тогдашними костюмами, и особенно тѣмъ, что почти всѣ изображенныя на нихъ лица суть портреты. Прелестны многіе женскіе портреты, Агнессы Сорель, Гер-

цогини Сибиллы Клевской, Анны Арагонской, (говорятъ, работы Рафаэля), Дианы де Пуатье, Маріи Стюартъ, и проч.— Изъ портретовъ XVIII столѣтія особенно два имѣютъ историческое достоинство. Первый, Шведскаго Короля Карла XII, работы Фанъ-Графта. Король никакъ не позволялъ снимать съ себя портретовъ. Однажды убѣдился онъ просьбами Графта, но когда портретъ былъ конченъ, раскаялся въ своемъ малодушіи, и вырѣзалъ лице изъ портрета, ножикомъ. Потомъ портретъ этотъ возобновили въ прежнемъ видѣ. Другой есть портретъ Императора Павла I. Бонапарте, сдѣлавшись Первымъ Консуломъ, и предложивъ Россіи миръ и дружбу, повѣсилъ этотъ портретъ надъ своею кроватью.

Въ послѣднихъ залахъ находится полное собраніе портретовъ Бурбоновъ старшей и младшей линіи. Странное смѣшеніе! Регентъ подлѣ Лудовика XV, Филиппъ-Эгалитѣ подлѣ Маріи Антоніи, Герцогъ Шартрекій подлѣ Графа д'Артуа. Эти портреты, большею частію, работы посредственной.

Мы видѣли и придворную церковь, которая менѣе прочихъ частей дворца пострадала отъ революціи. Въ ней находятся многія драгоценныя картины.

Утомленные, развлеченные, разбитые множествомъ разнообразныхъ впечатлѣній, вышли мы изъ дворца, и отправились въ садъ, гдѣ видъ земли и чистыхъ прудовъ доставилъ отдохновеніе глазамъ нашимъ, и позволилъ собраться съ духомъ.

Мысль помѣстить національный музей въ оставленномъ Дворцѣ Версальскомъ была самая счастливая и умная. Король доставилъ этимъ пищу народному любопытству и народному тщеславію, двумя сильными двигателямъ во Франціи. Французская Исторія богата знаменитыми людьми, важными происшествіями, великими подвигами. Какъ не освѣжить ихъ въ памяти народа? Какъ не показать нынѣшнему поколѣнію, что и въ прежніе вѣки были во Франціи люди, достойные памяти потомства, что и тогдашнія дѣла заслуживали безсмертія? Собственное искусство выигрываетъ отъ учрежденія музея не очень много. Едва ли пятая часть картинъ его достойна вниманія: остальныя работа ученическая, поспѣшная, фабричная.

Въ саду увидѣли мы старичка, нашего спутника. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, и читалъ какія-то книжки и газеты, съ большимъ удовольствіемъ. Приметивъ госпожу Конрадъ, онъ пригласилъ насъ занять мѣсто подлѣ его, и послушать, что онъ вычиталъ въ брошюрахъ и журналахъ. «Не правда ли, что вы очень позабавились въ музеѣ?» спросилъ онъ у ней.— «Очень интересно, отвѣчала она. Я видѣла въ лицахъ всю исторію Франціи, и частенько буду ѣздить сюда съ моими сыновьями: они Французы, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ должны узнать и полюбить свое отечество, узнать и полюбить изящныя искусства.» Старикъ и не замѣтилъ, что она отзывалась такъ для отвращенія всякихъ объясненій, всякихъ насмѣшекъ съ его стороны. «Это вы конечно нашли въ ре-

волюціонныхъ журналахъ, возразилъ онъ, но послушайте, что говорятъ порядочные люди, къ которымъ вы принадлежите сами по рожденію, по воспитанію, по мѣсту, которое занимаете въ свѣтъ, какъ я изо всего вижу, хотя и не имѣю чести знать васъ. Вотъ, напримеръ, книжечка господина Куртуа, объ этомъ музей-чудовищѣ (*musée monstre*), не правда ли, приличное названіе? Вы думаете, что видѣли портреты коштэблей, маршаловъ, адмираловъ, прелатовъ XIV, XV и XVI вѣковъ? Извините! Это портреты солдатъ парижской муниципальной гвардіи, въ костюмахъ прежнихъ временъ. Боссюотъ снялъ съ вѣвѣскіи знаменитаго питейнаго дома въ предмѣстьѣ Сент-Марсо: *Au jeux singé de Meudon*, а Балярдъ, рыцарь безъ страха и безъ упрека, срисованъ съ портрета забавника Скаррона.» — «Но согласитесь, сказалъ одинъ человекъ, сидѣвшій на той же скамьѣ, что здѣсь сдѣлано все возможное, что потрачены многіе миллионы.» — «И все это изъ благоразумной экономіи, продолжалъ старикъ. Пора была возстановить Версальскій Дворецъ. Надобно было пустить шель въ глаза Французамъ. Вотъ навезли отвсюду картинъ, и завѣсили ими голыя стѣны. Гдѣ не доставало стараго, наляпали кое-какъ новое. Все школьническія работы, *des croutes!* Это сущій бунтъ картинъ (*émeute des tableaux!*)» Не знаемъ, сколько времени старый роялистъ продолжалъ бы свою филиппику. Къ счастью нашему, увидѣвъ онъ вдали своихъ знакомыхъ, и извинясь предъ госпожею Копрадъ,

бросился къ нимъ. — «Вы конечно иностранецъ, сказалъ мнѣ незнакомый, потому что не пристаеете ни къ какой партіи. Вотъ каковы наши земляки! Стыдъ да и только! Что бы ни сдѣлало правительство, все перетолкуютъ, все перелгутъ, все оклеветаютъ! Дѣлай имъ добро! Цѣтъ, лучше бы всего возстановить правленіе Императора, насильно зажать ротъ крикунамъ, и воскресить истинную славу народа.» — «Вотъ еще другой, сказала мнѣ госпожа Копрадъ: это, видно, отставной офицеръ. Если вы не хотите выслушать исторіи всѣхъ походовъ Бонапарта, уберемся заранѣе.» — Я последовалъ ея совету. Въ этотъ день фонтаны не были пущены, и мы рѣшились, погулявъ недолго по прекраснымъ аллеямъ, отправиться въ Марли. На широкомъ лугу передъ самымъ дворцомъ, копошились парижскіе граждане. Они прѣзжаютъ сюда по воскресеньямъ, и проводятъ время въ шуткахъ и играхъ. Главная ихъ забава завязать одному изъ товарищей своихъ глаза, и заставить его прямо пройти по лугу. Всѣ за это берутся, и никто не успѣваетъ. Громкій хохотъ сопровождаетъ неудачу. Вотъ еще французское старинное веселье, когда всѣ пѣли, шутили, смѣялись отъ души, когда бури революцій, войны и раздоровъ семейныхъ не возмущали ни общественаго, ни частнаго спокойствія и благополучія! Теперь это осталось только въ низшихъ классахъ народа, да и тамъ съ большими исключеніями. Все лезетъ въ гору; все хочетъ денегъ, славы, власти. А никто изъ нихъ, съ завязан-

ными глазами (у кого же нѣтъ какой нибудь на глазахъ повязки?) не найдеть прямой дороги и на десяти шагахъ!

Вышедши изъ сада, мы нашли четверомѣстную карету, и наняли ее на весь день. Около четырехъ часовъ прибыли мы въ мѣстечко Марли, и вскорѣ отыскали добраго Ваттемара. Онъ принялъ насъ съ искреннею, непритворною радостью, и угостилъ отъ всей души. Въ числѣ гостей была одна достопамятность — Негритянка среднихъ лѣтъ, одѣтая скромно, въ обращеніи своемъ въжливая и пріятная. Странно было видѣть бѣлый кружевной чепчикъ съ голубыми лентами, на черной шерстОВОЛОСОЙ головѣ!

Марли, теперь неважное мѣстечко, на скатѣ возвышенія по лѣвому берегу Сены, имѣеть около полуторы тысячи жителей, и достойно примѣчания паровою машиною, которая поднимаетъ воду изъ рѣки, и доставляетъ ее въ версальскіе пруды. По имени Марли называется еще тонкая ткань, родъ газа, не знаю употребляемая ли нынѣ. По встарину Марли былъ не то, что теперь. Вотъ исторія этого мѣста, рассказанная моимъ хозяиномъ. Однажды Лудовику XIV соскучилось въ великолѣпной Версали, въ обществѣ горделивой Мопстеспань. Шумъ и блескъ Двора его утомилъ: онъ искалъ уединенія. Огромныя и великолѣпныя зданія, просторныя сады съ прямолинейными дорожками, населенныя царедворцами, наждами и слугами, потеряли всю прелесть въ глазахъ его. Преслѣдуемый и томимый скукою и

пресмыченіемъ, онъ повхалъ однажды, съ немощими изъ приближенныхъ своихъ, въ самую пустынную сторону окрестностей Парижа. Карета остановилась посреди холмовъ Люсеннскихъ, и Король вышелъ. Одинъ изъ царедворцевъ, догадываясь о намѣреніи Монарха, сказалъ ему почтительно: «Государь! вы не найдете лучшаго мѣста для построенія себѣ дворца.» — «Правда отвѣчать Король, но мнѣ не того надобно. Довольно потратилъ я денегъ на постройки, а въ этомъ пріятномъ мѣстѣ разорюсь въ конецъ. Пойдемте впередъ. Видите ли на скатѣ этого пригорка маленькую деревушку? Какъ здѣсь тихо и спокойно! Какъ привольно здѣсь жить! Это мѣсто мнѣ нравится.» Въ сію самую минуту солнце, скрывавшееся дотолѣ за тучами, озарило яркими лучами скромное сельское кладбище. При этомъ зрѣлищѣ Король поникъ головою и погрузился въ мечтаніе. Не было ли это предвѣщаніемъ свыше, что нѣкогда, на семь самоѣ мѣстѣ, свидѣтель бѣдствій, постигшихъ конецъ его жизни, иссохнутъ и надуть одна за другою, юныя ветви его царственного древа! Одинъ изъ придворныхъ, замѣтивъ, какъ поразила Короля картина смерти и тлѣнія, прервалъ молчаніе словами: «Ваше Величество не изволили замѣтить, какъ эта долина тѣсна, какъ эти холмы ограничиваютъ видъ со всехъ сторонъ. Мѣста болотистыя, неприступныя.» — Это-то мнѣ и нравится, сказалъ Лудовикъ: я хочу построить здѣсь эрмитажъ, пустынь, пріютъ, гдѣ можно забыть свѣтъ и

Дворъ. Какъ зовутъ эту деревню?» — Марли, В. В. — «Хорошо! станемъ вздѣть раза по два въ годъ въ Марли, чтобъ каяться въ грѣхахъ.» — Въ тотъ же вечеръ, воротаясь съ прогулки, Король послалъ за Мансаромъ, и приказалъ немедленно заняться постройкою эрмитажа. Этотъ эрмитажъ стоилъ нѣсколько милліоновъ ливровъ. Современники говорятъ, что это было мѣсто чудесъ. Великолѣпный павиліонъ королевскій, называвшійся Павиліономъ Солнца, возвышался посреди двѣнадцати меньшихъ павиліоновъ. Передъ нимъ былъ фонтанъ, въ видѣ снопа, вышиною на двадцать сажень. Прекрасныя аллеи простирались во все стороны. Посреди ихъ красовались статуи мраморныя, бронзовыя, цвѣтники, картины, прозрачныя пруды. Въ Марли происходилъ послѣдній актъ трилогіи, составляющей жизнь Лудовика XIV: первый былъ въ Сентъ-Жерменъ, второй въ Версали. Въ Марли Лудовикъ снималъ съ себя бремя царственное, допускалъ нѣкоторыя вольности въ этикетъ: дамы не были обязаны наряжаться въ праздничное платье; кавалеры, сопровождая Короля на прогулкахъ, надѣвали шляпы. За то — быть приглашеннымъ въ Марли считалось верховнымъ счастьемъ при Дворѣ! Развѣ орденъ Св. Духа и право держать подвѣчникъ (*le bougeoir*) при раздѣваньи Короля, могли быть выше этого. Надлежало быть или самаго знатнаго происхожденія, или въ милости у дѣвицы Бальбиенъ, бывшей служанки Скарроповой вдовы, чтобъ удостоиться этой чести. Сколько знатныхъ дамъ про-

вздыхали всю жизнь свою въ тщетной надеждѣ быть призванными въ Марли! Сколько древнихъ дворянъ въ полголоса шептали, когда Король въ Версали проходилъ мимо ихъ: «Государь! Марли...» Да какъ нынѣ и поплатились за эту честь! Король любилъ игру, и игру большую. Не одинъ мужъ и отецъ семейства оставлялъ на зеленомъ столѣ все свое достояніе! Сколько дѣвицъ пошли въ монастырь отъ того, что почтенный ихъ родитель спустилъ все свое родовое имѣніе въ ландскнехтъ, на вечерахъ въ Марли! — Лудовикъ XIV, скрывавшій въ Версали весь движеніе своего сердца подъ порфирой королевскою, былъ въ Марли совершенно инымъ человекомъ. Здѣсь онъ дышалъ свободно, забывалъ принужденность, подражалъ простодушному дѣду своему, Генриху IV, и предавался удовольствіямъ, безъ стѣненія и предѣловъ. — Но здѣсь и помрачился горизонтъ его жизни. Побѣда оставила знамена французскія. Извѣстія о неудачахъ на войнѣ получались безпрерывно. Семейственныя бѣдствія присоединились къ государственнымъ. Герцоги Бургонскій и Беррійскій (внуки Лудовика) скончались въ Марли въ цвѣтъ лѣтъ своихъ, не извѣстно отъ какой болѣзни. Тогда Лудовикъ конечно вспомнилъ о кладбищѣ, которое поразило его взоры при первомъ посѣщеніи Марли. — Преемники его оставили Марли: революція довершила разореніе. Тенерь, на мѣстѣ великолѣпныхъ павиліоновъ, видны кучи камней и щебня. Уцѣлѣлъ одинъ мраморный водосмъ. . . . Все тихо и угрюмо.

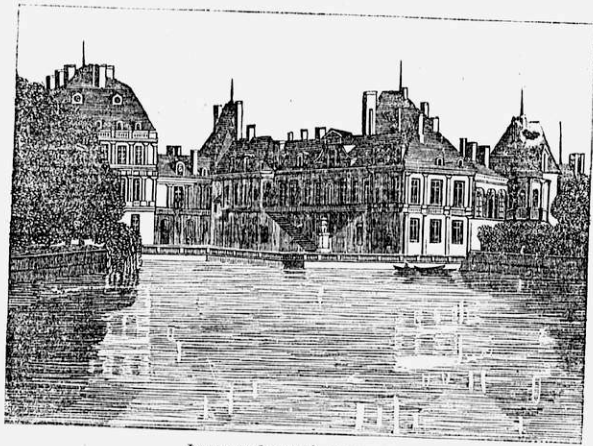
Съ унылыми помышлениями о тищетъ землиаго величїа, бродилъ я за своимъ провожатымъ по этой пустынь. Мы прошли прольскомъ къ загороднымъ домамъ. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются изяществомъ постройки, и окружены красивыми садиками и цвѣтниками. «Вотъ здѣсь жилъ Сіесъ! сказалъ мнѣ Ваттемаръ, указывая на одинъ отдѣльный домъ. А вотъ — по прежде прочитайте надпись надъ воротами, ведущими въ садъ.» Она гласила такъ: «Публика предостерегается, что въ этомъ саду есть волчьи ямы.» — «Какъ вы думаете, кто, въ попеченїи о неприкосновенности своихъ деревъ, цвѣтовъ и ягодъ, начерталъ эти строки, которыми грозитъ изувѣчить дерзнувшаго переступить чрезъ порогъ его владѣнїа? Конечно какой нибудь феодальный баронъ, аристократъ, ультрароялистъ, тиранъ своихъ подданныхъ! Нѣтъ, это одинъ изъ самыхъ ревностныхъ нашихъ либераловъ, адвокатъ и членъ лѣвой стороны въ Палатѣ Депутатовъ!»

Когда наступилъ вечеръ, мы поблагодарили добрыхъ, гостепримныхъ хозяевъ за ласковую встрѣчу, и отправились въ обратный путь. Бесѣда наша имѣла обильную пищу. Передъ нами прошли въ картинахъ и въ живыхъ урочищахъ цѣлые вѣки. Алфредъ просилъ объясненїя нѣкоторыхъ случаевъ и лицъ, о которыхъ мы упоминали, и я съ удовольствїемъ прочиталъ ему лекцію о Французской Исторїи. Она обильна уроками всякаго рода, но жаль, что ими рѣдко пользуются. Опытность вѣковъ прошедшихъ для

насъ потеряна, и мы все начинаемъ сказку нашу сызнова: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ...

Разставаясь съ любезными спутниками, условился я посѣтить съ ними вмѣстѣ и Фонтенебло.

Фонтенеблоскій Дворецъ.

XIX.

Повѣдка въ Фонтенебло. Дорога. Исторія Фонтенебло. Дворецъ. Историческія воспоминанія. Паша Шей VII. Отречение Наполеона. Сады.

Повѣдка въ Фонтенебло была сопряжена съ нѣкоторыми формальностями: во дворецъ не впускаютъ никого безъ особеннаго билета. Но съвѣту знакомыхъ моихъ, я обратился запискою прямо къ секретарю королевскому, Барону Фену (Fain), и въ тотъ же день получилъ билетъ для входа во дворецъ и въ сады Фонтенебло, за подписью интенданта королевскихъ доходовъ Графа Бонди. Госпожа Конрадъ, съ сыномъ, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ посмотреть это мѣсто, знаменитое въ разныхъ отношеніяхъ. Мы отправились туда уже не въ омнибусъ, а въ обык-

новенномъ дилижансѣ, занявъ три мѣста въ переднемъ кабриолетѣ, или соупрѣ. Дорога не интересная. Виль-Жюифъ, Фроманто, Эссонъ, Понтиерри, Шальи — какія звонкія имена! Точно въ водевилѣ на Михайловскомъ Театрѣ, а какъ жалки вблизи эти городишки! Что-то холодное, безмысленное, мертвое. Парижъ все поглощаетъ. Не довзжая до Фонтенебло, вступаешь въ тамошній лѣсъ, въ которомъ вьзжали на охоту Короли Французскіе, отъ Франциска I до Карла X. Кажется, и Наполеонъ здѣсь охотился, но рѣдко: онъ любилъ травить дичь другаго рода. Мѣсто, занимаемое этимъ лѣсомъ, было, вѣроятно, за нѣсколько вѣковъ позорницею какого нибудь сильнаго переворота въ природѣ: въ разныхъ мѣстахъ его лежатъ громады грашита. Отсюда получается большая часть матеріала для моценія Парижа. — На этой дорогѣ не имѣлъ я такихъ словоохотныхъ и услужливыхъ толковниковъ, какъ на пути въ Версаль: надлежало пользоваться одними печатными источниками, которыми мы запаслись на дорогу. Вотъ, что я извлекъ изъ нихъ въ историческомъ отношеніи. Фонтенебло есть самый древній изъ королевскихъ дворцовъ Франціи. Церковь его освящена въ 1169 году. Лудовикъ IX (Святой) часто и долго живалъ въ Фонтенебло. Онъ называлъ тамошній дворецъ, посреди лѣсовъ, своего *пустынею*. Тогда фонтенеблоскій дворецъ состоялъ изъ мрачнаго замка, окруженнаго рвомъ, съ башнями на углахъ, и очень походилъ на темницу Среднихъ Вѣковъ. Францискъ I его перестроилъ, и

украшилъ изящнѣйшими произведеніями возраждавшихся искусствъ. Въ 1539 году былъ въ Фонтенебло Императоръ Карлъ V. Францискъ I встрѣтилъ тамъ своего побѣдителя со всемъ возможнымъ великолѣніемъ и рыцарскою учтивостію. — Генрихъ IV любилъ это мѣсто, и провелъ въ немъ большую часть своего царствованія: здѣсь произошли многія достопамятныя событія его времени. Здѣсь прогуливался онъ, по густымъ аллеямъ сада, съ другомъ своимъ, Столпи, и толковалъ о благѣ и славѣ отечества. Онъ распро- странилъ дворецъ, и украсилъ его въ разныхъ частяхъ. — Лудовикъ XIII, родившійся въ Фонтенебло, довершилъ начатое. Кардиналъ Ришелье часто ѣзжалъ сюда съ Королемъ. Въ послѣдній разъ прибылъ онъ въ экипажѣ особаго рода: это была комната, построенная изъ дерева, снаружи и внутри обитая краснымъ бархатомъ. Въ ней были постель, столъ, кресла и шкапъ съ книгами. Ее носили попеременно осьмнадцать гвардейцевъ. Кардиналъ, почувствовавъ себя нездоровымъ въ Валансѣ, приказалъ построить для себя этотъ подвижной домъ, чтобъ не подвергаться тряской ѣздѣ въ каретѣ. Въ этой же повозкѣ отправился онъ въ Парижъ, и скоро потомъ умеръ. — При Лудовикѣ XIV возникла Версаль, и уединенный Фонтенебло сдѣлался убѣжищемъ страстующихъ царей. Въ 1644 году жила въ немъ вдова несчастнаго Короля Англійскаго Карла I, дочь Генриха IV, а въ 1657, Шведская Королева Христина, ознаменовавшая кратко-

временное свое тамъ пребываніе ужаснымъ дѣломъ — казню Маркиза Мональдески. Впрочемъ Лудовикъ XIV не совершенно оставилъ Фонтенебло: онъ ѣзжалъ туда на охоту; иногда бывали тамъ празднества; тамъ подписанъ, въ 1685 году, актъ которымъ уничтожилось нантское постановленіе, обезславившій Короля, и причинившій много зла Франціи. — Лудовикъ XV въ Фонтенебло торжествовалъ бракъ свой съ Маріею Лещинскою (1724), и нерѣдко посѣщалъ тамошній дворецъ, бывший неоднократно позорищемъ интригъ и переменъ въ министерствѣ. Революція пощадилъ Фонтенебло, лежащій въ сторонѣ, въ удаленіи отъ Парижа, этого горнила мятежей и буйныхъ страстей черни. Забвеніе подернуло мрачною завѣсою своею блистательную некогда резиденцію Королей Франціи. Зданія ея приходили въ ветхость, сады дичали, дворы заросли травой. Наполеонъ увидѣлъ Фонтенебло, плѣнился красотою уединеннаго мѣста и остатками его старинной славы, и вознамѣрился вознести его еще на высшую степень блеска и великолѣнія. Въ 1804 году отправился онъ туда навстрѣчу Папѣ Пію VII, который ѣхалъ въ Парижъ, короновать своего возлюбленнаго сына. Императоръ и Папа встрѣтились на дорогѣ въ лѣсу, провели день въ Фонтенебло, и потомъ отправились въ Парижъ. По этому случаю были сдѣланы въ Фонтенебло многія поправки, и возобновлена вся дворцовая мебель. Наполеонъ, во все время своего правленія, не переставалъ украшать и обогащать

сие мѣсто. Онъ издержалъ на это семь милліоновъ. Сказываютъ, что Графъ д'Артуа (Карль X), прїѣхавъ туда въ первый разъ (въ 1814 году) съ Королемъ Лудовикомъ XVIII, сказалъ ему: «Признайтесь, любезнѣйшій братецъ, что у насъ здѣсь былъ славный управитель!»— Но здѣсь и закружилась голова у великаго челоуѣка: здѣсь замыслилъ онъ, испровергнувъ весь троны Европы, воздвигнуть ихъ для своихъ братьевъ, составить изъ всѣхъ покоренныхъ земель одну державу, и завоевать гордую Британію. Здѣсь торжествовалъ онъ бракъ своего брата, Жерома; здѣсь заключилъ (1807) трактатъ съ Испанією о раздѣлѣ Португаліи. Сюда привезенъ былъ обманутый и низвергнутый съ трона Карль IV. Въ здѣшнихъ чертогахъ Наполеонъ замыслилъ расторгнуть бракъ свой съ Жозефиною. Здѣсь происходили празднества по случаю его бракосочетанія съ Эрцгерцогинею Марією Луизою, и посреди торжествъ и великолѣпныхъ зрѣлищъ, возвѣщенныхъ талантомъ Тальмы, Наполеонъ издалъ декретъ (18 окт. 1810) забирать и жечь англійскіе товары, во всѣхъ странахъ, гдѣ находятся французскія войска!— Въ 1812 году, когда онъ устремился на гибель свою, въ Россію, привезенъ былъ (19 іюня) въ Фонтенебло Пана Пій VIII, и оставался тамъ до января 1814 г.— Векоръ потомъ (въ мартѣ) Наполеонъ прибылъ въ Фонтенебло съ остатками своей арміи, тутъ узналъ о паденіи Париза, и отрекся отъ престола.— Лудовикъ XVIII прїѣзжалъ въ Фонтенебло одна-

жды (въ 1816), навстрѣчу невѣсть Герцога Беррійскаго. Карль X ежегодно ѣздилъ сюда на охоту. Лудовикъ Филиппъ возобновилъ и украсилъ дворецъ, и торжествовалъ въ немъ бракосочетаніе старшаго сына своего, Герцога Орлеанскаго, съ Принцессою Мекленбургскою.— Вотъ права Фонтенебло на вниманіе и любознѣтство путешественниковъ!

Городъ Фонтенебло, построенный довольно хорошо, опрятнѣе многихъ другихъ французскихъ городовъ. Употребивъ нѣсколько часовъ на проѣздъ, мы успѣли воспользоваться остальнымъ временемъ, и отправились во дворецъ. Онъ ничего не обѣщаетъ съ виду, и не имѣетъ ни величія, ни единства, будучи составленъ изъ нѣсколькихъ разнородныхъ строеній, воздвигнутыхъ въ разныя времена. Намъ указали главный входъ во дворецъ Бѣлаго Коня (du Cheval Blanc), называемый такъ по гипсовой конной статуѣ, стоявшей посреди его, и уже равно разрушенной вліяніемъ времени. Дворъ отдѣляется отъ площади чугуною рѣшеткою. Я предъявилъ билетъ привратнику (le concierge), и онъ отправилъ съ нами одного провожатаго. Самый этотъ дворецъ есть первая историческая достопамятность Фонтенебло. Здѣсь, 20 апрѣля 1814 года, Наполеонъ, отъѣзжая на островъ Эльбу, прощался съ своею вѣрною и храброю гвардією. Временщики, льстецы, интриганты его оставили. Въ эту ночь убрался и камердинеръ его Констанъ, и мамелокъ Рустанъ. Вокругъ падшаго владыки стояли мар-

шаль Бертранъ, Герцогъ Бассанскій; генераль Беллиаръ, полковникъ Бюсси, полковникъ Анатоль Монтеско, Графъ де Тюреннъ, генераль Фуле (Fouler), Баронъ Мегрини, полковникъ Гурго, Баронъ Фенъ, подполковникъ Аталенъ, Баронъ Лапласъ, Баронъ Лелорнъ д'Идевилля, кавалеръ Жуаннъ, генераль Косаковскій и полковникъ Вонсовичъ. Коленкуръ и Флаго отправлены были съ порученіями. Всѣ прочіе оставили своего владыку и благодѣтеля, и обратились къ восходящему солнцу! Эта минута была одна изъ самыхъ торжественныхъ въ жизни Наполеона, одна изъ самыхъ поучительныхъ въ Исторіи всѣхъ вѣковъ!

По старшему крыльцу, построенному подковою (en fer à cheval), вошли мы во дворецъ, и обходили всѣ комнаты. По длинному корридору пришли мы въ комнаты, украшенныя въ старинномъ, великолѣпномъ вкусѣ. Здѣсь жилъ гостемъ Карль V; здѣсь останавливался Карль IV, здѣсь провелъ двадцать два мѣсяца Папа Шій VII. Въ залѣ, которой стѣны покрыты гобеленовыми шпалерами, представляющими Арбельскую Битву, стоитъ небольшой, простой алтарь. Здѣсь Шій VII ежедневно служилъ обѣдню, и у престола Всевышняго укреплялся духомъ на перенесеніе тяжкаго испытанія. Въ этихъ и въ смежныхъ съ ними комнатахъ достойна вниманія рѣзба по дереву, которою покрыты стѣны и потолоки: она произведена во время Франциска I, при возрожденіи искусствъ. Вотъ придворная церковь Св. Троицы, основанная Людовикомъ Святѣмъ, рас-

пространная и украшенная Францискомъ I и Генрихомъ IV — великолѣпнѣе превосходная версальскую. Достоинно замѣчанія, что Шій VII ни разу не входилъ туда. Изъ церкви прошли мы, черезъ сѣни, въ галерею Франциска I. Потолокъ ея раздѣленъ на четверугольники, въ которыхъ изображены саламандры, девизъ Франциска, и трофеи. Ее украшаютъ двѣнадцать большихъ картинъ Приматичи. Самая великолѣпная комната во всемъ дворцѣ есть зала Генриха II, разукрашенная въ царствованіе сего государя. Она освѣщается десятью большими окнами, составляющими столько же огромныхъ аркадъ. Потолокъ, составленный изъ осми-угольныхъ ящичковъ (cassettes), покрытъ золотомъ рѣзбою на серебряномъ полѣ. Вензели Генриха II и Діаны де Пуатье, связанные съ полумѣсяцемъ, красуются въ промежуткахъ. Надъ аркадами были помѣщены восемь большихъ мнѳологическихъ картинъ, а во внутренности аркадъ большое число меньшихъ. Эта зала много пострадала было отъ времени: краски ея поблекли; деревянная рѣзба истлѣла. Нынѣ она возобновлена совершенно. Паркетъ составленъ вновь изъ разноцвѣтнаго дерева.—Галерея Оленей (des Cerfs), въ которой Шведская Королева Христина велѣла казнить своего шталмейстера, Мональдески, уже не существуетъ: она превращена въ жилища комнаты для прислуги. Надъ нею, во второмъ ярусѣ, устроена, при Людовикѣ XVIII, прекрасная галерея Діаны. Изъ новѣйшихъ пристроекъ достойна замѣчанія боль-

шая столовая зала, въ которой совершенно было бракосочетаніе нынѣшняго Герцога Орлеанскаго, по обряду Лютеранской Церкви. Вотъ все, что я могъ удержать въ памяти изъ множества великолѣпныхъ и блистательныхъ чертоговъ, чрезъ которые мы проходили. Всего любопытнѣе были для меня комнаты, въ которыхъ жилъ Наполеонъ въ последнее время: онъ не велики, но украшены великолѣпно и со вкусомъ. Теперь живеть въ нихъ нынѣшній Король. Передъ спальнею находится комната, гдѣ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе. Посреди комнаты стоитъ круглый столъ краснаго дерева, на которомъ совершился этотъ знаменитый актъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ его видны треугольныя вырѣзки, которыя Наполеонъ, въ волненіи душевномъ, сдѣлалъ перочиннымъ ножомъ. За рамкою выставленъ снимокъ подлиннаго отреченія, съ копіею секретаря. Подлинникъ написанъ связно, неровно, залитъ чернилами, и вовсе не можетъ быть разобрать непривычнымъ. Невольный трепетъ пробѣжалъ у меня по жиламъ, когда я вспомнилъ, гдѣ нахожусь. Въ этихъ самыхъ комнатахъ человекъ, одаренный отъ Бога высшими, недостижимыми для другихъ способностями, необыкновеннымъ умомъ, гениемъ, дѣятельностію, рожденный въ благопріятнѣйшее для развитія его талантовъ время, явившійся сначала благотворителемъ, миротворцемъ и устроителемъ отечества, и потомъ обратившій всѣ силы свои на поработаніе себя вселенной, на преслѣдованіе правды, на разрушеніе вѣковыхъ

законныхъ правъ, возмечтавшій наконецъ, что самъ онъ есть властитель судебъ міра — въ этихъ самыхъ комнатахъ, онъ низшелъ съ своего трона, увидѣлъ тщету своихъ усилій, ничтожество замысловъ, и святость Провидѣнія, непоустившаго исполниться его разрушительнымъ предначертаніямъ. — Здѣсь, въ послѣднюю ночь пребыванія своего въ Фонтенебло, задумалъ онъ было лишити себя жизни. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ историкъ его, Гацциди: «Наполеонъ, подписавъ безусловное отреченіе отъ французскаго престола, вскорѣ въ томъ раскаялся, и дѣлалъ къ Коленкуру гонца за гонцемъ, требуя возвращенія документа этого и данныхъ ему полномочій. Онъ вздумалъ требовать, чтобъ его считали частнымъ человекомъ, военнопленнымъ, чтобъ не требовали съ него ни какихъ обязательствъ. Между тѣмъ трактатъ былъ подписанъ въ Парижѣ 11 апрѣля, и Коленкуру воротился съ нимъ въ Фонтенебло. Первымъ словомъ Наполеонъ потребовалъ обратно своего отреченія, но оно уже было выдано союзникамъ, какъ основаніе трактата о возстановленіи Бурбоновъ во Франціи. Къ тому же это безусловное отреченіе было единственнымъ средствомъ Наполеону сохранить въ безопасности жизнь свою. Безчисленные агенты временнаго правительства наблюдали за нимъ въ соседствѣ, для предупрежденія всякой съ его стороны попытки къ новымъ дѣйствіямъ. Наполеонъ не соглашался утвердить трактатъ; былъ задумчивъ, скученъ, и занимался разсматриваніемъ

исторических картинъ въ галереяхъ дворца. Онъ не говорилъ уже ни объ Императрицѣ, ни о сынѣ своемъ, а бесѣдовалъ съ своими приближенными о герояхъ древности, которые, въ несчастіи, прекратили жизнь свою самоубійствомъ. Въ ночи съ 12-го числа, тишина, господствовавшая въ длинныхъ коридорахъ дворца, вдругъ прервана была поспѣшными шагами. Придворные служители бѣжали взадъ и впередъ; какія-то особы поспѣшно приходили во дворецъ: изъ внутреннихъ комнатъ слышались болѣзненные стоны. Происшествія этой ночи сокрыты въ глубокой тайнѣ, но вообще говорятъ о нихъ слѣдующее: На походѣ въ Москву, Наполеонъ занесся средствами лишить себя жизни, въ случаѣ неизбежнаго плѣна. Докторъ его Иванъ (Уван) далъ ему пріемъ опиума, который онъ всегда носилъ въ мѣшечкѣ на шеѣ. Потомъ хранилъ онъ этотъ мѣшечекъ въ самомъ секретномъ ящичкѣ своего бюро. Ночью 12-го числа вздумалъ онъ, что пришло время употребить это средство для прекращенія жизни и страданій своихъ. Каммердинеръ, спавшій въ другой комнатѣ, видѣлъ, что онъ всыпалъ что-то въ стаканъ съ водою, выпилъ и легъ въ постель. Вскорѣ почувствовалъ онъ нестерпимую боль, и послалъ за приближенными особами. Докторъ Иванъ, услышавъ, что случилось, испугался, и бѣжалъ изъ Фонтенебло. Вскорѣ затѣмъ Наполеонъ крѣпко заснулъ, вспотѣлъ, и всѣ признаки отравленія исчезли. Или пріемъ былъ слишкомъ малъ, или опиумъ ли-

шился силы своей отъ времени. Наполеонъ, изумленный симъ случаемъ, вскричалъ: «Итакъ Богу угодно, чтобъ я еще жилъ на свѣтѣ!» Онъ покорился судьбѣ своей. 13-го онъ всталъ спокойно, одѣлся какъ обыкновенно, и безпрекословно подписалъ трактатъ. Самъ Наполеонъ и приближенные его всячески старались скрыть эту исторію.»

Вы не повѣрите, какое странное чувство обемлетъ душу странника, при посѣщеніи мѣсть, ознаменованныхъ присутствіемъ людей необыкновенныхъ, или совершеніемъ въ нихъ великихъ происшествій. Всѣ предметы, видимые въ настоящемъ, сливаются въ одно неясное цѣлое. Великолѣніе, богатство, блескъ, величіе искусствъ исчезаютъ при помыслахъ, что здѣсь бесѣдовалъ Францискъ I съ великимъ своимъ соперникомъ, Карломъ V; что здѣсь Генрихъ IV толковалъ съ Сюлли, и возилъ на спинѣ своей маленькаго дофина; что здѣсь терзалась Христина въ порывахъ ревности и мести; что здѣсь сильная душа Наполеона волновалась самыми противоположными страстями. Не требуйте у меня подробнаго, кудряваго описанія красотъ и богатствъ знаменитаго Фонтенебло: всякое мѣсто отсвѣчивается въ глазахъ и въ душѣ посѣтителя особеннымъ цвѣтомъ, незримымъ и даже непостижимымъ для хладнокровнаго читателя. И признаюсь, если бѣ не великія историческія воспоминанія сопровождали меня въ Фонтенебло, я сожалѣлъ бы, что туда поѣхалъ. Наши русскіе царскіе дворцы несравненно великолѣпнѣе, изящнѣе, свѣжѣе, уют-

ше. Кто видѣлъ Царское Село, того не удивятъ ни какія палаты въ мѣрѣ.

Сады фонтенблоскіе (ихъ числомъ четыре) прелестны своимъ разнообразіемъ, богатствомъ рѣдкихъ деревъ, чистотою воды въ прудахъ и каналахъ, свѣжестью зелени. Если великолѣпные чертоги тишиною и безмолвіемъ наводятъ грусть на душу посетителя, представляясь ему въ видѣ огромныхъ гробницъ, въ которыхъ истлѣли уже тѣла прежнихъ ихъ властителей, и ходятъ одиѣ тыщи воспоминаній, то эта же самая тишина, это же безмолвіе пріятны, усладительны въ садахъ, на открытомъ воздухѣ. Здѣсь говорятъ деревья и листья, бесѣдуютъ цвѣты и бабочки, живутъ и плещутся воды, порхаютъ и поютъ птички. Понимаю влеченіе благихъ и возвышенныхъ душею царей строить себѣ, въ зелени, подлѣ богатыхъ палатъ, сельскіе пріюты и бѣдныя хижины; понимаю Трианонъ Маріи Антоніи подлѣ Версаля; понимаю ферму въ Павловскѣ. Палаты и дворцы суть жилища сильныхъ и великихъ земли. Свободная природа есть святилище божества, и низкая хижина пріютъ человека — въ рубищѣ и въ порфирѣ.

Мы взяли по вѣточкѣ померанцевъ въ саду предъ окнами дворца, и отправились въ гостиницу. Милостивая хозяйка угостила насъ хорошимъ обѣдомъ. Въ семь часовъ захлопалъ бичъ почтальона, и мы посѣдѣли въ дилижансѣ.

XX.

Поездка въ Блуа. Орлеанъ. Соборъ. Луара. Почтенное семейство. Г. ла-Розьеръ. Ла-Соссе. Французскіе солдаты. Поездка въ Валансе. Солонь. Правы. Князь Талейранъ. Герцогиня Дино. Бесѣда. Обѣдъ. Отъѣздъ. Шамборъ. Историческія воспоминанія. Англичане. Возвращеніе въ Парижъ.

Разставаясь съ Петербургомъ и друзьями своими, я спрашивалъ каждаго изъ нихъ, что бы могъ привезти ему изъ-за границы, чѣмъ заморскимъ могъ бы его порадовать. Всякъ отвѣчалъ по внушенію минутнаго чувства и прихоти: всякій выдумывалъ какой нибудь гостинецъ, и словомъ

Тотъ хотѣлъ арбуза,

А тотъ соленыхъ огурцовъ.

Одинъ молчалъ. — «Что жъ вы, спросилъ я, ничего мнѣ не заказываете? Вы Французъ, вы Парижанинъ; знаете, что можно тамъ достать; живя семь лѣтъ въ Петербургѣ, знаете, чего вамъ здѣсь недостаетъ.» — Онъ прервалъ молчаніе съ глубокимъ вздохомъ: «Если вы хотите истинно

обрадовать, оживить меня, посетите мою бѣдную мать, которой я не видалъ десять лѣтъ; съ которою, можетъ быть, въ этой жизни не увижусь. Скажите ей, что вы меня видели, что я люблю ее, что я по ней тоскую, что я.... Нѣтъ! не общайтесь. Можетъ быть, ея нѣтъ въ Парижѣ: она, вѣроятно, въ деревнѣ. Нѣтъ, не общайтесь!» — Я въ самъ дѣль не общалъ ничего положительнаго, потому что не зналъ, въ состоянн ли буду исполнить, но въ душѣ своей положилъ сдѣлать все, что только будетъ возможно.

По прїѣздѣ въ Парижъ, поспынилъ я къ одному родственнику моего прїятеля, и узналъ, что госпожа Монперонъ, наканунѣ моего прїбытїя, уѣхала въ помѣстье своей дочери, близъ Блуа, и останется тамъ до будущаго года. Что дѣлать? Ѣхать въ Блуа? Потеряю нѣсколько дней, назначенныхъ по маршруту на Парижъ. Это такъ, да въ Парижѣ-то что мнѣ дѣлать такъ долго? Сверхъ того, мнѣ удастся посмотреть интересныя провинціи французскія. Такимъ образомъ я раздумывалъ, раздумывалъ, и не могъ ни на чемъ остановиться. Вдругъ одно обстоятельство рѣшило мои сомнѣнїя. Почтенная дама, Русская, супруга одного изъ нашихъ вельможъ, снискавшая общее уваженіе знаменитѣйшихъ особъ нашего времени своимъ умомъ, образованіемъ, возвышенностью души и кротостью характера, соединенными со всѣмъ тѣмъ, что могутъ намъ придать блистательнаго продолжительнаго жизнь и первое мѣсто въ знатнѣйшемъ кругу столицъ Европы, сириси-

ла у меня, что я располагаюсь дѣлать во Франціи. — Можетъ быть, поѣду въ Блуа, отвѣчалъ я. — «Если такъ, сказала она, то совѣтую вамъ посетить замокъ Валансейскій, и познакомиться съ Княземъ Талейраномъ. Я дамъ вамъ письмо къ нему.» — Это заставило меня рѣшиться. Увидѣть одного изъ первыхъ дипломатовъ нашего времени, познакомиться съ нимъ! И притомъ совершенно исполнить *полубыщаніе*, данное мною челоуьку, который считаетъ меня своимъ другомъ! — Нечего думать. Я побѣжалъ въ rue Grenelle St. Honoré, No 130, въ контору дилижансовъ Лафитта, Кальера и комп., и взялъ первое мѣсто въ каретѣ, отправляющейся въ Блуа. Это заведеніе устроено на большой погѣ, и дѣйствительно приводитъ въ изумленіе. Вы входите въ просторный дворъ: по сторонамъ его отдѣленїя, съ надписями: Англія, Россія, Италія, Германія, и съ означеніемъ цѣны за каждое мѣсто. Цѣны эти самыя умѣренныя: за проѣздъ въ Блуа (190 верстъ) заплатилъ я всего 23 франка и одинъ су.

Въ Орлеанъ прїѣхали мы на другой день, въ семь часовъ утра. Здѣсь остановились, чтобъ позавтракать и переменить экипажъ. Я воспользовался этимъ временемъ, и осмотрѣлъ городъ. Въ немъ видно что-то строгое и суровое. Статуя Іоанны д'Аркъ стоитъ на большой площади, и, странно, не посреди площади, а въ углу. Она представлена идущею въ бой, съ мечемъ въ одной и съ знаменемъ въ другой рукъ. Поза статуи театральная; костюмъ условный, небывалый. Въ

Орлеанъ славится соборная церковь, огромное, величественное зданіе, сохранившее какую-то свѣжесть и цѣлость въ сравненіи съ другими памятниками готической архитектуры во Франціи. Кроме главнаго алтаря, находится нѣсколько меньшихъ, въ нишахъ, подъ большими стрельчатыми окнами. Каждый украшенъ особеннымъ образомъ. Средній алтарь, позади главнаго, выложенъ бѣлымъ и чернымъ мраморомъ, и за престоломъ, въ очаровательномъ полусвѣтѣ, стоитъ мраморное изваяніе Пречистыя Дѣвы. Огорчительно было прочесть надъ этимъ алтаремъ надпись: *алтарь привилегированный* (*autel privilégié*), начертанную большими золотыми буквами. Во Франціи, гдѣ славятся истребленіемъ всѣхъ привилегій, онъ остался въ одномъ мѣстѣ, гдѣ имъ некогда быть не должно — въ храмахъ божіихъ! Впрочемъ, я не могъ допроситься, въ чемъ состоятъ эти привилегіи.

На обратномъ пути въ гостиницу, я заходилъ въ книжныя лавки, и спрашивалъ видовъ города Орлеана. Въ трехъ лавкахъ объявили мнѣ, что ихъ нѣтъ, и наконецъ, въ третьей, сообщили адресъ книгопродавца, который ими торгуетъ. Я отправился къ нему, въ Королевскую Улицу, широкую, прямую, обстроенную прекрасными домами, и дѣйствительно нашелъ все, что мнѣ было нужно. «Отъ чего это происходитъ, спросилъ я, что у васъ у однихъ можно получить гравюры и литографіи?» — «Отъ того, сударь, отвѣчала мнѣ черноокая орлеанская дѣва, продававшая книги:

что мы одни торгуемъ книгами свѣтскими и произведеніями искусствъ: во всѣхъ прочихъ книжныхъ лавкахъ продаютъ только книги духовнаго содержанія. Впрочемъ и у насъ есть книги духовныя и церковныя, прибавила она, указывая на рядъ молитвенниковъ, въ изыскомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ: Орлеанъ городъ побожнѣй и благочестивѣй.» Это подтвердили мнѣ и другія особы, съ которыми мнѣ случилось говорить. Во ста двадцати верстахъ отъ Парижа — городъ благочестивый! Впрочемъ въ земляхъ, терзаемыхъ революціями, крайности всегда касаются между собою. Въ тотъ самый день, когда въ Парижѣ грабили церковь Св. Германа, — въ Авиньонѣ и Нимѣ рѣзали протестантовъ. Люди, которые не вѣрятъ въ бытіе Бога, жалуются на Людовика Филиппа, что онъ женилъ сына на католичкѣ. На урода ни что не угада!

Въ девять часовъ мы поѣхали dalje, вдоль по милониднымъ берегамъ тихой Луары, медленно струящейся между отмелями. Рѣка эта льетъ до такой степени, что по ней прекращается всякое судоходство. Пароходъ, между Орлеаномъ и Пантомъ, прекратилъ свои рейсы. Берега рѣки отлогіе, и большею частію ровныя, покрыты виноградниками и пашнями, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть небольшія возвышенія, представляютъ прелестныя виды, не грозныя, не величественныя. Въ этотъ разъ имѣлъ я въ дилижансѣ своемъ пріятнаго спутника, г. де Розьера, тамошняго помѣщика. Онъ былъ рекет-

мейстеромъ въ государственномъ совѣтъ при Карлѣ X, и послѣ переменъ правленія, не смѣя по совѣсти присягнуть другому государю, вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ помѣстьѣ, и посвятилъ себя сельскому хозяйству и воспитанію дѣтей своихъ. Жена его, которую мнѣ удалось видѣть въ послѣдствіи, женщина прекрасная собою, умная, образованная, дочь знаменитаго писателя Пардессю, который такъ же, изъ всѣхъ званій и должностей своихъ при Карлѣ X, сохранилъ одно званіе члена Института. Такое священное исполненіе обязанностей гражданина и вѣрноподаннаго достойно всякаго уваженія; но что сказать о тѣхъ легитимистахъ, которые присягнули Лудовику Филиппу для того только, чтобъ имѣть право въ Палатахъ унижать и подкапывать его правительство? Нѣтъ, господа! цѣль не оправдываетъ средствъ, и благородное дѣло не имѣетъ надобности въ пособіи умышленныхъ клятвопреступниковъ!

Г. де Розьеръ, зналъ все семейство Моннеронъ, сказалъ мнѣ, что должно остановиться въ двухъ верстахъ отъ замка Менара, принадлежавшаго Маркизу Помпадуръ. Я вышелъ изъ diligенса въ длинную аллею, гдѣ уже дождался меня человекъ, съ тельякою, для принятія моего скарба. Я встрѣченъ былъ, какъ старинный другъ, и очутился въ кругу самаго любезнаго и почтеннаго семейства. Мать моего друга женщина высокаго образованія, испытанная судьбою; она съ опасностію жизни посѣщала отца своего, заклю-

ченнаго Робеспьеромъ; потомъ, отъ обстоятельствъ революціи и войнъ, лишилась огромнаго имѣнія, но сохранила все, что только составляетъ достоинство наше въ этой жизни. Дочь ея, госпожа Леде (Leydet), овдовѣла за три года предъ симъ, и до сихъ поръ не снимаетъ глубокаго траура по своемъ незабвенномъ другѣ: она мать двухъ взрослыхъ сыновей, воспитывающихся въ Парижѣ, и прекрасной, милой, четырнадцатилѣтней дочери, раздвѣляющей съ нею уединеніе и тоску, безъ малѣйшей мысли о томъ, что въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, при достаточномъ состояніи своемъ, могла бы имѣть все, что называется удовольствіями. Братъ покойнаго мужа госпожи Леде членъ суда первой инстанціи въ Блау, человекъ истинно честный и благородный, участвовавшій въ рѣшеніи спорнаго дѣла о замкѣ Шамборъ. Вотъ кругъ, въ которомъ я провелъ нѣсколько пріятныхъ дней! Помѣстье госпожи Леде (le Vivier) лежитъ на самомъ берегу Дуаръ; отъ дома, лежащаго на небольшомъ возвышеніи, простирается уступами прекрасный садъ до самой воды. Померанцовыя деревья, розы, лиліи и тысячи другихъ цвѣтвъ красуются и благоухаютъ въ тишинѣ, ничѣмъ не прерываемой. Съ другой стороны, каштановая аллея идетъ до большой дороги. Радостіе и гостепримство моихъ хозяевъ перенесли меня въ Россію. И слуги въ этомъ домѣ похожи были на нашихъ добрыхъ русскихъ людей, привязанныхъ искреннимъ чувствомъ къ господамъ своимъ. Учтивость и услужливость ихъ бы-

ли для меня вдвое пріятнѣе и изумительнѣе по-слѣ парижскаго быта: дерзость и нахальство слугъ въ Парижѣ возрастаютъ съ каждою революціею. Трактирный прислужникъ, подавши вамъ порцію мороженаго, садится подлѣ васъ, беретъ въ руки *Journal des Débats*, и облокотясь объ мраморный столикъ, углубляется въ чтеніе!

На другой день побхалъ я съ господиномъ Леде въ Блуа, посетилъ г. де Розьера, и потомъ познакомился съ однимъ препотеннымъ человекомъ: это господинъ де ла-Соссе (*de la Saussaye*), членъ и секретарь Общества тамошнихъ антикваріевъ. Онъ имѣлъ хорошее мѣсто при Карлѣ X, но послѣ революціи вышелъ въ отставку, и посвятилъ себя изысканіямъ римскихъ и гальскихъ древностей въ отечествѣ. Нынѣ издаетъ онъ периодическое сочиненіе: *Revue de la Numismatique Française*, заключающее въ себѣ много любопытныхъ изысканій. Онъ подарилъ мнѣ свое описаніе знаменитаго замка Шамбора, и захотилъ посмотреть его. Въ прошломъ году представилъ онъ Французскому Институту (по отдѣленію Исторіи) подробное описаніе всѣхъ найденныхъ имъ и другими древностей на берегахъ Луары, съ прекрасно нарисованными картинками. Институтъ, принявъ сочиненіе съ удовольствіемъ, поручилъ одному члену рассмотреть оное, и представить донесеніе. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а донесенія нѣтъ. Оказалось, что почтенный членъ потерялъ рукопись. Утратилась-де! Этому случиться хотя бы и не во Франціи! Теперь Г. де ла-Соссе состав-

ляетъ свое описаніе вновь, но уже не можетъ снабдить его прежними рисунками. — Въ самомъ городѣ осматривалъ я зданіе, въ которомъ собиравались Блуаскіе Штаты (*les Etats de Blois*), и (1588) были умерщвлены Герцогъ де Гюизъ и братъ его, кардиналь. Теперь въ этомъ зданіи помѣщается казарма, и въ залѣ производится оди-ночное ученіе. Кстати о французскихъ солдатахъ. Они ужасно переѣхались. Какъ вспомню о тѣхъ лихихъ гренадерахъ, которые составляли, въ 1817 году, гвардію Лудовика XVIII, о тѣхъ ветеранахъ Наполеоновской арміи, которые были живыми памятниками воинской славы своего времени, гордо поглядывали и на своихъ и на чужихъ, да посмотрю на нынѣшнихъ защитниковъ Франціи — такъ станеть и досадно, и жалко, и смѣшно. Мундиры у нихъ синіе, съ желтыми воротниками и погонами; брюки темпореваднаго цвѣту (*garance*), кивера низкіе; все это сидитъ мѣшкомъ, какъ будто бы мундиры были сшиты на весь баталіонъ по одной мѣркѣ. Солдаты низенькіе, косолапые, сгорбленные, съ выдавшимся пузомъ и мужицкимъ взглядомъ — оборки пожарной командъ. Ни какой воинской осанки, ни выправки. Я не военный, а не могъ смотрѣть на нихъ безъ досады. Вообразите, что у рядовыхъ національной гвардіи, набранной изъ сидельцевъ и ремесленниковъ, болѣе воинственнаго виду, нежели у регулярныхъ солдатъ. Ссылаюсь на всѣхъ нашихъ, бывшихъ нынѣ во Франціи. Прежніе французскіе солдаты существуютъ только въ Инвалид-

номъ Домъ и въ водевиляхъ. Англичане лучше, безъ всякаго сравненія. А первая армія въ мірѣ наша православная россійская. Вызываю на споръ всѣхъ тактиковъ и стратегиковъ Европы. Воинственная осанка, приобретаемая выправкою и ученіемъ въ мирное время, чувствомъ своего достоинства и воспоминаніемъ славныхъ опасностей въ военное — есть необходимость для солдата: воины суть *дворянство* народа: они должны отличаться отъ гражданъ, и поселять въ нихъ уваженіе къ себѣ не однимъ мундиромъ: поступь, приемы, взглядъ — все у солдата должно быть иное, *свое*, возвышенное предъ другими. И это свое не придается вдругъ, какъ нибудь, а составляется мало по малу, отъ непрерывнаго, послѣдовательнаго исполненія благоразумно обдуманной системы. Я отнюдь не говорю, чтобъ Французы выродились, и лишились храбрости, смѣливости и того воинскаго славолюбія и легкомыслія, которыя водили ихъ къ побѣдамъ: они это доказали въ Алжиръ и предъ Антверпеномъ. Говорю только, что нынѣшнее наружное устройство французской арміи кажется мнѣ негоднымъ и не соответствующимъ дѣлу. Все, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, зависитъ отъ руководства и начальства. Живою тому примѣръ представляетъ армія голландская. Еще недавно голландскіе солдаты, въ мнѣніи военныхъ людей, стояли не выше папскихъ, а теперь, когда они, при неуспѣшномъ попеченіи и искусномъ предводительствѣ Принца Оранскаго, успѣли отразить враговъ, и прославить знамена

своего отечества; истинный духъ воинскій ихъ оживляетъ, и они стоятъ парави съ первыми изъ воиновъ западной Европы. — Рыба съ главы смердитъ — говорить сербская пословица. Отъ безпрестанныхъ переменъ во французскомъ министерствѣ, всѣ части находятся въ колебаніи, и еще далеко не устоялись послѣ польской качки. — Воротимся въ Блуа.

Мы нашли на почтовомъ дворѣ кабриолеты, и отправились въ Валансей, по странѣ, называемой la Sologne: она простирается по южному берегу Луары, въ противоположность съ страной, la Beauce, лежащею на сѣверной ея сторонѣ. Сначала представляетъ она взору путешественника мѣста плодородныя, богатія, хорошо обработанныя; въ послѣдствіи, по мѣрѣ отдаленія отъ Луары, бѣднѣетъ и топаетъ. Давно невиданные мною виноградники занимаютъ большія пространства: въ нынѣшнемъ году, холодная весна заставляла опасаться неурожая въ винѣ, но въ послѣднія двѣ недѣли, отъ безпрерывнаго, сильнаго жару, лозы поправились, и виноградъ цвѣтетъ прекрасно. Хлѣба стоятъ хорошо: снокосы изобильны; только древесные плоды и ягоды уродились хуже обыкновеннаго. Лѣсовъ здѣсь немного. Недавно начали разводить тополь: дерево это хорошо принимается, растетъ скоро и приноситъ великую пользу. — Зѣбная сторона принадлежитъ къ числу самыхъ спокойныхъ, тихихъ и благополучныхъ во Франціи; революція ее пощадила; жители городовъ и сельъ всѣми силами

старались поддержать спокойствие и порядок, и успели в томъ. Въ то время, какъ во всей Франціи кровь ручьями лилась на эшафотахъ, въ Блуа былъ казненъ только одинъ (г. Салаберри), да и тотъ отвезенъ былъ въ Парижъ. Нигдѣ не сохранилось столько старинныхъ зданій, дворянскихъ замковъ и помѣщичьихъ домовъ, какъ на берегахъ Луары. Мѣстное начальство, боясь навѣтовъ парижскихъ, только приказывало снимать гербы и надписи. Жители городовъ и сель привѣтливы и учтивы. Въ Парижѣ, кажется, всякой носильщикъ, глядя на человека въ чистомъ бѣльѣ, думаетъ, какъ бы уходить его, а здѣсь, когда человекъ порядочно одѣтый явится на улицѣ, прохожіе снимаютъ предъ нимъ шляпы, и учтиво ему кланяются. Только молодежь показалась мнѣ буйною и строптивою. Въ деревняхъ расхаживали пьяные конскрипты, въ шляпахъ съ разноцвѣтными лентами, и сильнымъ голосомъ пѣли неправоучительныя пѣсни. Прибавлю еще одно замѣчаніе о французскихъ солдатахъ. Небольшая часть состоитъ изъ очередныхъ конскриптовъ; остальные все суть наемники. Для этого есть страховыя общества (assurances), обклеивающія своими объявленіями стѣны всехъ городовъ и деревень. Молодые люди, желающіе освободиться отъ военной службы, вносятъ, предъ конскрипціею, известную сумму, и если которому изъ нихъ вьдется жребій, общество принимаетъ рекрута. Волонтеры эти, болѣею частию, негодяи и пьяницы.

Мы пріѣхали въ Валансей въ 11 часовъ, и бѣтавовились въ довольно порядочной гостиницѣ. На другой день, подошедъ къ окну, увидѣлъ я пресловутый Замокъ Валансейскій — зданіе XV вѣка, сохранившееся во всехъ своихъ частяхъ, съ куполами, башнями, бойницами, вышками, и пр. Нагулявшись въ прекрасномъ паркѣ, изъ котораго видъ простирается далеко во все стороны, я отнесъ, въ 11 часовъ; письмо Княгини Л., съ моею карточкою, въ замокъ, и чрезъ полчаса явился камердинеръ Князя съ запискою, въ которой онъ приглашалъ меня, оставивъ дурную квартиру въ гостиницѣ, занять комнату въ замкѣ. Господинъ Леде поѣхалъ обратно въ Блуа, а я пошелъ въ замокъ, гдѣ отведена была мнѣ комната въ третьемъ этажѣ, великолѣпно убранная, съ штофными занавѣсами, богатою кроватью подъ балдахномъ, и проч. и проч. Я отправился въ гостиницу, гдѣ меня просили обождать, пока кончится обѣдня въ замкѣ. Гостинная Князя, въ нижнемъ ярусѣ, полуосвѣщенная сквозь жалюзи, возбудила все мое вниманіе. Посреди ея стоилъ большой круглый столъ, накрытый зеленымъ сукномъ; на столѣ книги: творенія Монтеस्कѣ, Молиера, Лексиконъ Французской Академіи; журналы и газеты. Вокругъ стола нѣсколько уютныхъ креселъ: хозяйскія, обитыя зеленымъ сѣфьяномъ, на колесахъ. Надъ софою виситъ портретъ Принцессы Аделанды, сестры пивншаго Короля: далье, грудной; Фердинанда VII, проведшаго около шести лѣтъ въ Валансейскомъ Зам-

къ; Лудовика XVIII и Карла X, оба, во весь ростъ, въ королевскомъ облаченіи: портреты трехъ Королей подарены Князю ими самими. Далѣе портреты племянницы Князя, Герцогини Дино, урожденной Принцессы Курляндской, и ея матери. Черезъ нѣсколько минутъ вошла въ гостиную Герцогиня Дино, дама невысокаго роста, но чрезвычайно стройная и ловкая; уже не молодая, но милостивая и привлекательная; знатная барыня, кроткая, учтивая, съ примѣсью какой-то милой застычивости, которая ободряетъ чужаго человека, впервые бесѣдующаго съ нею. Разговоръ завязался вопросами о Княгинѣ Л. «Господи Боже мой! думалъ я про себя въ интервалахъ фразъ, повторяя въ умѣ правила сочиненія французскихъ причастій и избѣжанія фальшивыхъ сліяній (les liaisons dangereuses): что я? гдѣ я? зачѣмъ я здѣсь? Изъ моего укромнаго кабинета перенесенъ въ блистательную валансейскую гостиную. Не съ сотрудникомъ бесѣдую, не съ профессоромъ или артистомъ, а съ историческою дюшессою (*)!» — Минуть черезъ десять послышались шаги, и въ комнату вошелъ Князь Талейранъ. Онъ высокъ ростомъ, плечистъ, не хромъ, а волочить ногу; волосы на головѣ расчесаны на стороны; лице умное, серьезное, съ примѣсью выраженія любопытства и вниманія къ словамъ

(*) Герцогиня еще недавно являла твердость и благородство своего характера, прѣзхавъ ко Двору Лудовика Филиппа въ трауръ по Карлу X.

собесѣдника, но отнюдь не то лукавое съ медоточивою улыбкою на устахъ, и съ закатившимися подъ лобъ глазами, какъ его представляютъ на портретахъ. Онъ былъ въ темномъ сертугѣ, въ гороховыхъ бриокахъ; два служителя шли подлѣ него съ тростью и костылемъ, и помогали ему всходить по лѣстницѣ. Онъ посадилъ меня подлѣ себя, и вскорѣ завязалъ со мною бесѣду, которая, какъ кажется, его очень интересовала. Онъ много говорилъ о покойномъ Государѣ Императорѣ, выражаясь о немъ, какъ бы самый вѣрный изъ его подданныхъ, но съ откровенностью человека, мимо котораго прошло полвѣка любопытнѣйшей Исторіи міра. Потомъ спрашивалъ онъ меня о Графѣ К. В. Нессельродѣ и о его супругѣ, и отзывался съ большимъ уваженіемъ о Графѣ Петрѣ Петровичѣ Паленѣ; особенно же хотѣлъ знать, что дѣлаетъ М. М. Сперанскій, съ которымъ онъ познакомился еще въ Эрфуртѣ (1808). Я воспользовался этимъ вопросомъ, чтобъ сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о составленіи нашего Свода, незывлемаго въ вѣкахъ памятника Николаю Первому, и упомянулъ о наградѣ, пожалованной М. М. Сперанскому за преподаваніе Наслѣднику Престола основаній Россійскаго Права. Князь желалъ знать подробности о нашей Царской Фамиліи. Счастливъ всякій русскій путешественникъ: онъ можетъ говорить въ чужихъ краяхъ о своемъ Государѣ, о его семействѣ, о его подвигахъ всенародныхъ и о частной его жизни, съ откровенностію, съ благородною гор-

достью и съ искреннимъ сердечнымъ убъжденіемъ, которое невольно сообщается слушателямъ! Я говорилъ безумолчно, наконецъ опомнился, остановился. Parlez, parlez toujours! сказали и Князь и Герцогиня, слушающіе меня съ видимымъ удовольствіемъ. — Бесѣда склонилась на Государей, которыхъ портреты висѣли въ этой комнатѣ. «Вотъ былъ человекъ истинно умный и искусный!» сказалъ Князь, указывая на Лувовика XVIII. «Мнѣ кажется, сказала Герцогиня, что его жпань, болѣе всякой другой, могла бы дать пищу для составленія прекраснаго надгробнаго слова. Двукратное изгнаніе изъ отечества, и двукратное возстановленіе!» — «Но вотъ, продолжалъ Князь, обратясь къ портрету Карла X, человекъ добрыйшій, самыхъ благородныхъ и честныхъ правилъ. Что за сердце! И онъ пострадалъ отъ слабости, которая въ каждомъ частномъ человекѣ была бы добродѣтелью, отъ искренней, безусловной дружбы.» Мы пошли въ другія комнаты: въ одной были мраморныя бюсты Императора Александра Павловича, работы Торвальдсена, уже знакомый мнѣ, и Наполеоновъ, Каповы. Я всегда съ неизъяснимымъ удовольствіемъ останавливаюсь предъ произведеніями этого великаго ваятеля, который, по моему мнѣнію, ближе всѣхъ подошелъ къ Древнимъ. Въ этомъ бюстѣ Наполеона восхищало меня необыкновенно удачное изображеніе усть: губы эти кажутся мягкими; въ углу ихъ видно выраженіе какой-то сокровенной мысли — вотъ онъ раскроется и заговоритъ. Въ дѣишней

галереѣ висѣтъ портреты, живописные и гравированные, знаменитѣйшихъ особъ XVII, XVIII и XIX вѣка, а въ особомъ, небольшомъ кабинетѣ, изображенія тѣхъ лицъ, съ которыми Князь Талейранъ имѣлъ сношенія въ теченіе политической своей жизни. Въ другой галереѣ портреты, во весь ростъ, знаменитѣйшихъ лицъ фамилии Талейранъ-Перигоръ, съ IX вѣка понынѣ. Еще достойна здѣсь вниманія бібліотека: она состоитъ изъ 16,000 томовъ въ лучшемъ переплетѣ. На сихъ дняхъ привезено еще 4,000. — Послѣ бесѣды, продолжавшейся около полутора часа, я откланялся и пошелъ въ свою комнату: тамъ, разлегшись на штофовомъ диванѣ, я помышлялъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Въ пятомъ часу пришли звать меня къ обѣду. За столомъ были Князь, Герцогиня, дочь ея, г. Дюранъ де Марёиль, бывший французскимъ посланникомъ въ Гагъ, съ супругою, какой-то сутуловатый, распудренный старичекъ съ красною ленточкою въ петлицѣ, докторъ, секретарь Князя, гувернантка и я. Обѣдъ былъ хорошій, но безъ претензій. Князь самъ разрывалъ и раскладывалъ кушанье, и спрашивалъ, чего кому угодно. Бесѣда за столомъ была самая прѣсная: о погодѣ, о здоровьѣ, о минеральныхъ водахъ, и т. п. Но какъ говорили и объ этихъ обыкновенныхъ предметахъ! Умно, остро, и съ наблюденіемъ того шѣжнаго благороднаго тона, который составлялъ прелесть французскихъ обществъ XVIII вѣка. Это забвеніе самого себя, это вниманіе къ собесѣднику, это от-

существом словъ: я, я знаю, я говорю, и т. п., придавало разговору необыкновенную прелесть, и притомъ не мѣшало свободному изліянію мыслей и ощущеній. — Изъ-за стола поплы опять въ гостиную. Князь взялся за новопривывшія газеты, сталъ читать ихъ (безъ очковъ), сообщалъ намъ любопытное, дѣлалъ свои замѣчанія. Онъ удивительно бодръ, свѣжъ и крѣпокъ, по своимъ лѣтамъ: ему восемьдесятъ четвертый годъ! Потомъ зашелъ разговоръ о литературѣ: онъ отдавалъ Виктору Гюго преимущество предъ всеми нынѣшними писателями Франціи, и говорилъ, что онъ былъ бы истинно великъ, если бѣ имѣлъ побольше вкуса. После кофе отправились въ паркъ. Князь катался въ маленькой колясочкѣ, на трехъ колесахъ. Одинъ слуга приводилъ ее въ движеніе; другой несъ его трость. — «Вотъ аллея принцевъ, сказала онъ, указывая на два ряда густыхъ каштановъ: здѣсь валансейскіе пльнички, Донъ Фердинандъ и Донъ Карлосъ, ежедневно прогуливались, и послѣ объѣда играли à la galochе.» (Простонародная игра, родъ пристырки.) При этомъ случай Князь разсказалъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ объ испанскихъ принцахъ. — «Дня чрезъ три послѣ ихъ прибытія въ Валансей, я посѣтилъ ихъ, и спросилъ, какъ имъ здѣсь нравится. «Прекрасно! отвѣчалъ Фердинандъ: я испыталъ сегодня счастье, дотолъ мнѣ неизвѣстное, и не могу вамъ выразить всего моего удовольствія.» — «Что бы это было такое?» спросилъ я. — «Вообразите, сказалъ онъ: я сегодня въ первый разъ

отъ роду могъ пойти гулять безъ письменнаго королевскаго позволенія. Не счастье ли это!» — Когда они сѣли въ карету, чтобъ ѣхать обратно въ Испанію, Донъ Карлосъ сказалъ провожавшимъ его: «Дай Богъ, чтобъ намъ не пришлось еще сожалѣть о Валансей!» Желаніе его не сбылось. Посреди тревоженій войны, междоусобія и революціи, Фердинандъ неоднократно вспоминалъ о прежнемъ уединеніи: присылалъ артистовъ для снятія видовъ Валансея, и называлъ одинъ полкъ по имени этого замка.

Прогулка наша продолжалась до сумерекъ. Князь отправился въ свои покои. Остальные стояли на террасѣ, любуются прелестнымъ видомъ долины, и впивая въ себя благоуханіе розъ и помаранцевъ. — «Не забываете Валансея,» сказала мнѣ хозяйка съ привѣтливою улыбкою. «Никогда! никогда!» отвѣчалъ я ей съ выраженіемъ искренней благодарности. «Возьмите хоть вѣточку помаранцовую на память,» сказала она. — «Изъ вашихъ рукъ, Герцогиня.» Она сорвала вѣточку съ цвѣткомъ, и подала ее мнѣ съ невыразимою ласкою и граціею. Я спряталъ въ бумажникъ это украшеніе моего альбома.

Воротаясь въ комнаты, я откланялся Герцогинѣ, и переселился въ гостиницу, чтобъ не пропустить дилжанса. Въ два часа меня разбудили; я занялъ порожнее мѣсто въ каретѣ, и въ восемь часовъ утра былъ опять въ Вивье.

Утро 21-го іюня посвятилъ я на посѣщеніе любопытнаго замка Шамбора (Chambord), лежа-

цаго на правомъ берегу Луары, въ Солонгъ, въ странѣ тощей и немилостивой. Здѣсь, съ XII вѣка, стоялъ древній охотничій дворецъ Графовъ Блуаскихъ, о которомъ сохранились многія преданія въ народѣ. Говорятъ, что въ этомъ старинномъ зданіи жилъ страшный черный стрѣлокъ, выходившій на охоту, въ полночь, въ черномъ платьѣ, съ черными собаками, грозный видомъ, страшилище поселянъ. Въ осеннія ночи раздавался въ окрестностяхъ отголосокъ роговъ, лая собакъ, конскаго топота и клика охотниковъ. Шамборское помѣстье принадлежало разнымъ вельможамъ, и въ 1498 году поступило въ казну. Францискъ I, возвратясь изъ испанскаго плѣна, началъ строить пышнѣйшій замокъ около 1526 года. Удивляются, что онъ избралъ такое дикое и скучное мѣсто для построения великолѣпнѣйшаго въ то время зданія, когда, въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, берега Луары представляютъ множество прелестныхъ мѣстоположеній. Но главною его цѣлію было имѣть пристанище на охотѣ, и сверхъ того влекло его сюда воспоминаніе о прекрасной Графинь де Тури, къ которой онъ ѣзжалъ въ эту сторону, бывши еще Герцогомъ Ангулемскимъ. Постройка Шамбора производилась съ большою дѣятельностію: въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ работали тамъ ежедневно по 1800 человекъ. Въ 1539 году Шамборъ былъ еще въ полномъ блескѣ, и приводилъ въ восхищеніе Императора Карла V, на провѣздъ его чрезъ Францію. Въ послѣдніе годы своего царствованія,

Францискъ I часто посѣщалъ Шамборъ, съ любимою сестрою своею, Королевою Наваррскою, которая старалась развлекать уныніе старѣющаго Государя. При Генрихъ II работы продолжались непрерывно: въ 1552 г. размыненъ былъ въ Шамборѣ секретный трактатъ съ германскими владѣльцами, на основаніи котораго, въ послѣдствіи, достались Франціи Мецъ, Туль и Верденъ. Екатерина де Медичи часто забавлялась тамъ охотою, и по почамъ вѣходила съ астрологами на банню, для наблюденія свѣтилъ небесныхъ. Лудовикъ XIII отдалъ, въ 1635 г., Шамборъ брату своему, Гастону Орлеанскому, по смерти котораго (1660) онъ опять поступилъ въ казну. Лудовикъ XIV давалъ тамъ великолѣпныя пиршества. Тамъ, въ присутствіи Двора, играны были труппою Мольера, въ первый разъ, Пурсоньякъ (1669) и Мвцанниъ во дворянствѣ (1670). Замокъ стоялъ впустъ до 1725 года: въ это время отведенъ онъ былъ изгнанному Королю Польскому, Станиславу Лещинскому, который провелъ тамъ восемь лѣтъ съ своею супругою. Въ памяти тамошнихъ жителей и въ архивахъ помѣстья сохранилось воспоминаніе о благотворительности короля-философа: онъ посѣщалъ поселянъ, крестилъ у нихъ дѣтей, помогалъ имъ въ нуждѣ, прекращалъ ссоры, мирилъ враговъ. Онъ развелъ цвѣтникъ подлѣ дворца, и приказалъ засыпать рвы, изъ которыхъ поднимались вредныя здоровью испаренія. Въ 1735 Король оставилъ этотъ замокъ, а въ 1745 году онъ отданъ былъ въ удѣль Гра-

фу де Саксъ, побѣдителю при Фонтенуа. Шамборъ сдѣлался позорницею игръ воинскихъ и свѣтскихъ. Графъ ежедневно училъ два уланскіе полка, стоявшіе тамъ въ гарнизонѣ, и объѣзжалъ украинскіихъ лошадей, которыя паслись въ паркѣ на свободѣ, и сбирались на ученіе по звуку колокола. Трупца Фавара, сопутствовавшая маршалу въ походахъ, играла на тамошнемъ театрѣ. Невоздержность Графа, во всѣхъ родахъ, вскорѣ низвела его въ могилу. О немъ разсказываютъ въ Шамборѣ разные анекдоты, но они не такъ назидательны, какъ Станиславовы. — Помѣстье сіе опять поступило въ казну, и въ 1779 г. правителемъ его назначенъ былъ Князь Польскій. — Въ 1793, уѣздное правленіе въ Блуа опредѣлило продать съ публичнаго торгу богатую мебель шамборскую: со всѣхъ сторонъ сбѣжались бабышки, и все то, что собрано и накоплено было въ теченіе десяти царствованій, растаскали въ нѣсколько дней. Сбили украшенія стѣнъ, карнизы, шпалеры, выломали паркеты, даже ставни и переносы оконъ, даже мраморныя наличники (les chambranles) каминовъ. Двери и рамы картинъ, разорванныхъ на части до продажи, были спесены въ аукціонную залу, и тамъ преданы огню. Вскорѣ послѣ этой вандалской сцены, явился членъ департаментской директоріи, и приказалъ истребить всѣ лиліи, вензеля и тому подобныя знаки королевской власти; но это не могло быть въ точности исполнено, по недостатку денегъ. Нанолсонъ хотѣлъ было возстановить

Шамборъ, но, убоявшись большихъ издержекъ, подарилъ его маршалу Бертѣ, который приказалъ вырубить въ помѣстьѣ всѣ большія деревья, отчасти современныя Франциску I.

Вдова его, не имѣя ни какой выгоды отъ обладанія симъ замкомъ, рѣшилась продать его обществу, извѣстному подъ именемъ *Черной Шайки* (la bande noire), которое скупаетъ въ ломку всѣ старинныя зданія, и продаетъ матеріалы. Вся Франція сътовала о гибели, угрожавшей этому памятнику славной старины. Вдругъ возникла счастливая мысль (она принадлежала Графу Адриану де Калоннѣ) купить всенародною подпискою замокъ Шамборъ съ помѣстьемъ, и подарить его Герцогу Бордоскому. Вскорѣ собрано было болѣе полутора милліона франковъ, и прекрасная мысль приведена въ исполненіе: 7-го февраля 1830 г., шамборская коммиссія торжественно передала обладаніе Шамборомъ Карлу X, который принялъ помѣстье именемъ своего внука. — Польская революція также оставила въ Шамборѣ слѣды своего знаменитаго шествія. Уѣздное начальство, боясь парижскихъ крикуновъ, приказало исковеркать большую линію на крыльцѣ, и стереть вензель Генриха II, чтобъ ревнителю свободы, какъ извѣстно, большіе знатоки Исторіи, не приняли его за имя Генриха V. — Между тѣмъ еще важнѣйшая бѣда угрожала шамборскому помѣстью: новое правительство захватило его, какъ часть королевскаго удѣла, но, по жалобѣ Герцогини Беррійской, Блуаскій Судъ нижней инстанціи рѣшилъ

возвратить имъше Герцогу Бордоскому, какъ личную его собственность, и этотъ приговоръ приведенъ въ исполненіе въ началъ 1834 года. Честь и слава безпристрастнымъ и неустрашимымъ судьямъ!

Я посвятилъ Шамборъ въ прекрасный, свѣтлый день, и могъ осмотрѣть весь его красоты. Уже за нѣсколько верстъ видныются его фантастическіе стрѣльчатые шпицы, маковки, бельведеры и огромныя трубы. Онъ лежитъ въ котлѣ, и отъ того скрывается изъ глазъ, когда подъѣдешь къ нему ближе, но лишь только въѣдешь въ аллею парка, онъ представляется во всемъ величїи, во всей красотѣ возраждающагося искусства. Замокъ состоитъ изъ наружнаго зданія, образующаго продолговатый четверугольникъ, и изъ внутренняго, собственнаго замка (*donjon*), который съ трехъ сторонъ стоитъ отдѣльно, а съ четвертой примыкаетъ къ наружной пристройкѣ. По угламъ наружнаго зданія возвышаются островерхія башни. Внутреннее же, такъ сказать, устьяно ими. Одна башня, съ витой лѣстницею, сторожевая, выше прочихъ. Трубы огромныя, но не безобразныя, соответствуютъ целому, которое имѣетъ характеръ необыкновенно очаровательный. Донжонъ состоитъ изъ трехъ ярусовъ, въ которые ведетъ *двойная*, улиткообразная лѣстница, устроенная такъ, что сходящій внизъ и идущій вверхъ не могутъ встрѣтиться. Въ началѣ, сказываютъ, предполагалось оставить зданіе въ одинъ ярусъ, огромный, отъ полу до верхняго потолка,

и только при Лудовикѣ XIV сдѣланы были потолки нижняго и средняго. Вся внутренняя украшенія исчезли: остались только на двухъ или трехъ каминнахъ мраморныя наливники. Стѣны выбѣлены. На карнизахъ и плафонахъ видны вензели Франциска I, съ саламандрами (девизъ его), и Генриха II, съ полумѣсяцами. Въ западной башнѣ была придворная церковь, построенная съ благородною простотою. — Вотъ, въ углу зданія, небольшой кабинетъ, котораго стѣны исцѣплены лліями, укрывшимися отъ ехидничныхъ глазъ революціи: въ этомъ кабинетѣ одно окно, и на стеклѣ этого окна Францискъ I написалъ известное двустишіе:

Souvent femme varie,
Bien fol est qui s'y fie.

Говорятъ, что Лудовикъ XIV разбилъ это стекло въ угожденіе Герцогинѣ де-ла-Вальеръ. — Вотъ зала, въ которой былъ театръ. Здѣсь Молиеръ игралъ своего Мѣщанина во дворянствѣ. Король, не доверяя собственному своему вкусу, былъ холоденъ въ первое представленіе, и на другой день все говорили, что Молиеръ упадетъ, что онъ пережилъ себя. Во второе представленіе Лудовикъ увлекся красотами пьесы, и рукоплескалъ ей. Придворные бросились къ Молиеру съ поздравленіями, увѣряя, что онъ никогда еще не писалъ такъ удачно. Вотъ каковы были тогда придворные! — Теперь все пусто и безмолвно. Изъ мебели остался одинъ памятникъ смерти — деревянный пристѣнный столъ (*console*) съ мра-

морною доскою, на которомъ вскрыли и бальсмировали тѣло маршала де Саксъ.

Наружность зданія сохранила свой характеръ, оригинальный и замѣчательный еще тѣмъ, что нижній ярусъ построень просто, первый кудрявье, второй еще болѣе, а самыя богатяя украшенія толнятся на крышѣ. Вотъ, что говорить о Шамборѣ Князь Пюклеръ-Мускау: «Ни съ чѣмъ не могу сравнить этой *каменной фантази*: особенность въ главныхъ чертахъ и неправильность въ странныхъ украшенияхъ, прелестныхъ и разнообразныхъ; невѣроятное множество башенокъ, колоколень, трубъ, отчасти покрытыхъ разноцветною мозаикою; колоссальныя лимн, крылатые геніи, вооруженные рыцари, стоящіе на самыхъ возвышенныхъ башенкахъ, наконецъ огнедышанія, царственныя саламандры, сплетенныя съ вензелемъ Франциска. Кажется, видишь все это въ бреду... Не устанешь бродить по этому волшебному дворцу, который изумляетъ на каждомъ шагу новыми видами. Всего очаровательнѣе они ночью, когда луна поднимается на горизонтъ: при трепещущихъ ея лучахъ, всѣ размеры возрастають, личины приходятъ въ движеніе, статуи сходятъ съ мѣсть, зубчатые шпиги превращають въ блѣдныя призраки. Я грѣшилъ на лву, и явленія время протекшихъ проходили предъ глазами моими живыя и одушевленныя!»

Посѣщеніе Шамбора намятно мнѣ еще по одной оригинальной и приятной встрѣчѣ. Взобравшись на главу самой высокой башни, откуда представ-

ляется прекраснѣйшій видъ во всѣ стороны, я нашелъ тамъ двоихъ посѣтителей: одинъ старикъ лѣтъ въ семьдесятъ, но бодрый, свѣжій и крѣпкій; другой — молодой человекъ лѣтъ двадцати. Не трудно было узнать Англичанъ. — «Очаровательный видъ!» сказалъ я старику по-французски. — «Дѣйствительно, отвѣчалъ онъ: мы пріѣхали сюда издалека, чтобъ имъ насладиться — изъ сѣверной Шотландіи.» — «Мой путь былъ еще дальше, — сказалъ я: я пріѣхалъ изъ Петербурга.» — «Такъ вы Русскій?» спросилъ у меня молодой человекъ, съ выраженіемъ удовольствія. — «Русскій,» отвѣчалъ я. — Онъ посмотрѣлъ на меня пристально, и сказалъ съ искреннимъ чувствомъ: «Не повѣрите, съ какимъ восторгомъ я смотрю на Русскихъ. Отецъ мой, служившій капитаномъ въ англійской арміи, находился въ Парижѣ, когда вступилъ туда Императоръ Александръ: онъ донынѣ не можетъ о немъ говорить безъ слезъ умиленія и горести. А мой герой — вашъ нынѣшній Государь. Съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ слѣжу я за нимъ, за его дѣяніями, за его мыслями; съ жадностью читаю все, что о немъ пишутъ.» — «Къ несчастію, сказалъ я, правда рѣдко до васъ доходитъ. Ваши журналисты лгутъ безбожно.» — «Согласенъ, отвѣчалъ онъ, но знайте, что отъ долговременнаго навыка, мы научились различать истину, и нѣтъ такого густаго облака, которое могло бы закрыть солнце совершенно.» — Разговоръ нашъ продолжался еще нѣсколько времени. Мы встрѣ-

тились наверху незнакомцамъ, и сошли внизъ друзьями. Разставаясь, я далъ имъ свой адресъ. Старикъ вручилъ мнѣ карточку съ своимъ именемъ: L. Lozon, а молодой человекъ сказалъ: «У меня нѣтъ карточки. Фамилія моя Варрингтонъ: можетъ быть, вы ее слышали. Дядя мой, британскій консулъ въ Тунисъ, недавно ударилъ хлыстомъ турецкаго адмирала, Тагиръ-Пашу, который вздумалъ его тронуть чубукомъ своей трубки.»

Изъявивъ желаніе и надежду еще гдѣ нибудь увидѣться, мы разстались. «Увидимся въ Петербургѣ, кричалъ мнѣ вслѣдъ Г. В.: что мнѣ Аѳсны и Мемфисъ! Непременно къ вамъ приѣду.» — «Милости просимъ, отвѣчала я: такимъ гостямъ мы рады!»

Воротясь къ почтенному семейству моего друга, я провелъ тамъ этотъ день, и на другое утро отправился въ обратный путь, сопровождаемый выраженіями искренней благодарности. Все видѣнное, слышанное, испытанное мною въ эти дни, носилось безпрерывно въ моемъ воображеніи — и сокращало время ѣзды. На другой день, въ семь часовъ утра, diligencъ остановился въ Парижѣ, и я поспѣшилъ въ свою гостиницу, rue de Port-Mahon, 9. Привратникъ (portier), оставленной Наполеоновскій солдатъ, бывший предметомъ удивленія сорока вѣковъ съ вершины пирамидъ, нѣтъ предобрыѣйшій *garçon* (извините, перевести нельзя), нѣчто въ родѣ покойнаго актера

Мере, подаль мнѣ записку, принесенную накупуть. Слова: «Я въ Парижѣ, живу rue de Beaune, 5. С. Скромненко,» обрадовали меня несказанно, и я бросился къ земляку. Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ. Винавать: одно люблю мнѣ дороже милліона *je vous aime!*

XXI.

Сравненіе прежняго и нынѣшняго Парижа. Зданія. Наружность. Изгнаніе развратницъ. Пале - Рояль. Омнибусы. Бороды. Красота уходитъ. Перемена нравовъ. Польская революція. Удобства жизни. Театры.

Я прожилъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, не выдавъ его въ теченіе двадцати лѣтъ. Любопытно было бы сравнить нынѣшнее его состояніе съ тогдашнимъ. Постараюсь сдѣлать это, начавъ съ предметовъ вещественныхъ.

Наружность Парижа все еще та же: многолюдство, движеніе, шумъ, нечистота, вонь; но нѣкоторыя части получили новыи, гораздо лучшіи видъ. Такъ, напримѣръ, набережная Сены отъ Лувра до Рагуши (Hôtel de ville) и далье, расширена сломкою домовъ, стоявшихъ подлѣ берега, возвышена и снабжена прекраснымъ тротуаромъ, усаженнымъ деревьями. Черезъ Сену построены въ этой сторонѣ три новые моста: des Saints Pères, Аркольскій и Лудовика Филиппа. Кончены великолѣпныя триумфальныя Ворота

Звѣзды, въ концѣ Елисейскихъ Полей. На Площади Лудовика XV, между Тюльерійскимъ Садамъ и Елисейскими Полями, возвышается исполнскій обелескъ луксорскій, привезенный изъ Египта. Улица Риволи, идущая отъ Тюльерійскаго Дворца вдоль по саду, до улицы Елисейскихъ Полей, состоитъ, по наружности, изъ одного великолѣпнаго зданія, снабженнаго аркадами: въ этомъ зданіи находятся нѣкоторыя казенныя мѣста, напр. морское министерство, но большая его часть занята первоклассными отелями. Видъ отсюда на Сену, черезъ садъ, и на площадь — несравненный. — Еще кончена Биржа, въ улицѣ Вивіеннъ, на просторной площади, прекрасное, величественное строеніе снаружи, красивое и удобное внутри. Плафоны и стѣны расписаны съ большимъ вкусомъ. Особенно красивъ, какъ я уже упоминалъ, плафонъ въ залѣ Коммерческаго Суда. — Въ важнѣйшихъ улицахъ устроены тротуары, не очень широкіе, но тѣмъ не менѣе пріятные для пешеходовъ. Бульвары поддерживаются въ прежнемъ своемъ блескѣ. Не исчисляю множества новыхъ частныхъ зданій, прекрасныхъ и величественныхъ; но все это загажено, запачкано, облито нечистотой всякаго рода. Въ Лондонѣ копоть есть необходимое послѣдствіе употребленія каменнаго угля, разводимаго вѣчнымъ тамошнимъ туманомъ. Въ Парижѣ нечистота есть добровольная, усердная дань великаго народа. Сорь и помой выметаются и выливаются на улицу. Ремесленники на улицахъ варятъ клей и краски. Улица же служить

отхожимъ мѣстомъ для всякаго. Гнусно и отвратительно! Кучи сору, грязи, навозу валяются повсюду, и въ нихъ ветошники (*les chiffonniers*) роются своими крючьями, ища дневной добычи. Не разъ, смотря на этихъ несчастныхъ, голодныхъ Парижанъ, я повторялъ въ умѣ: «Ройтесь, сударники, ройтесь въ грязи! Прошло то счастливое время, когда вамъ можно было, пробравшись къ намъ, на Русь, заняться воспитаніемъ юношества, и блаженствуя въ степныхъ нашихъ губерніяхъ, вздыхать по Парижъ, и ругать добрую, святую Россію!»—Одна перемена въ Парижъ достойна хвалы и подражанія: это — изгнаніе публичныхъ дѣвокъ. Бывшіе за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ Парижъ, соотчичи мои конечно помнить всю гнусность, всю наглость тогдашняго разврата: блудницы всѣхъ классовъ, и разряженныя и растрепанныя, и красавицы и безобразныя рыскали по улицамъ цѣлыми стаями, останавливали прохожихъ, и оскорбляли слухъ дерзкими и безстыдными рѣчами. Пале-Рояль былъ главною ихъ квартирою, и большую часть *тогдашней* своей славы стяжалъ отъ присутствія этихъ несчастныхъ тварей. — Теперь этого нѣтъ вовсе. Въ послѣдніе годы царствованія Карла X, парижская полиція образумилась, и внявъ голосу всѣхъ честныхъ людей, очистила улицы. Исчезли эти дерзкія толпы: изрѣдка блязливая нимфа, впрочемъ одѣтая скромно и прилично, промелькнетъ по бульвару и исчезнетъ въ темномъ переулкѣ, не оскорбляя ни глазъ, ни

слуха проходящихъ. Пале-Рояль остался капищемъ моды, вкуса, во всѣхъ отношеніяхъ, но развратъ, видимый развратъ оттуда изгнать. Порядочная женщина, честная мать семейства можетъ ходить тамъ во всякое время, не боясь зрѣлица соблазнительнаго для дѣтей своихъ. Многолюдство, шумъ, развлеченія и забавы всякаго рода отъ того не уменьшились. Содержатели магазиновъ радуются этой переменѣ, потому что въ прежніе годы многіе покупщики страшились Пале-Рояля, особенно деревянной его галереи, называвшейся *варварскимъ таборомъ* (*le camp des barbares*), гдѣ обманывали публику всякими средствами. Теперь возвышается на этомъ мѣстѣ великолѣпная галерея съ стекляною крышею. — Къ хорошимъ нововведеніямъ принадлежатъ здѣсь *омнибусы*, развѣзжающіе вдоль и поперекъ всего города. Каждый пять минутъ отправляется, съ каждой крайней точки, *омнибусъ*, въ которомъ могутъ помѣститься пятнадцать человекъ. На каждомъ шагу вы ихъ встрѣчаете; можете сѣсть, и заплативъ шесть су (*24* коп. мѣдью), ѣхать въ какой конецъ угодно. Я нѣсколько разъ этимъ пользовался: вѣдиль въ часть города, называемую *le Marais* (Болото) отъ церкви Магдалины, то же, что у насъ, въ Петербургѣ, отъ Адмиралтейства къ Невскому Монастырю, и возвращался — всего за *12* су! Извозчики глядятъ на *омнибусы* съ злобою и завистью. — Странная мода отпускать бороду господствуетъ между записными франтами и людьми полупростаго званія: дирижеръ оркестра

въ Театръ Водевилья, какой-нибудь журнальный сыщикъ, какой-нибудь прикащикъ — ходять бородачами, но люди хорошаго тона гнушаются этимъ отличіемъ.— Женщины порядочнаго состоянія одѣваются къ лицу, со вкусомъ, съ пристойностью, но вообще не богато.— Исчезли въ Парижъ, по крайней мѣрѣ, по наружности, забавные уличные коммиссіонеры, босые, но во фракахъ, съ пудренными головами и съ претолстыми пучками. Сказываютъ, что извелось и племя записныхъ драчуновъ, которые, въ кофейняхъ и въ театрахъ, задирали и встрѣчнаго и попережнаго, вызывали на поединокъ, и дрались отчаянно, или мирились въ Булонскомъ Лѣсу, за пьянымъ и сытнымъ завтракомъ. Говорятъ, что они примерли отъ холеры. Славная земляца, гдѣ и холера играетъ полезную роль! — Еще извелась — не могу не сказать съ глубокимъ вздохомъ — или изводится, красота женщинъ. Дня чрезъ два по пріѣздѣ въ Парижъ, сидѣлъ я въ Турецкомъ Саду, и слушающая прекрасную музыку оркестра Жюльена, взглянулъ на газетный листокъ *Vert-Vert*, поданный мнѣ при входѣ, вмѣсто программы. Тамъ нашелъ я статью: *La beauté s'en va* (Красота уходитъ.) Заглавіе было заманчиво: я прочелъ статью, въ которой неизвѣстный авторъ доказывалъ, что нынѣшнія Парижанки отнюдь не такъ хороши и миловидны, какъ покойныя ихъ бабушки или уже отцвѣтшія маменьки и тетунки. Вздоръ! подумалъ я, и началъ всматриваться въ сосѣдокъ. Эта не хороша, но вотъ другая — пѣть, и эта могла бы

быть лучше. А вотъ направо — очень посредственная; на лѣво — хороши глаза, но что за выправка! И такъ далѣе, и далѣе, въ числѣ сотъ двухъ женщинъ насчиталъ я едва ли двухъ красавицъ, десять порядочныхъ, пятнадцать сносныхъ — прочія же все ординарныя. Впрочемъ Француженки, особенно Парижанки, никогда и не славились красотой: онѣ отличались пріятностью, граціей, ловкостью, остроглазіемъ, скороговорками. И это проходитъ! Гдѣ тѣ миловидныя, умныя гризетки, которыя служили оригиналами французскимъ романистамъ и водевилистамъ? Тѣ забавныя вострухи, Жоржетты, Тьенетты, Жюльетты: — теперь здѣсь тѣ же Матрены, Акулины и Хавроны, что у насъ. Странно: или у меня теперь очки другіе, или это дѣйствительно такъ. Я спрашивалъ объ этомъ у нашихъ русскихъ юношей, гулявшихъ со мною по бульварамъ: и они подтвердили мое замѣчаніе, и они не видали здѣсь того, о чемъ имъ сто разъ говорено было. Вообще Франція съ каждымъ годомъ утрачиваетъ болѣе и болѣе прежнюю славу любезности, учтивости, легкомыслія и добродушія, которыми Европа восхищалась въ дѣдахъ нынѣшнихъ Французовъ. Внуки ихъ сдѣлались серіозны, угрюмы, дерзки и грубы въ обращеніи. Спросите о томъ, кого хотите; прочитайте книги, которыя пишутъ сами Французы, напримѣръ Записки Герцогини Абрантской, и вы найдете, что теперешніе Французы вовсе не походятъ на старинныхъ. Но, можетъ быть, скажете вы, они остепеншились: запи-

маются не пустяками, а дѣломъ, любезность замѣнили честностью, вѣтренность твердостью правды, учтивость выраженіемъ правды. Ахъ, если бы! Но нѣтъ. Свокорыстіе, себялюбіе и самый наглый матеріализмъ сдѣлали нынѣ двигателями дѣйствій большей ихъ части. Деньги, деньги и деньги — вотъ цѣли, къ которымъ нынѣ все стремятся. И высшихъ мѣстъ стараются достигать не столько изъ тщеславія, сколько изъ корыстолюбія. Истинной любви къ отечеству у нихъ нѣтъ, а есть какая-то щекотливость клона, который даетъ о себѣ чувствовать при каждомъ къ нему прикосновеніи. Въ литературу господствуетъ самое откровенное и престодушное шарлатанство, которому должны приносить жертвы и первостепенные писатели, если не хотятъ лишиться плода трудовъ и дарованій своихъ. Нѣсколько журналистовъ и литераторовъ составили между собою страховое общество славы и прибыли, завладѣли голосомъ въ первостепенныхъ журналахъ, дѣйствуютъ неограниченно на мнѣніе публики, и не даютъ хода никому изъ непринимавшихъ къ ихъ сословію. Собственно ученыхъ считаютъ они безвредными животными, и позволяютъ имъ пастись на лугахъ, скошенныхъ литераторами. Художники живутъ въ явной и безпрерывной между собою враждѣ, сами восхваляютъ свои творенія въ журналахъ, загрызаютъ до смерти соперниковъ, и не даютъ возвыситься ни какому таланту *чужаго прихода*. Помните ли, какъ они старались унижить, обезславить, очер-

нить нашего Брюлова? И между тѣмъ, у артистовъ, принято называть другъ друга: *ты!* — Кажется, что здѣсь большая часть людей въ лихорадкѣ: все недовольны настоящимъ, и забывъ прошедшее, ждуть чего-то въ будущемъ. Все ищутъ душевныхъ, волненій (*des émotions*), убѣгаютъ спокойствія, и кидаются въ пучину страстей самыхъ бурныхъ. И сколько случается самоубійствъ! Молодые люди лишаютъ себя жизни, наскучивъ ея пустотою и ничтожествомъ; пожилые бросаются въ воду отъ избытка вкушенныхъ ими удовольствій. — Когда размотришь исторію послѣднихъ годовъ Франціи, когда исчислишь въ умѣ все революціи, все неистовства, все злодѣянія, въ которыхъ нынѣшніе Французы были дѣйствующими лицами, жертвами или просто зрителями, перестанешь удивляться этому перевороту мыслей и чувствованій. Испроверженіе алтарей божіихъ и трона царскаго, торжество порока, закланіе невинныхъ, гибельныя войны, ужасныя междоусобія, оборотили вверхъ дномъ все понятія и преданія, и разрушивъ владычество религіи и страстей благородныхъ, привели несчастныхъ къ послѣдному жертвоприношенію у подножія златаго тельца; внушили главное и исключительное уваженіе къ деньгамъ, какъ къ единственному средству пріобрѣсть все блага здѣшней жизни, и заглушить всякую мысль о будущей. Люди благородныхъ правилъ удалились въ провинціи или въ предмѣстія Парижа; люди ничтожныя, дерзкіе и безстыдные вознеслись, какъ

пыль съ земли, при бурномъ вихрь революцій. Меня изумило множество красныхъ ленточекъ (Почётнаго Легіона) въ петлицахъ у людей съ самыми подлыми, лакейскими рожами. Патріоты-де! — Вы мнѣ возразите, можетъ быть, что я самъ упоминаю о многихъ почтенныхъ людяхъ, что отдаю справедливость многимъ государственнымъ мужамъ, писателямъ, артистамъ Франціи. Не думайте, чтобъ я оуждалъ все и всѣхъ безъ изъятія: я говорю о массѣ, о большинствѣ, а отноюд не обо всѣхъ именно. Между Французами найдете вы частныя исключенія изъ общихъ правилъ, и тѣмъ болѣе достойныя вниманія, чѣмъ рѣже они встрѣчаются. Я пойду еще далѣе, и скажу, что и въ самомъ народѣ есть зародыши добра и правды, что они возникнутъ и принесутъ плоды, когда уснокоится волненіе, когда утихнутъ бурныя страсти, когда религіозное воспитаніе подавить этотъ духъ корысти и привязанности къ вещественному. Но *когда?* это известно Провидѣнію. — Не думайте, напримѣръ, чтобъ июльская революція возбуждала здѣсь восторгъ или пріятыя воспоминанія. Разговаривая со многими порядочными и благовоспитанными людьми объ этомъ предметѣ, я не нашель ни одного, который бы упоминаль объ немъ съ удовольствіемъ или хвалою. Всѣ вшитя министровъ Карла X, которые, затѣвая важныя перемѣны въ законодательствѣ, не вздумали усилить гарнизона, и принять дѣйствительныя мѣры. Если бъ Мармонтъ догадался поставить на высотахъ Мон-

мартра баттарею пушекъ въ тридцать, Парижане не смѣли бы никнуть, и приняли бы новыя законы безпрекословно. — Въ народѣ память объ этой революціи исчезаетъ равномерно. Положено было воздвигнуть въ честь ея монументъ на мѣстѣ прежней Бастиліи. Сдѣлашь фундаментъ, построены лѣса, выведенъ пѣдесталь, и только. Камни покрываются мхомъ; дерево гниеть. — Тѣла убитыхъ въ пресловутые дни іюля 1830 года, погребены въ оградѣ Лувра, неподалеку отъ того окна, изъ котораго Карль IX стрѣляль по бѣгствующимъ Гугенотамъ. Надъ могилами поставили временныя деревянныя монументы; потомъ навезли нѣскольکو разныхъ каменныхъ матеріаловъ, для сооруженія прочныхъ памятниковъ, устали и бросили. Теперь мраморныя плиты и колонны, валяясь на земль, заросли высокою травою, а дѣйствительные памятники сгнили и обрушились. Надписи на нихъ смыты дождемъ. Всего забавиге одна эпитафія, напечатанная на бумагѣ, и поставленная надъ могилою въ рамкѣ, за стекломъ. Каждая зима смыла по нѣскольکو буквъ, и оставила на ней слой грязи. Обѣдая однажды въ рестораціи Гарди, на углу улицы Артуа, переименованной въ улицу Лафитта, я замѣтилъ что новая надпись отклеилась и упала, а прежняя, Rue d'Artois, опять проглянула на свѣтъ. Оно и благоразумно: можетъ быть, прійдется еще ее возобновить, а это хоть не ново, да благо ужъ готово. Мнѣ скажутъ: такъ Парижъ очень перемѣнился, и не

стоитъ труда туда вздѣть? Нѣтъ! въ Парижѣ много хорошаго. Удивительное движеніе торговли и промышленности, неисчерпаемое богатство, разлитое по всемъ классамъ; живой ходъ наукъ и художествъ; усовершеніе ремеслъ; присутствіе великихъ талантовъ; временное пребываніе отличныхъ людей всѣхъ націй, удобства жизни, и, наконецъ, отборное общество въ высшихъ кругахъ. *Гостиницы въ Парижѣ* (les salons de Paris) доставляютъ всякому образованному чловѣку истинное наслажденіе, какого онъ, въ этомъ родѣ, не найдетъ нигдѣ. И еще, посреди шума и волненія столицы, посреди вѣчной борьбы разъяренныхъ и необузданныхъ страстей, вы увидите здѣсь *людей*, посвятившихъ жизнь и достоиніе свое наукамъ, искусствамъ и благу чловѣчества: отыщите ихъ, и въ бесѣдѣ съ ними вы найдете отраду, успокоеніе, утѣшеніе. Эти два предмета (*гостиницы и людей*) постараюсь изобразить въ слѣдующихъ письмахъ.

Удобства жизни составляютъ не послѣднюю прелесть Парижа. Квартиры здѣсь не просторны, но уютны, и приспособлены къ нуждамъ, требованіямъ и карману всякаго. Я платилъ въ мѣсяцъ по 60 франковъ (около 53 р.) за двѣ комнаты въ лучшей части города, подлѣ Италіанскаго Бульвара. Привратникъ, жена его, помощникъ ихъ служили мнѣ усердно и расторопно; въ наемномъ лакѣ не имѣлъ я надобности, потому что зналъ топографію Парижа по прежнему тамъ пребыванію. Одинъ мой пріятель жилъ въ прекрасной улицѣ Риволи, въ просторной, хорошо

убранной, меблированной квартирѣ (также въ гостиницѣ), и платилъ за это по 250 р. въ мѣсяцъ, но за то жилъ царькомъ. Другой, не такъ богатый, занималъ комнату въ rue de Beaune, на лѣвомъ берегу Сены, за 35 фр. Все есть, чего ни пожелаете. Вы любите читать газеты, и не хотите сидѣть за ними въ трактирѣ или въ кофейномъ домѣ? можете абонироваться за небольшую плату на чтеніе двухъ, трехъ или болѣе листовъ по выбору: вамъ будутъ приносить ихъ ежедневно поутру, и чрезъ часъ приходятъ за ними. Вы хотите заниматься чтеніемъ новыхъ и старыхъ книгъ? сотни отборныхъ библиотекъ предлагаютъ вамъ свои услуги. Вы хотите украсить свой кабинетъ изображеніями знаменитыхъ современниковъ? подите къ Дельпешу, на берегъ Сены, близъ моста des Saints-Pères: тамъ можете купить любой, прекрасно литографированный портретъ по одному франку (менше 90 коп.) Вы проголодались? радуйтесь: вы въ Парижѣ. Нигдѣ, въ цѣлой Европѣ, не можете вы утолить своего голода такъ пріятно, и, относительно, такъ дешево, какъ здѣсь. Не ходите во второстепенныя рестораціи: отправляйтесь прямо въ Café de Paris (на Италіанскомъ Бульварѣ), къ Вері, къ тремъ братьямъ Провансаламъ (оба въ Пале-Рояль) или въ Канкальскій Утесъ (Rocher de Cancale, въ улицѣ Мандаръ). Возьмите съ собою пріятеля, и берите кушанья по одной порціи: станеть на двухъ съ половиною. Обѣдъ, разуметься умеренный, не отборный, обойдетъ вамъ не дороже

шести франковъ съ особы. Берегитесь дешевыхъ рестораций: названія блюдъ тѣ же, наружный видъ равномерно, но вкусъ иной, а послѣдствія для желудка еще непріятнѣе. Мороженое почти вездѣ прекрасное. — Вы любите толпу народную, охотно толкаетесь между шумными искателями удовольствій: подите въ воскресенье, или и въ другой день, часовъ въ восемь по полудни, внизъ по бульвару. Народныя волны принесутъ васъ въ Турецкій Садъ. Вы входите туда за одинъ франкъ, садитесь посреди пестрой компании, и слушаете исполненіе прекраснѣйшихъ увертюръ, симфоній и т. п. хоромъ изъ осьмидесяти музыкантовъ. Смерклось: мигомъ (посредствомъ мякотныхъ нитей) зажигается великолѣпная иллюминація. Усладивъ слухъ гармошею, выходите изъ саду. Предъ вами является картина широкаго бульвара, покрытаго несмѣтною толпою народа, посреди которой мелькають разноцвѣтные фонари омнибусовъ. Все шумитъ, гудеть, кипитъ и бурлитъ. Предоставляя описаніе другихъ удобствъ и наслажденій жизни путешественникамъ, болѣе меня опытнымъ, обращаюсь къ театрамъ.

Франція есть страна драматическая по превосходству: въ ней театры составляютъ существенную часть житейскаго быта; она и сама есть театръ всенародныхъ игрлицъ то смѣшныхъ, то кровавыхъ. Но я не могу сказать вамъ многого о парижскихъ спектакляхъ: во-первыхъ, лѣтнее время не благоприятно для театра: лучшіе актеры (г-жа Дорваль, Буффе и др.) были въ отсутствіи;

новыя и хорошія піесы отложены до осени и т. д. Во-вторыхъ, я былъ въ Парижѣ не веселъ и не расположенъ къ забавамъ. Въмѣсто того, чтобъ сидѣть въ душномъ театрѣ, я прохаживался по садамъ и бульварамъ; вмѣсто того, чтобъ бесѣдовать съ внутренними музами, я проводилъ время въ обществѣ друзей-земляковъ, которые меня понимали и раздѣляли мои сердечныя чувства. Между тѣмъ мнѣ удалось видѣть нѣсколько интересныхъ представленій.

Въ Большой Оперѣ видѣлъ я Гугенотовъ, Мейербера, спектакль, удивительный красотой и великолѣпіемъ. Музыка оригинальная, выразительная и ученая; но въ душѣ моей не оставила она ни одного сильнаго или пріятнаго впечатлѣнія — вѣроятно отъ того, что я слышалъ ее только однажды, и не успѣлъ разгадать. Но отъ чего жъ я постигаю Моцарта, Россини, Беллини — съ перваго разу? Отъ чего жъ въ Жизни за Царя, въ самое первое представленіе, затвердилъ мелодіи, которыя донынѣ отзываются у меня и въ слухъ и въ сердце? Говорятъ, что въ Гугенотахъ прекрасно то явленіе, въ которомъ гимнъ убиваемыхъ за сценою протестантовъ умолкаетъ мало по малу, по мѣрѣ умерщвленія поющихъ. Не знаю, но по мнѣ, и сюжетъ имѣетъ вліяніе на то дѣйствіе, которое производится музыкою. Здѣсь же я видѣлъ представленіе католическаго духовенства въ самомъ ужасномъ видѣ: монахи на сценѣ сговариваются перебить невинныхъ иновѣрцевъ. А Католическая Религія есть господствующая во

Франціи! Мнѣ скажутъ: да это было на самомъ дѣлѣ. Мало ли чего было гнуснаго и ужаснаго въ исторіи человечества! зачѣмъ выказывать именно черныя ея страницы? Зачѣмъ растравлять раны, едва закрывшіяся? Театръ долженъ быть орудіемъ образованія, усовершенія народнаго, а не распаленія низкихъ страстей, или представленія предметовъ священныхъ въ превратномъ видѣ (*). Теперь славится на театрѣ Большой Оперы

(*) Вотъ, что пишетъ о музыкѣ Гугенотовъ одинъ нѣмецкій литераторъ, искренне восхищаяся талантомъ Мейербера: «Не знаю, волею или неволею, музыка Мейербера страдаетъ отъ какого-то безпокойства, никакъ не можемъ устояться. Начинаются тысячи богатыхъ темъ, и ни одна не оканчивается; вдругъ все умолкаютъ, и слушатель изумляется въ концѣ неожиданнѣйшимъ оборотомъ, который самъ по себѣ прекрасенъ, но не успокоиваетъ насъ. Въ его музыкѣ валлсъльс (шп. *wälzt sich*) какъ въ горячкѣ, чувствуешь поцѣлун и объятія, толчки и побои, бѣгаешь сквозь огонь и воду, и все это однимъ духомъ, безъ отдыха и остановки. При музыкѣ Мейербера, весь приходишь въ волненіе. Его тоны схватываютъ насъ за грудь, таскаютъ насъ за волосы, выпаращиваютъ намъ глаза, всасываются страстно въ наше сердце, пьютъ нашу кровь, и зажигаютъ судорожное наслажденіе въ нашихъ нервахъ. Они могутъ защекотать насъ до смерти. Пресыщеніе и томность борются съ восторгомъ; прекрасный геній играетъ на органѣ, а чортъ притомъ корчить рожи и кувырывается. Небесная птица величественно возносится въ воздухъ, а дикая кошка гонится за нею, и въ эту минуту обезьяна кусаетъ

пѣвецъ Дюпре, и по справедливости: голосъ его вѣрный, чистый, сильный; теноръ, разумеется не итальянскій, но прекраснѣйшій, выразительнѣйшій. Хороша также пѣвица, г-жа Фалькопъ. Я видѣлъ на этомъ театрѣ еще одну оперу: Страделла. Сюжетъ пошлый, музыка мозаическая, набранная изъ разныхъ композиторовъ, но спектакль изящнѣйшій; поетъ Дюпре, и публика довольна. Балетъ Большой Оперы занимаетъ также почетное мѣсто. Спектакль сего рода завести легче, нежели всякій другой: въ танцовщикахъ исчезаетъ различіе націи. Вестрисъ и Талиони, Дидло и Эльслеръ, все говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Нынѣ восхищаетъ парижскую публику знаменитая вѣнская танцовщица, Фанни Эльслеръ. Торжество ея есть

ее за хвостъ, и она громко взвизгиваетъ. Духи спускаются на землю и причиняютъ ужасную суматоху; начинается сильная драка; призываютъ полицію, потомъ раздаются шепчущіе хоры брадатыхъ жрецовъ и судей; они успокоиваютъ и журятъ; вдругъ слышится крикъ: пожаръ! Бѣгутъ съ заливными трубами, коньями, крючками и ведрами, и наконецъ оказывается, что все это была пустая тревога. Наконецъ восходитъ солнце: мы очутились во храмѣ, и слышимъ торжественное шестіе тоновъ, при содѣйствіи и знаніи всехъ инструментовъ.» Если эти строки (переведенныя какъ можно ближе къ подлиннику) не дадутъ понятія о музыкѣ Мейербера, то, по крайней мѣрѣ, могутъ служить образчикомъ слога одного изъ корифеевъ Нѣмецкой Литературы. (*Spaziergänge und Weltfahrten, von H. Mündt, I, 327.*)

испанскій народный танецъ качуча (cachucha), очаровательный, несравненный, и мелодіею музыки, и прелестью исполненія со стороны танцовщицы. Я видѣлъ въ этомъ танцѣ, въ Лондонѣ, дѣвицу Доверне: она танцуетъ прекрасно, но далеко не производитъ такого дѣйствія, какъ несравненная Фанни Эльслеръ. Качуча сдѣлалась любимою мелодіею во всѣхъ городахъ, гдѣ танцовала Эльслеръ: въ Вѣнѣ, напримѣръ, сочинено на ея мотивъ множество вальсовъ, кадрили, галоповъ. Вѣнскій комикъ Шольцъ танцуетъ качучу въ женскомъ платьѣ, сшитомъ на покрой костюма Эльслеръ, и по окончаніи присѣдаетъ предъ рукоплещущею публикою, съ обыкновеннымъ комплиментомъ торжествующей артистки: *Зѣ werde Sie nie vergessen!* Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ, въ Петербургѣ, качуча сдѣлается народною, лишь только прелестныя ножки протанцуютъ подъ этотъ милый, привлекательный мотивъ (*). Впрочемъ, по единогласному сужденію знатоковъ и любителей оперы и балета, эти спектакли клонятся въ Парижѣ къ совершенному упадку. Появленіе Дюпре, оживившаго дряхлую сцену, есть счастливый случай, который въ другой разъ не встрѣтится. Старики сходятъ со сцены, а молодыхъ подростковъ нѣтъ. То же и въ балетѣ: одна Таліони поддерживала его своимъ единственнымъ талантомъ. Эльслеръ есть явленіе мимолетное. Про-

(*). Это предсказаніе исполнилось. Госпожа Таліони перенесла на нашъ театръ качучу облагороженную.

чія танцовщицы, равно какъ и танцовщики, не выше посредственности. Упадокъ этотъ происходитъ отъ недостатка школы. Начальство оперы, имѣя въ виду только настоящій успѣхъ, не радитъ о будущемъ. Хоры и корь-де-балле наполняются вольнонаемными крикунями и прыгуньями, которыя желаютъ выказать себя предъ публикою. Парижскіе балетмейстеры и другіе знатоки дѣла утверждаютъ, что петербургская сцена, если будетъ идти нынѣшнимъ ходомъ, непремѣнно и въ скоромъ времени опередитъ парижскую.

Французская Комическая Опера оживлена была въ нынѣшнемъ году оперою Обера, любимого моего композитора изъ Французовъ: *Посланица* (l'Ambassadrice). Главную роль играетъ въ ней г-жа Даморо-Чинти. Впрочемъ и здѣсь одна ласточка, а лета нѣтъ. Прочіе актеры и пѣвцы посредственны.

На Французскомъ Театрѣ видѣлъ я два интересныя представленія: во-первыхъ, игру актрисы Марсь; во-вторыхъ новую, прекрасную піесу. Несравненную жрицу Французской Талии видѣлъ я въ *Fausse Confidences*, Мариво. Прочитавъ ея имя на афишкѣ, я поспѣшилъ взять мѣсто въ первомъ ряду кресель. Выходитъ на сцену дѣвица, по движеніямъ и пріемамъ не старѣе двадцати лѣтъ, по одеждѣ и всѣмъ примѣтамъ, простенькая, застѣнчивая — и это Марсь. Вглядѣвшись въ нее, видишь, что это лице не XIX вѣка, что ей приличнѣе было бы играть старушекъ, но лишь только она заговоритъ, и притомъ взгля-

петь, то есть, взглянуть — право не знаю, как иначе сказать — исчезают все сомнѣнія, и очарованіе становится совершеннымъ. И она одна занимаетъ первую степень: все прочіе актеры не могутъ стать и у подножія ея трона. Говорятъ, что г-жа Дорваль хороша въ роляхъ патетическихъ: не знаю, я не видалъ ея. Нѣкоторые възвѣжія изъ Франціи актрисы называютъ самихъ себя подражательницами и близкими копіями дѣвицы Марсь: онъ похожи на нее, какъ Сибиряковъ на Каратыгина. Больше всѣхъ приближается къ ней г-жа Гайцингеръ: эта актриса также обманула время, и оно въ очарованіи потеряло счетъ ея лѣтамъ.

Новая пѣсса, видѣнная мною на Французскомъ Театрѣ, была драма: *Le chef d'oeuvre inconnu* (*Неизвѣстное произведеніе гениа*), сочиненная Карломъ Лафономъ, который написалъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ драму: *Семейство Морисвалъ*, возбуждившую вниманіе къ его талантамъ. Дѣйствіе новой его драмы происходитъ во Флоренціи, въ XV вѣкѣ, въ мастерской молодого ваятеля Роллы, бѣднаго, неизвѣстнаго, но воспламененнаго страстью къ своему искусству, дарованіемъ и любовію. Для снисканія себѣ пропитанія, Ролла принужденъ былъ раздѣлить свое искусство на двѣ части: одну посвятилъ ремеслу, другую художеству. Онъ изготовляетъ статуйки, и продаетъ ихъ, за безцѣнокъ, при помощи жида Стефано. Въ то же время трудится онъ втайнѣ надъ статуею святой Цециліи — вогъ неиз-

вѣстное произведеніе гениа! Сколько перенесъ онъ труда, успій, тягостей, досадъ, оскорбленій, чтобъ создать эту статую! Сколько она стоила ему бессонныхъ ночей, размышленій, мечтаній, надеждъ и разочарованій! Эта статуя есть выраженіе всего гениа, всѣхъ страданій, всей любви юнаго художника. Но какъ успѣлъ Ролла сохранить свѣжесть своего дара и воображенія при ежедневной борьбѣ съ тягостными нуждами житейскими? Какъ умѣлъ питать въ душѣ священный огонь гениа, когда тѣлесный его составъ терзаемъ былъ нуждою? Ответъ не затруднителенъ: Ролла влюбленъ. Ролла любитъ Леонору, такъ же какъ любить свое искусство. Его статуя есть изображеніе Леоноры: это ея ангельскія черты, ея красота тихая и возвышенная. Рѣзецъ его неволью создалъ то, что занимало все его воображеніе. Ролла думалъ творить, и только повторялъ затанувшее въ глубинѣ его души. И Леонора любить Роллу, но любовь ихъ безнадежна. Она дочь богатаго Маркиза Строщи, и не можетъ быть женою бѣднаго художника. Она одна видѣла его произведеніе, и воспламененная удивленіемъ и благодарностію, говоритъ Роллѣ: «Понесли статую къ Великому Герцогу; сегодня присуждаютъ золотую вѣтвь за лучшее произведеніе искусствъ; если ты ее получишь, и ты получишь ее навѣрное, отецъ мой тронется твоею славою.» Но Ролла, какъ все великіе артисты, самъ не вѣритъ своему таланту, находитъ въ статуй недостатокки, и не имѣетъ духу коснуться ея, не имѣетъ духу со-

стяжаться для полученія награды. Одно обстоятельство производитъ счастливую перемену. Стефано, продавая статуйки Роллы, встрѣтился съ какимъ-то добрымъ старичкомъ, который купилъ весь его товаръ, и хочетъ узнать художника. Онъ входитъ въ мастерскую Роллы, въ его отсутствіе; съ любопытствомъ разсматриваетъ картины и льпныя работы молодого человека; спрашиваетъ Стефано, и узнаетъ, что Ролла тщательно скрываетъ лучшее свое произведеніе. Старикъ отдергиваетъ завѣсу, и видитъ святую Цецилію. «Удивительно! несравненно! восклицаетъ онъ: но рука не хороша; ее надобно поправить!» Онъ беретъ рѣзецъ, и передѣлываетъ руку. Ролла, воротясь домой, взглядываетъ на статую, и бросается предъ нею на колѣни: старикъ этотъ былъ Микель-Анджело. Другъ Микель-Анджело, любимый Леонорою, Ролла могъ бы быть счастливъ, могъ бы представить свѣту свое произведеніе. Но онъ въ самомъ дѣлѣ несчастливъ, нежели когда нибудь. Отецъ Леоноры, узнавъ о ихъ страсти и о сходствѣ статуй съ его дочерью, умоляетъ Роллу спасти честь его фамиліи, и не открывать свѣту любви, которая, по его словамъ, оскрамитъ ихъ. И такъ Ролла долженъ отказаться отъ всего, отъ славы, отъ любви, отъ счастья — отъ самой жизни. Великій Герцогъ присылаетъ за статуею. Ролла отвѣчаетъ, что не выдастъ ея. Приказаніе повторяется: хотятъ взять статую, во что бы ни стало, не добромъ, такъ силою. Изступленный Ролла пробирается за завѣсу, и разбиваетъ ста-

тую. Бѣдный художникъ! И въ ту самую минуту является Микель-Анджело съ золотою вѣтвію, отъ Великаго Герцога. Отецъ Леоноры, обезоруженный удивленіемъ, соглашается увѣнчать любовь его. Но уже поздно. Страданія убили его: Ролла умираетъ, какъ Тассъ, за минуту до торжества. — Простота и естественность содержанія, вѣрность характеровъ, быстрый ходъ и до конца возрастающій интересъ составляютъ достоинство этой драмы. Разыграна она была прекрасно. Фирмень (въ роли Роллы), и Жоанни (Микель-Анджело), хорошо поняли и удачно представили главные характеры (*). Но и Французскій Театръ клонится къ закату. Если хотятъ похвалить пышныхъ актеровъ, говорятъ, что они въ этотъ вечеръ напоминали *прошедшее*. Въ числѣ ихъ есть люди съ дарованіями, образованные опытомъ, примѣромъ и ученіемъ, но уже нѣтъ тѣхъ великихъ артистовъ, которые изъ своего генія извлекали правила игры, и осуществляли на самомъ дѣлѣ то, что безсмертные поэты созидали своимъ воображеніемъ. Одна Марсъ составляетъ исключеніе; но это Филоменъ Французскаго Театра — послѣ нея, трава не рости.

Еще смотрѣлъ я съ большимъ удовольствіемъ игру Арналя, на Водевильномъ Театрѣ. Онъ молодой человекъ, не отличной, даже не слишкомъ благородной наружности, но очень хорошъ и ори-

(*) Эта пѣса переведена на русскій языкъ Н. В. Кукольникомъ.

гналень въ роляхъ комическихъ. Онъ вышетъ на сцену, и еще не сказалъ ни слова, а зрители уже видятъ характеръ его роли, званіе и ремесло представляемаго имъ лица. Дѣйствіе происходитъ на балъ, въ домъ богатаго банкира; разряженные франты и шеголихи расхаживаютъ въ глубинѣ театра; на авансценѣ красуются знатные господа и барышни. Входитъ Арналь, въ черномъ фракѣ, какъ и всѣ, рачительно завитой и причешанный, потираетъ руки какъ бы размазывая помаду, засучиваетъ рукава, размахиваетъ правою рукою, какъ бы охладившая щипцы, смотритъ дамамъ не въ лице, а на голову, и приподнимается на цыпочки, какъ бы для того, чтобъ поправить ихъ прическу: это парикмахеръ! И онъ производитъ эти движенія такъ просто, такъ непринужденно, какъ будто бы вѣкъ работалъ въ мастерской Мишалона. Другой прекрасный актеръ на этомъ театрѣ, Лафонъ. Онъ очень хорошъ собою, высокъ, статенъ, съ выразительнымъ лицомъ. Мнѣ понравился онъ чрезвычайно въ забавномъ водевилѣ: Отецъ и сынъ. Одинъ богатый швецкій скотопродавецъ вздумалъ дать своему сыну ученое образованіе; но сынъ, какъ часто случается, сдѣлался докторомъ не философіи, а шалостей, знакомится съ негодями, мотаетъ, влюбляется, а о наукахъ и о дѣлѣ не помышляетъ. Отецъ ищетъ его по всей Германіи, находитъ, узнаетъ о его подвигахъ, и отсылаетъ домой насти воловь. Дѣйствіе водевиля расположено такъ, что отецъ съ сыномъ не встрѣчается на сценѣ.

Лафонъ играетъ обѣ роли, и обѣ съ удивительнымъ искусствомъ. Видишь родственное сходство лицъ, слышишь похожіе звуки голоса, но одинъ изъ нихъ старикъ, простой, твердый, упрямый; другой — вѣтренкъ, легкомысленный, шалунъ. Старикъ говорить положительно, ясно; сынъ пришепеляваетъ, и это превращеніе дѣлается въ нѣсколько секундъ. Мнѣ сказывали, что Лафонъ прежде сего пѣлъ очень хорошо, но теперь онъ спалъ съ голосу, видно отъ того, что слишкомъ часто игралъ роли негодяевъ. Вообще, мнѣ кажется, что многіе французскіе водевильные актеры могли бы съ честью и славою подвизаться на Большомъ Французскомъ Театрѣ, если бъ взяли за свое дѣло посерьознѣе. Теперь они расточаютъ свои таланты на второстепенной сценѣ, довольствуются платою, а не славою, и небрегутъ о самомъ искусствѣ. Деньги, какъ я говорилъ уже не разъ, сдѣлались нынѣ движителемъ большей части дѣйствій и предпріятій во Франціи. Прибавьте къ нимъ еще пріемъ мелкаго тщеславія, и вы будете имѣть всѣ элементы характеровъ большей части нынѣшнихъ Французовъ, найдете разгадку многихъ вопросовъ. Всенародныя дѣла, подкупная молва, перемѣнчивость общаго мнѣнія до того надѣли большей части изъ нихъ, что всякъ старается какъ нибудь, не мытъемъ, такъ катаньемъ, составить себѣ состояніе, и жить въ независимости. Поспѣшность, съ какою стараются обезпечить свое состояніе, не позволяетъ быть разборчивыми въ средствахъ.

«Не понимаю, какъ можно не нажить двадцати тысячъ франковъ ежегоднаго доходу!» сказалъ директоръ Большой Оперы одному писателю, которъй жаловался, что ему жить не чѣмъ.

Я посѣщалъ нѣкоторые изъ малыхъ театровъ Парижа, des Variétés, Gymnase Dramatique, au Palais-Royal, но не нашелъ на нихъ ни хорошихъ пьесъ, ни отличныхъ актеровъ. Многіе водевили представляются на нашемъ Петербургскомъ Французскомъ Театрѣ несравненно лучше, особенно теперь, когда мы приобрѣли г-на и г-жу Алланъ.

XXII.

Гостиныя прежнія и нынѣшнія. Беседа французская, немецкая и русская. Гостиныя Барона Мейендорфа, Салванди, Гизо и Герцогини Абрамтской.

Что болѣе всего нравится вамъ въ Парижѣ? спрашивали у меня многіе. Мало ли что? отвѣчалъ я: во-первыхъ, интересное движеніе милліона самыхъ подвижныхъ людей въ мірѣ; во-вторыхъ, предметы наукъ, словесности и изящныхъ искусствъ, лекціи, картинныя галереи, театры; въ-третьихъ, удобства жизни — напимѣръ хорошей и дешевой столъ, легкость сообщеній; въ-четвертыхъ, личныя бесѣды съ умными и знаменитыми людьми; въ-пятыхъ, удовольствія парижскаго общества, или, такъ называемыхъ salons, гостиныхъ. Повторимъ о послѣднихъ.

Гостиныя играли изстари важную роль не только въ исторіи Парижа, но и въ исторіи Франціи, и имѣли чувствительное вліяніе на образъ мыслей, обычаи и самыя происшествія всего образованнаго міра. Что есть гостиница? Собраніе

людей обоого пола, близкихъ между собою образованіемъ, языкомъ, желаніемъ правиться, забавлять, блистать, но различныхъ вкусомъ, степенью ума и видами философскими и политическими. Въ гостинныхъ предъела обыкновенно хозяйка, соединявшая съ умомъ и воспитаніемъ любезность, привѣтливость, умъне говорить со всякимъ, и снисходительность. По характеру и политическому положенію хозяйки, гостинная ея была или политическимъ клубомъ, или академіею словесности и художествъ, или же просто сходбищемъ образованныхъ и любезныхъ людей. Таковы были гостинныя госпожъ Жофренъ, дю-Деффанъ, Герцогини Шуазель, Герцогини Полньякъ, гдѣ находила себѣ пріятную бесѣду Королева Марія Антонія, госпожи Неккеръ и дочери ея, госпожи Сталь, госпожи Жаплисъ, Жозефины Бонапарте, госпожи Талліенъ, Князя Талейрана, госпожи Рекамье, и проч. Самое блистательное время гостинныхъ было до революціи. Изящный вкусъ, благородный тонъ, утонченная въжливость, непринужденная веселость и славный издревле умъ французскаго общества составляли ихъ прелесть. Теперь это исчезло. Бури революціи, вліянія безпрерывныхъ войнъ, ожесточеніе партій изгнали веселость, привѣтливость и благородство обхожденія и тона изъ французскихъ собраній. Вотъ что говорить объ этомъ Герцогиня Абрантская, которая, въ молодости своей, видѣла старинное общество, потомъ участвовала въ великолѣпныхъ забавахъ Двора Наполеонева, и нынѣ сама тщет-

но старается воскресить парижскую гостинную XVIII вѣка: «Франція была въ то же время дѣйствительно странно очарованій; главнѣйшую ея прелесть составляло общество учтивое, граціозное, старавшееся правиться во всѣхъ своихъ сношеніяхъ. Какія наслажденія, какія удовольствія возникали изъ этого соединенія образованныхъ людей, жившихъ въ тѣсныхъ между собою связяхъ: въ немъ слышались иногда колкія насмѣшки, но не было клеветы, не было злословія, распространяемаго нынѣ грубостью дурагаго воспитанія. Не знаю, можно ли называть это откровенностью. Нѣтъ, это злоба, глупая злоба, самая нестерпимая! Грубость есть нынѣ необходимая примѣсь въ обхожденіи мужчинъ и женщинъ. Дурагое воспитаніе мужчинъ дѣлаетъ ихъ несносными. Въ отношеніи къ женщинамъ это еще нестерпимѣе. Чѣмъ онѣ знатнѣе, тѣмъ обращеніе ихъ глупѣе и страннѣе. Имъ надлежало бы знать, что во время владычества утонченной въжливости, существовала поговорка: онѣ учтивы, какъ знатный баринъ. О женщинахъ и не говорили: это разумьлось само собою; онѣ были милы, привѣтливы, предупредительны, и старались правиться даже тѣмъ людямъ, которые имъ не нравились (*).»

Далѣе говорить она (о гостинной Герцогини Шартрской, матери нынѣшняго Короля): «Тамъ, во всѣдневномъ кругу, соединялись всѣ прелести

(*) Hist. des salons de Paris, II. 188.

со всею французскою вѣжливостію (urbanité). Тогда въ этомъ словѣ было особое значеніе — теперь его нѣтъ. Я знаю, что значить вѣжливость, потому что сама видѣла ее, по пышнѣе гени, напримеръ, Г. Карль Ла...тъ, который, наступивъ женщины на ногу, не извиняется, потому что пишетъ комедіи, которыя еще не осмистаны — ея не знаютъ. Тогда придумывали средства нравиться, старались придавать себѣ качества, которыхъ не имѣли, и, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ людей образованныхъ добродѣтель получала эту дань отъ порока, къ которому никто не признавался. Бывали колкости, случались обиды, но въ то время не разглашали безсмысленной клеветы, не нападали на честь женщины съ пышнѣе звѣрствомъ, которое называютъ откровенностію, и которое есть плодъ дурнаго воспитанія. Эта суровость была бы вовсе несовмѣстна съ тогдашней вѣжливостію обращенія и обычаями, господствовавшими во всей строгости въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ. Я жила въ этомъ свѣтѣ съ младенчества, и, могу сказать, только тогда и жила. Тамъ слышала я, какъ можно хвалить искусно, безъ преувеличенія и приторности, которыя и самую справедливую хвалу дѣлаютъ нестерпимою. Тамъ слышала я, какъ можно толковать о важныхъ и великихъ предметахъ, безъ спора и безъ обиды. Тамъ видѣла я, какъ можно давать цѣну другимъ, не имѣя виду покровителя, и радоваться ихъ успѣхамъ! И это дѣлалось безъ лицемерія? Нѣтъ! это была

послѣдняя кора старинныхъ нравовъ, хранившаяся силою привычки, одна кора, но при всемъ томъ жизнь была легка и пріятна въ дни моей молодости. Что жъ бы чувствовала я въ прошедшемъ вѣкѣ, когда связи семейственныя были свято чтимы, когда прелести общественнаго быта проявлялись въ малѣйшихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ жизни! — Въ меньшихъ кругахъ собесѣдники были откровеннѣе: толковали, разсуждали о свѣтскихъ вѣстяхъ, злословили, но въ надлежащую мѣру: *никогда* не касались чести ближняго. Жизнь человека была неприступною святынею въ семь отношеніи, завѣтнымъ ковчегомъ, съ котораго самая дерзкая рука не смѣла снять покрыва (*)!»

И такъ, я не могу насладиться истиннымъ обществомъ французскимъ: я пришелъ въ свѣтъ слишкомъ поздно, какъ говоритъ Лабрюеръ. Но — за немнѣею гербовой, пишутъ на простой. Однажды, въ рестораціи парижской, спросилъ я устриць. — Позвольте замѣтить вамъ, сказали мнѣ нѣкто, что теперь не пора на устрицы. — Знаю, отвѣчалъ я, но я пріѣхалъ изъ такой земли, гдѣ на нихъ почти никогда поры не бываетъ. — Я довольствовался тѣмъ, что было, и это немного было менѣе обыкновеннаго, потому что лѣтомъ собранія бываютъ рѣдки; лучшее общество, особенно по закрытіи палатъ, разбѣзжается по дачамъ и деревнямъ. При всемъ томъ.

(*) Ibid. II, 122.

могу сказать, что, за исключеніемъ времени, проведеннаго мною въ обществѣ искреннихъ пріятелей и земляковъ, и въ бесѣдѣ съ писателями и другими отличными людьми, самыми пріятными часами въ Парижѣ обязанъ я тамошнимъ гостинымъ, въ которыхъ собираются умные, образованные люди, бесѣдуютъ (*on cause*), рассказываютъ, иногда спорятъ, часто смѣются, и всегда проводятъ время какъ нельзя лучше. У насъ нѣтъ круги семейственные, частные, есть сходбища людей равнаго образованія и ума; но нѣтъ этихъ, такъ сказать открытыхъ бесѣдъ, подчиненныхъ обычаямъ, освященныхъ вѣками, въ которыхъ собираются люди разныхъ сословій, всякихъ націй, и находятъ пищу своему чувству, уму и воображенію, находятъ общее средство разумнѣя и бесѣды. Этого нѣтъ и не было нигдѣ, кромѣ Франціи, и главнымъ средствомъ къ тому была всеобщность языка французскаго. Въ гостини г-на Сталь, напримѣръ, видѣлись и бесѣдовали и Талейранъ и Веллингтонъ, и Графъ Растончинъ и Испанецъ Алава, и пушій панскій и А. Л. Нарышкинъ. Къ тому присоединяется и общій интересъ самой бесѣды: Французская Словесность, Французскій Театръ, Италійская Опера, все изящныя искусства — известны, знакомы, близки всякому образованному чловѣку, и средоточіе ихъ было и есть въ Парижѣ. Въ Германіи, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ случалось видѣть, главную часть бесѣды занимаетъ чтеніе. Гости

соберутся, и, послѣ обыкновенныхъ комплиментовъ и разбѣна городскихъ вѣстей, напьются чаю и сядутъ въ кружокъ. Дамы вынимаютъ изъ ридикюлей свою работу, а одинъ изъ мужчинъ вытаскиваетъ изъ кармана новыи романъ или стихотвореніе. Чтеніе продолжается часа три, и оканчивается не прежде благодатнаго *Ende*. Гости встаютъ, благодарятъ чтеца, хвалятъ читанное, и откланиваются хозяину или хозяйкѣ съ обыкновеннымъ *приятвома* (*). Собственная бесѣда бываетъ рѣдко, и еще рѣже бываетъ общою и занимательною. — У насъ, въ Россіи, еще нѣтъ, во-первыхъ, общаго средства бесѣды въ лучшихъ обществахъ говорить по-французски, а только родное, національное, *наше* можетъ возбуждать участіе всегдашнее, постоянное, живое. Красу петербургскаго общества составляетъ дипломатическое сословіе, но оно не говоритъ и не понимаетъ по-русски. Второй врагъ всякой общественной у насъ бесѣды — карты, выгодное средство для хозяина заить разнокалиберныхъ гостей, гибель для ума и сердца. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, что умные, воспитанные, любезные люди займутся бесѣдою; кажется, тутъ

(*) Въ Германіи, особенно въ Берлинѣ, замѣтилъ я странное средство выражать пріятельность и усердіе при прощаніи; и т. п. Оно состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ словѣ протягиваютъ послѣдній слогъ, и произносятъ этотъ припѣвъ октавою выше прежняго тона; напримѣръ: *adieu-ee*. Точно какъ у насъ бабы кричатъ: ягодъ, клюквы подсыяжной, яго-одъ.

и пойдет разговор приятный, острый, занимательный. Вдруг раскроют зеленые столы, поставят свѣчи, распечатают карты, и умившіе, любезнѣйшіе изъ собесѣдниковъ (увы! и изъ собесѣдницъ!) бросятся какъ Фаронъ въ Черное Море. Для бесѣды останутся одни инвалиды.

Впрочемъ Герцогиня Абрантская говоритъ, по моему мнѣнію, слишкомъ рѣшительно въ пользу *прежнихъ* обществъ. Нѣтъ сомнѣній, что общество маркизовъ и герцогинь, аббатовъ и раздуженныхъ любезниковъ исчезло во Франціи, и навсегда, но теперь существуютъ собранія и бесѣды, которыя, если не тономъ и наружностью, то дѣломъ и существомъ, конечно равняются съ прежними: таковы были гостиныя Барона Кювье, Жерара, оріенталиста Ланглеса, Тальмы, и т. п.; таковы нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ. Я читалъ еще только два тома ея Исторіи Гостиныхъ, и увѣренъ, что въ послѣдующихъ она отдастъ справедливость и нынѣшнему обществу, которое было бы еще пріятнѣе, занимательнѣе, любезнѣе, если бы не было подернуто чернымъ покровомъ политики и своекорыстія.

Между тѣмъ, мнѣ удалось быть и въ обществѣ стариннаго, классическаго рода — это было у нашего Барона А. К. Мейендорфа. Онъ созвалъ къ себѣ на вечеръ важнѣйшихъ особъ Сень-Жерменскаго Цѣлемстія, части города, обитаемой приверженцами старшей династіи Бурбоновъ, не входящей ни въ какія сношенія съ нынѣшнимъ Дворомъ и правительствомъ, питающей в воспо-

минаціями и надеждами. Главное украшеніе всякой гостинной есть милая, любезная, умная хозяйка. Баронесса Елисавета Васильевна Мейендорфъ имѣетъ все сіи качества: она председательствуетъ въ своей гостинной, какъ дама самаго блистательнаго вѣка свѣтской любезности. Я съ неописаннымъ удовольствіемъ и прощительною гордостью любовался умомъ, образованностью и самымъ ловкимъ обращеніемъ русской хозяйки, среди прихотливаго, своенравнаго, требовательнаго Парижа. Къ тому должно присовокупить, что прелестная наружность не мало способствуетъ дѣйствію ея ума и души: ея прекрасные глаза,

Свѣтлые дѣла, черные очи,

и въ самомъ Парижѣ находятъ мало подобныхъ (*). Въ этотъ вечеръ было у ней много замѣчательныхъ особъ. Больше прочихъ занимала меня знаменитая ванзейская героиня, Графиня де ла-Рошъ-Жакменъ, защищавшая Герцогиню Беррійскую и права ея сына, съ неустрашимостью древней Римлянки. Вы подумаете, что это женщина высокая, дородная, смуглая, рѣшительная, крикунья — *бой-баба*? Нѣтъ, блондура, миловидная, кроткая дама не высокаго роста, стройная, задумчивая, и до крайности интересная. Въ числѣ прочихъ гостей занималъ меня извѣстный роллистъ, Графъ де-ла-Бурдоне, невысокаго роста,

(*) Замѣтить, можетъ быть, что не прилично хвалить такъ льво и печатно. Помилуйте! неужели нельзя похвалить и *за глаза*!

уже съдоватѣй, съ необыкновенно умною физиономіею: онъ говорилъ мало, но все, что онъ говорилъ, было умно и основательно. Впрочемъ беседа ни разу не касалась политики. Далѣе — знакомый всѣмъ намъ писатель, Баронъ Экштейнъ, ревностный приверженецъ Бурбоновъ и католицизма, передѣлавшій Всемирную Исторію по своимъ взглядамъ: онъ говорилъ, въ этотъ вечеръ, о любимомъ своемъ предметѣ очень занимательно, хотя и не всегда съ основаніемъ. Исторія, излагаемая съ намѣреніемъ доказать посредствомъ ея какое нибудь любимое мнѣніе, уже не Исторія. Подъ конецъ явился и знаменитый депутатъ Беррье, неутомимый поборникъ карлистовъ въ Палатѣ Депутатовъ, умный и искусный человѣкъ, прекрасный собою. Вечеръ протекъ нечувствительно въ занимательной бесѣдѣ, прерываемой музыкаю. Репрезентантомъ Германіи былъ молодой берлинскій оріенталистъ Полей, который живетъ въ Парижѣ для изученія Санскритской Литературы, и уже перевелъ нѣсколько важныхъ санскритскихъ сочиненій.

На другой день былъ я у нынѣшняго министра просвѣщенія, Г. Сальванди, который, по письму французскаго посла при нашемъ Дворѣ, Барона Баранта, принималъ меня чрезвычайно хорошо. Г. Сальванди человѣкъ прекрасныхъ качествъ: добродушенъ, учтивъ, услужливъ, трудится въ пользу наукъ со всеусердіемъ, и покровительствуетъ всѣмъ талантамъ. У него видѣлъ я Вильямена, Виктора Гюго, Сентъ-Бѣва, Лебрѣна,

Карра, Гранше-де-Кассаньяка и другихъ писателей и литераторовъ Франціи; слышалъ, какъ В. Гюго читалъ новое свое стихотвореніе: «На сооруженіе Триумфальныхъ Воротъ.» вмѣстѣ съ литераторами обѣдали у него президентъ Палаты Перовъ, Баронъ Пакье, человѣкъ ума и образованія необыкновеннаго, и первый министръ, Графъ Моле, на лицѣ котораго написаны благородство, умъ и какое-то уныніе. Онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, но едва ли долго удержитъ въ рукахъ кормило правленія, при непрерывно возникающихъ буряхъ.— Домъ министерства просвѣщенія, занимаемый г-мъ Сальванди, просторенъ и великолѣпенъ: изъ богатой гостиной, въ нижнемъ этажѣ, выходилъ въ прекрасный садъ.

Потомъ провелъ я вечеръ у предметника его, знаменитаго Гизо. Изъ огромныхъ палатъ вельможки переселился онъ въ тихое жилище простаго гражданина и ученаго, но и тамъ, въ тѣсныхъ комнатахъ, умѣють найти его все тѣ, которые его уважаютъ не по одному чину. За чайнымъ столикомъ председательствуетъ у него сестра покойной его жены (дѣвица де-Мѣланъ). Я смотрѣлъ на нее со вниманіемъ: это сестра той необыкновенной женщины, которой уму и дарованіямъ я неоднократно удивлялся. Гизо, умный, чувствительный, образованный, возвышенный душою, достоинъ былъ такой жены. Бракъ ихъ былъ счастливъ, счастливъ и тѣмъ, что госпожа Гизо не дождала до возвышенія своего мужа на степенъ министра. Онъ человѣкъ великихъ даро-

ваній, но профессоръ въ немъ выше государственнаго чловѣка. Къ сожалѣнію, онъ самъ не того мнѣнія, и мнѣ кажется, ждетъ только новой ваканціи.

Госпожа Конрадъ познакомила меня съ Герцогинею Абрантскою, вдовою Наполеоновскаго генерала Жюно, известною писательницею. Не знаю почему, я воображалъ ее себѣ дамою нѣжною, эфирною, заоблачною. Она женщина здоровая, дородная, смугловатая, съ греческимъ носомъ и французскими глазами, привѣтливая, въ обращеніи простая и очень веселая. На одномъ столѣкѣ дочь ее разливала чай. На другомъ, подлѣ самой хозяйки, лежали книги, рукописи, *корректуры*. По бесѣда ей была отнюдь не педантская: разговаривали объ ужасныхъ пропсшествіяхъ, бывшихъ во Франціи во время директоріи, до возвращенія Бонапарта изъ Египта. Одинъ чловѣкъ, пріятной наружности, лѣтъ тридцати отъ роду, говорилъ умнѣе, острѣе, забавнѣе всѣхъ: послѣ того узналъ я, что это Жюль-Лакруа, известный подъ именемъ библіофила Жакоба. Жаль, что я не зналъ этого прежде: охотно бы съ нимъ познакомился. Герцогиня поручила мнѣ поблагодарить Г. Полеваго за вниманіе, которое онъ оказалъ ей, при славѣ ей русскій переводъ ея Записокъ. При прощаніи она пригласила меня къ себѣ на всѣ вечера, но я не могъ этимъ воспользоваться: у ней собираются по понедѣльникамъ, а въ этотъ день я бывалъ у Сальванди. Жалю, что я не могъ познакомиться съ нею короче: я заставилъ

бы ее покаяться въ изданіи одного сочиненія, которое очень повредило ея славѣ въ мнѣніи людей умныхъ и просвѣщенныхъ (*).

(*) И ея ужъ вѣтъ на свѣтъ! Умная, блистательная, великолѣпная Герцогиня Абрантская, внука Комненовъ, жена одного изъ первыхъ друзей и сподвижниковъ Наполеона, намѣстника Португаліи, губернатора Парижа въ самое славное его время — въ дѣтствѣ своею игрою сѣ юношею Бонапартомъ — бывшая потомъ предметомъ удивленія и нѣжнаго участія знаменитѣйшихъ людей своего времени — скончалась, въ больницѣ, и какъ пишутъ, отъ яду. — Мужъ ея, неразборчивый въ средствахъ къ пріобретенію, нажилъ въ Португаліи большое богатство. Въ званіи губернатора парижскаго, получалъ онъ важные доходы, между прочимъ съ игорныхъ домовъ по 365 тысячъ франковъ въ годъ. Ежедневно, за завтракомъ, откупщикъ этихъ вертеповъ грабежа и отчаянія подносилъ ему съ низкимъ поклономъ ассигнацію въ тысячу франковъ. Но не даромъ Французы говорятъ: *Se qui vient de la flûte, s'en retourne au tambour!* Онъ прожилъ все свое имущество дочиста. Въ 1814 году, по взятіи Парижа, одинъ изъ союзныхъ Монарховъ скалился надъ состояніемъ вдовы храбраго генерала, и пожаловалъ ей единовременное пособіе. Королевское правительство также ея не оставляло; особенно благотворила ей Герцогиня Ангулемская. — Но вспыхнула июльская революція, и всѣ пособія прекратились. Герцогиня Абрантская принуждена была взяться за перо, и свискивать себѣ пропитаніе тяжкимъ трудомъ. Старшій сынъ ея вдался въ распустство, и она едва успѣла выкупить его изъ тюрьмы. Силы ея истощались.

Вотъ очерки нѣсколькихъ изъ тѣхъ гостиницъ, въ которыхъ мнѣ удалось быть. И въ другихъ я проводилъ время очень пріятно: у Г. Лёве-Веймара познакомился я съ шведскимъ посланникомъ при Французскомъ Дворѣ, Графомъ Лёвентельмомъ, который, лѣтъ тридцать тому назадъ, былъ у насъ въ плъну, жилъ въ Москвѣ, и не можетъ забыть Русскихъ. Онъ человекъ замѣчательнаго ума и чрезвычайно просвѣщенный. Въ другой гостиницѣ видѣлъ я правнуку Фемелона, горбатенькую старушку, похожую на экземпляръ Телемака, бывший лѣтъ десять въ употребленіи въ дѣвичьемъ пансіонѣ; въ третьей — бесѣдовала съ умнымъ и краснорѣчивымъ писателемъ Барро (Barraut), который, въ плу юношескаго воображенія, пошелъ было въ общество Сень-Симо-

Она обратилась съ просьбою къ правительству о назначеніи ей пенсіи. Между тѣмъ должники къ ней приступали: за вексель *въ семьсотъ франковъ*, описали ея движимость и продали съ публичнаго торгу. Не желая быть свидѣтельницею этого позора, она поселилась въ предместьи, въ такъ называемомъ *maison de santé*, гдѣ небогатые больные, за малую плату, находятъ пріютъ и попеченіе. Вдругъ узнала она, что на просьбу ея последовалъ отказъ, и что, въ тотъ же самый день, назначена пенсія во сто тысячъ франковъ вдовѣ Мюрата. Она не могла этого вытерпѣть — и сама лишила себя жизни. Никто изъ тѣхъ, которые посѣщали ея гостиницу во время ея блеска политическаго, а потомъ литературнаго, не подумалъ подать ей руку помощи!

нистовъ, но во время очнунся и, кажется, вытрезвился.

Вообще, повторяю, парижское общество, парижскія гостиницы, парижскія бесѣды могутъ доставить самое пріятное препровожденіе времени. Хочешь, говоришь; не хочешь, только слушаешь. Надоелъ одинъ, подсядешь къ другому; надоели все, возьмешь шляпу, и уйдешь безъ комплиментовъ.

Вы недовольны: вы требуете подробныхъ портретовъ, по крайней мѣрѣ съ лицъ самыхъ замѣчательныхъ. Извольте, панішу, что могу, по этому будетъ посвящена другая статья.

XXIII.

Люди. Пакье. Графъ Моле. Лафитъ. Одилонъ-Баро. Гизо. Вильменъ. Альфонсъ Карръ. Капо-Фельдъ. Сентъ-Бень. Филаретъ Шаль. Викторъ Гюго. Варень. Карль Подье. Шатобрианъ. Александръ Дюма. Балзакъ. Альфредъ де-Виньи. Падессю. Томасъ Муръ. Госпожа д'Авена. Князь Мира.

Чего хотѣлось мнѣ болѣе всего посмотреть во Франціи? Людей, игравшихъ важную роль въ новыя времена, преимущественно министровъ, ораторовъ, писателей. Я удовлетворилъ этому желанію *отчасти*. Почему же *отчасти*? Во-первыхъ потому, что многихъ изъ любопытнѣйшихъ для меня людей уже не было въ Парижѣ: они разъѣхались по дачамъ и деревнямъ; во-вторыхъ, по той причинѣ, что я страшился разочарованія. Лучше оставить портретъ умнаго человѣка въ полусвѣтѣ нашего воображенія, нежели навести на него фонарь существенности, и найти, вмѣсто умнаго лица, обыкновенное; вмѣсто пріятной улыбки, несносную гримасу спеси и самонадѣянности; вмѣсто остраго слова, услышать какую нибудь плоскость!

Въ предъидущемъ письмѣ моемъ назвалъ я нѣсколько значительныхъ особъ, которыхъ удалось мнѣ видѣть въ Парижѣ. Президентъ Палаты Перовъ, Пакье, высокий, сухощавый человѣкъ, съ умнымъ спокойнымъ лицомъ. Его считаютъ однимъ изъ самыхъ способныхъ государственныхъ людей: и Талейранъ отдастъ ему эту справедливость. Однажды Пакье не явился въ засѣданіе какого-то комитета, и прислалъ сказать, что онъ боленъ. — «Странно, сказалъ председатель Талейранъ: я не вижу причинъ бытъ ему больнымъ сегодня!» — Президентъ совѣта министровъ, Графъ Моле, съ благороднаго, интереснаго физіономіею, блѣденъ, молчаливъ и, по видимому, печаленъ. Трудно держаться нѣтъ въ министерствѣ французскомъ. Это море, усыпанное подводными камнями, изъза которыхъ выглядываютъ всякія чудовища и гадины. — Лафиттъ, миллионщикъ Лафиттъ, пожертвовавшій своимъ имуществомъ для того, чтобы быть первымъ министромъ, есть не послѣдняя особа въ нынѣшней Французской Исторіи: я видѣлъ его въ Палатѣ Депутатовъ. Лице у него прекрасное и умное, но и у него видно въ глазахъ уныніе разочарованія. Недавно возобновилъ онъ свои банкирскія дѣла, и умно сдѣлалъ. Гораздо лучше имѣть дѣло съ червонцами, гинеями, луидорами, нежели съ бурными, непокорными людьми. Подлѣ него сдѣлалъ въ палатѣ извѣстный адвокатъ, Одилонъ-Баро. Чело высокое, но брови надвинутыя на глаза, и манеры не отличные. Когда я изъясилъ удивленіе свое одному

сосѣду, что человекъ такихъ отличныхъ дарованій, имѣеть такую всеневниую наружность, незнакомецъ сказалъ мнѣ: Qui voulez vous! Il a l'air d'un renniquier endimanché! (это разфрантившійся парикмахеръ!)

Рѣдко можно пайти лице такое пріятное, умное, выразительное, какъ у Гизо! Я не могъ на него наглядѣться, и когда онъ заговорить о чемъ нибудь интересномъ, въ глазахъ его появляется пламя, не пожирающее пламя народнаго трибуна, а ясный и свѣтлый лучъ глубокаго ума и сильнаго, искренняго чувства. Жалью, что я не могъ короче съ нимъ познакомиться, и долѣе пользоваться его бесѣдою. — Хотѣлось бы мнѣ посмотреть Тьера, котораго польскій переворотъ вознесъ изъ ученаго кабинета на стень перваго министра, который пишетъ искусно, говоритъ красно, а поступаетъ совсѣмъ не такъ. Но его нѣтъ въ Парижѣ: онъ путешествуетъ по Италіи,

Литераторы, которыхъ я видѣлъ у Г. Сальвади, были Вильмень, Альфонсъ Карръ, Лебрёнъ, авторъ трагедіи Маріи Стюартъ, Капо-Фельдъ, Сентъ-Бёвъ, Филаретъ Шаль, Гранье-де-Кассаньякъ и Викторъ Гюго. Вильмена я зналъ прежде. Въ 1817 году былъ онъ секретаремъ тогдашняго министра полиціи Деказа, и считался въ числѣ самыхъ ревностныхъ роялистовъ. Въ то время изъ его сочиненій извѣстны были только: Жизнь Кромвеля, и Похвальное Слово Монтеस्कѣ, читанное имъ во Французской Академіи, въ присутствіи Императора Александра и Короля Прусскаго. Съ тѣхъ

поръ онъ оказалъ важныя услуги наукамъ и литературѣ своими лекціями. Теперь онъ перѣ Франціи, служить въ министерствѣ просвѣщенія, и собственнаго литературнаго мало занимается. Онъ устарѣлъ, сгорбился, но на устахъ его все еще играетъ умная, сатирическая улыбка, и глаза говорятъ краснорѣчиво. — Альфонсъ Карръ, родомъ, кажется, изъ Германіи, авторъ рѣзкихъ романовъ, молодой человекъ, видный собою, одѣтый щегольски, съ большими бакенбардами и усамн, сидѣлъ за столомъ неподалеку отъ меня, не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, и прислушивался къ русской бесѣдѣ моей съ сосѣдкою моею, Баронессою Елисаветою Васильевою Мейендорфъ. — Капо-Фельдъ, невысокій, смугленькій человекъ, явился къ министру послѣ обѣда. Онъ пользуется въ Парижѣ незавидною славою: говорить, что онъ, своею нескромностію, подалъ поводъ къ поединку, на которомъ Арманъ Каррель былъ убитъ Эмилъ Жирарденомъ. — Сентъ-Бёвъ, блонкурый, невысокаго роста, пріятный, откровенный, любезный человекъ. Побесѣдовавъ съ нами около получаса, я сказалъ ему: «Скажите, пожалуйста, отъ чего это происходитъ, что я, увидѣвшись съ вами сегодня въ первый разъ, воображаю, будто знаю васъ уже давно; будто мѣнялся съ вами и словами, и мыслями и чувствами!» Учтивый, ласковый отвѣтъ послѣдовалъ съ его стороны. Къ большому сожалѣнію моему, не могъ я видѣться съ нимъ долѣе и чаще. Два два забѣжалъ я къ нему, въ rue du Jour, No 8, но онъ былъ за

городомъ. Сентъ-Бёвъ отличный критикъ: съ великимъ удовольствіемъ читалъ я его сужденія о прежнихъ и нынѣшнихъ писателяхъ Франціи. Въ стихотвореніяхъ и біографіи Юсіфа Делорма, онъ мистифировалъ всю публику: участіе въ бѣдственной судьбѣ поэта, исчахшаго въ страданіяхъ безотрадной жизни, было всеобщее. Наконецъ узнали, что Юсіфъ Делормъ никогда не существовалъ, и что Сентъ-Бёвъ выдумалъ его для забавы. — Филаретъ Шаль молодой, интересный человекъ, пріятной, задумчивой наружности. Я сказалъ ему, что читалъ съ большимъ удовольствіемъ статью его (въ первомъ томѣ Сто одного Писателя) о томъ, какъ жестоко въ молодія лѣта преслѣдовала его полиція, подозревая въ немъ приверженца и агента бонапартовскаго. Такимъ образомъ завязался у насъ разговоръ о словесности. Сентъ-Бёвъ спрашивалъ меня объ успехахъ русскаго языка и литературы, и замѣтилъ, между прочимъ, что цензура, вѣроятно, стѣсняетъ движенія и порывы молодыхъ умовъ. — «Цензура, возразилъ я, имѣла, у насъ въ Россіи, дѣйствіе благотельное: она дала нашей литературѣ, всѣмъ нашимъ произведеніямъ характеръ благородства, приличія, скромности, могу сказать, цѣломудрія. Отъ этого, можетъ быть, страждетъ естественность и близкое подражаніе натурѣ, по вышгрываютъ правственность, честь и достоинство словесности. Слова и выраженія, которыя во Франціи и въ Германіи, употребляются въ книгахъ безъ всякаго зазрыція совѣсти, у насъ не

терпимы въ самыхъ площадныхъ книгахъ. И станемъ ли мы жаловаться на цензуру за исключеніе какого нибудь слова, какой нибудь фразы, когда видимъ благія дѣйствія такого пожертвованія въ цѣломъ!» Мы разговорились о цѣли словесности, о благородномъ призваніи писателей и литераторовъ. Я сказалъ притомъ напрямки, что литература, которая не распространяетъ здравыхъ понятій, благородныхъ правилъ, не старается искоренить порока, и не уважаетъ чести и добродѣтели, не есть литература, и что только тотъ писатель достоинъ уваженія, который возвышаетъ собою и своими твореніями достоинство человека и гражданина. «Я совершенно съ вами согласенъ,» сказалъ на это человекъ, прислушавшійся къ нашему разговору. — Я поклонился ему за доброе его мнѣніе. Г. Сентъ-Бёвъ сказалъ мнѣ: «Это одобреніе должно быть вамъ тѣмъ пріятнѣе, что вы слышите его изъ устъ Г. Виктора Гюго.» — Признаться, я немножко смѣшался, что дерзнулъ возгласить такія правила въ присутствіи автора Лукреціи Борджія, *Le roi s'amuse*, но простодушіе и истина, съ какими отозвался Викторъ Гюго, меня успокоили. Мы съ нимъ разговорились, познакомились, и, могу сказать, подружились. Онъ роста невысокаго, въ движеніяхъ и рѣчахъ своихъ тихъ и остороженъ, но когда рѣчь зайдетъ о неправдѣ, притѣсненіи, и т. п., разгорячается до изступленія, и не выбираетъ выраженій, для изъявленія своего гнѣва. Отъ роду не видалъ я такого высокаго, благороднаго

чела! Глаза его слабы, и онъ носитъ зеленые очки. Наружностью онъ простъ и отнюдь не слѣдуетъ модѣ. Въ петлицѣ у него ленточка Почетнаго Легіона, съ бантомъ: это степенъ офицера, которую онъ получилъ недавно. В. Гюго посѣтилъ меня на другой день, и не заставъ дома, оставилъ свою карточку. Я воспользовался этимъ случаемъ, и повѣхалъ къ нему самъ. Онъ живетъ въ отдаленной части Парижа, на Болотъ (au Marais), на Площади Королевской, обстроенной домами времени Генриха III: эта площадь одна въ цѣломъ Парижѣ походить на скверъ, т. е. усажена деревьями. Подъ всеми домами на ней аркады. Гюго живетъ тамъ, любя тишину, чистый воздухъ и воспоминанія Среднихъ Вѣковъ. Крыльцо старинное, широкое и удобное. Комнаты темныя. Мебель XV и XVI вѣка. Штофныя занавѣсы; фантастическіе ковры. На стѣнахъ, дорогія картины въ резныхъ рамахъ. На полкахъ, за стеклами древнихъ шкафовъ, старинныя книги. В. Гюго принималъ меня очень радушно. Предметомъ бесѣды нашихъ была Россія, о которой Французы, и самыя умныя, самыя благонамѣренныя, имѣютъ пресмѣшныя понятія. Я объяснилъ ему форму нашего правленія, необходимость единодержавія, святость царской власти, и любовь къ ней русскаго народа; описалъ многія наши учрежденія, исчислилъ все, что дѣлаетъ правительство для возвышенія благосостоянія и просвѣщенія народа; изобразилъ ему нашего Государя такъ какъ онъ изображенъ въ благодарной душѣ ка-

ждаго изъ его подданныхъ. Гюго слушалъ меня со вниманіемъ и съ удовольствіемъ, будто читалъ книгу о невѣдомомъ царствѣ. Когда пришло время разставаться, онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я принялъ это приглашеніе очень охотно, и познакомился при семь случаевъ съ его супругою, которою любовался уже въ первое посѣщеніе, смотря на портретъ ея. Красавица, въ полномъ смыслѣ! Въ тотъ день, когда я у нихъ обѣдалъ, прелестное ея лице волновалось материнскою любовію и страхомъ: трехлѣтняя дочь ея опасно заболѣла. — Послѣ обѣда мы усѣлись съ В. Гюго у камина; онъ взялъ на колѣни маленькаго сына, а я дочку; дѣти качались на рукахъ у насъ, и оба уснули. Время прошло въ самой пріятной для меня бесѣдѣ. Вечеромъ явилось нѣсколько посѣтителей, и въ числѣ ихъ Г. Варень, историкъ города Реймса. В. Гюго, представивъ меня имъ, сказалъ: «Г. Г. меня совершенно обратилъ въ свою вѣру: теперь я сталъ почти Русскимъ.» Разумѣется, заговорили о Россіи. Г. Варень, впрочемъ очень кротко и учтиво, сказалъ мнѣ: «Согласитесь однако, что нѣкоторые изъ вашихъ постановленій не согласны съ законами справедливости, какъ ихъ вообще понимаютъ.» — «Какія? спросилъ я смѣло: назовите мнѣ ихъ, и я постараюсь доказать вамъ противное.» — «Вотъ, напримѣръ, сказалъ Г. Варень, новое постановленіе о томъ, что крѣпостнымъ людямъ не дозволяется продолжать наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.»

Не жестоко ли лишать ихъ способо́въ къ просвѣщенію? Согласитесь!» — «Отнодь не соглашаюся, отвѣчалъ я. Этотъ законъ справедливъ и необходимъ: онъ истекаетъ изъ святаго правила, что всякій человѣкъ долженъ быть воспитанъ по своему званію и положенію въ свѣтъ. Дать человѣку образованіе выше его состоянія, внушить ему желанія, потребности, которымъ онъ въ гражданскомъ своемъ быту удовлетворить не можетъ — значить сгубить его, сдѣлать или несчастнымъ или злодѣемъ.» — «Помилуйте! возопилъ Г. Варень: а если мой крѣпостной человѣкъ получилъ отъ Бога необыкновенныя дарованія, благородное стремленіе къ просвѣщенію, возвышенную душу! Какъ мнѣ, при этомъ постановленіи, образовать его! Не возможно.» — «Извините, отвѣчалъ я ему: очень возможно, дайте ему свободу — и тогда онъ можетъ сдѣлаться магистромъ и докторомъ всѣхъ факультетовъ.» — «Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Г. Варень: а я и не догадался.» — Я не видалъ, какъ пролетѣлъ этотъ вечеръ. На прощанье Г. Викторъ Гюго подарилъ мнѣ экземпляръ своихъ новыхъ сочиненій (*Voix intérieures*) съ припискою: *A Mr. G., souvenir cordial de V. Hugo.*

Другой литераторъ, съ которымъ я познакомился коротко, Карлъ Нодье. Наслышавшись о благородствѣ его характера, о простотѣ его въ обращеніи, о любезности и приветливости, я безъ всякихъ рекомендацій отправился прямо къ нему, на край свѣта, въ бібліотеку Арсенала, за Ба-

стильскаго Площадыю, въ улицѣ Сюлли, вошелъ къ нему безъ доклада, и объявилъ, что издавна люблю его какъ человѣка и писателя, и воспользовался пынѣшнимъ пребываніемъ своимъ въ Парижѣ, чтобъ познакомиться съ нимъ лично. Онъ принялъ меня сначала учтиво, потомъ сдѣлался ласковымъ, а подъ конецъ бесѣды подружился. Чрезъ недѣлю посѣтилъ я его уже, какъ стараго пріятеля. Мы говорили о его сочиненіяхъ, о нынѣшней Французской Литературѣ, о странномъ безвкусіи, которое овладѣло ею, и о томъ, что умный, даровитый, гениальный Викторъ Гюго увлекся общимъ потокомъ. Я изъявилъ надежду, что онъ образумится. «Врядъ ли, сказалъ Нодье: я вздумалъ однажды критиковать его драмы, и онъ напрямки отвѣчалъ мнѣ, что я въ нихъ ничего не понимаю, и что изъ всѣхъ его сочиненій, однѣ драмы уцѣлѣютъ въ потомствѣ.» — Карлу Нодье теперь около пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду. Онъ родился въ Безансонѣ, гдѣ отецъ его былъ судьей. Съ младенчества внушили ему правила монархическія, враждебныя мятежамъ и революціямъ. На девятнадцатомъ году (въ 1801) прибылъ онъ въ Парижъ, подружился съ роялистами, и написалъ оду, въ которой упрекалъ Бонапарта въ присвоеніи себѣ короны, не ему принадлежащей. Это было причиною гоненій, которымъ онъ подвергся: нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, потомъ томился въ бѣгствѣ и изгнаніи. Наконецъ нашелъ онъ пріютъ въ Лайбахѣ (въ Иллиріи, принадлежавшей тогда Французамъ),

и былъ редакторомъ тамошней газеты. Въ 1814 году воротился онъ во Францію. Лудовикъ XVIII пожаловалъ ему дворянское достоинство и орденъ Почетнаго Легіона. Карль X назначилъ его библіотекаремъ при Арсеналѣ. Онъ живетъ тихо, скромно, въ кругу своего семейства, и занимается литературою. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ трудился онъ надъ грамматикою и лексикономъ французскаго языка, и писалъ жестокія замѣчанія на Словарь Академіи Французской. Она отомстила ему принятіемъ его въ свои члены, и заставила самого исправлять то, что онъ критиковалъ до-воль. — Въ бесѣдѣ со мною рассказывалъ онъ разныя событія своей жизни. Несчастная ода его, подъ заглавіемъ *la Napoléone*, появилась послѣ аміенскаго мира, въ Лондонскомъ Курьерѣ, и пода-ла поводъ къ преслѣдованію его издателя, Пультье, со стороны французскаго посольства. Пультье увѣ-рялъ, что получилъ эти стихи по почтѣ, и не знаетъ ихъ сочинителя. Французская полиція ста-ла искать автора въ Парижѣ, и засадила чело-вѣкъ шесть, которыхъ подозрѣвала. Нодье ужас-нулся мыслию, что можетъ быть виновникомъ ихъ гибели, явился къ Дюроку, и просилъ его доложить Наполеону, что онъ одинъ, Карль Нодье, написалъ оду, и охотно подвергнется наказанію. Дюрокъ выслушалъ его съ кротостію, и сказалъ, что увидится съ первымъ консуломъ не прежде, какъ чрезъ день, давая тѣмъ знать, что Нодье между тѣмъ можетъ укрыться и бѣжать. Но мо-лодой чловѣкъ презрѣлъ этимъ предостереже-

ніемъ, и чрезъ два дня былъ посаженъ въ оди-нокую тюрьму, гдѣ едва не сошелъ съ ума отъ отчаянія. Чрезъ нѣсколько недѣль его выпустили. Какъ птичка, вырвавшаяся изъ клетки, онъ по-летѣлъ въ свѣтъ, и въ толпѣ народнои, близъ городской ратуши, встрѣтилъ одного пріятели, раздѣлявшаго его образъ мыслей. «Другъ мой! закричалъ Нодье: я свободенъ.» — «Молчи, не-счастнѣй! возразилъ ему пріятели съ трепетомъ: тебя выпустили на волю для того только, чтобъ по твоимъ слѣдамъ добраться до насъ. Бѣги, и отнюдь не заходи ни къ одному изъ нашихъ. По-лиція слѣдитъ за тобою.» — «И такъ мы не уви-димся?» спросилъ Нодье печально. «Увидимся тамъ!» сказалъ другъ его, указывая на Гревскую Пляцадъ, гдѣ казнили гиліотиною. — Нодье оста-вилъ его, долго блуждалъ по Парижу, наконецъ былъ взятъ опять, и посаженъ въ прежнее мѣсто. Другъ его не ошибся: недѣли чрезъ три голова его пала подъ гиліотиною за вѣрность законному Королю. — Мы толковали съ Нодье и о послѣд-ней революціи польской. «Въ нашемъ кварталѣ, сказалъ Нодье, все прошло спокойно и благопо-лучно. Лишь только послышались въ городѣ вы-стрѣлы, сосѣди мои собрались у меня; мы во-оружились, окружили кварталъ караулами, и ни-кого сюда не пустили. Все у насъ осталось цѣло и невредимо.» — Нодье жестоко страдаетъ грудью, и еще увеличиваетъ болѣзнь свою непрерывною работою за письменнымъ столомъ. Я предлагалъ ему удосужиться, съѣздить со мною въ Баденъ и

Эмсь, подкрѣпить силы свои цѣлительною водою и бездѣйствіемъ, и воротиться въ пѣдра семейства своего веселымъ и здоровымъ. «Нѣтъ! отвѣчай оны: никакъ не могу выѣхать изъ Парижа. Дѣла меня удерживаютъ, и если запущу ихъ на малое хоть время, то совершенно разстроюсь.» Въ это время вбѣжала въ комнату четырехлѣтняя внучка его, прекрасное, черноглазое дитя, и бросилась къ нему на руки. — «И оставить эту! сказала оны, цѣлуя и милоя прелестное созданіе: да я съ тоски исчахну!» Такія явленія доброты душевной, такія минуты бесѣды съ людьми умными, благородными и возвышенными духомъ, услаждали мое прозаическое пребываніе въ Парижѣ, въ этомъ бурномъ водоворотѣ страстей человѣческихъ. Вѣкъ не забуду почтеннаго Подье: портретъ его, чрезвычайно схожій, виситъ въ моемъ кабинетѣ между ликами особъ самыхъ близкихъ моему сердцу. Я былъ у него, какъ у пустынника Фиваиды, гдѣ рыкають львы, гдѣ рыщутъ гіены и тигры, гдѣ тмочисленныя негодныя мошки помрачаютъ свѣтъ божій!

Я хотѣлъ познакомиться съ Шатобрианомъ, но не успѣлъ въ томъ. Въ числѣ моихъ знакомыхъ не было никого, кто бы могъ представить меня ему, а наавось ѣхать къ нему не хотѣлось. Онъ своенравенъ, угрюмъ, и не всякаго принимаетъ равно. Живетъ оны въ отдаленной части Парижа, за обсерваторію, подлѣ Адской Заставы (la barrière de l'Enfer). Честолюбіе и тщеславіе терзають этого великаго писателя и дѣйствительно

благороднаго человѣка. Ему хотѣлось играть роль въ роялистской оппозиціи противъ нынѣшняго правленія, и оны началъ ее прекрасно. Рѣчь, произнесенная имъ въ Палатѣ Перовъ о несправедливости отрѣшенія прежней династіи отъ трона, есть превосходное твореніе по мыслямъ и по слогу. Но такъ, какъ все во Франціи торжествуетъ лишь короткое время, и оны вскорѣ вышелъ изъ моды, и о немъ перестали говорить. Въ нынѣшнемъ году представилъ оны зрѣлище, возбуждившее и сожалѣніе и досаду во всѣхъ его читателяхъ. Оны шелъ за гробомъ убитаго наединкѣ республиканца Арманъ-Карреля, и на кладбищѣ обнимался съ самыми буйными демагогами, а Каррель былъ однимъ изъ главныхъ движителей июльской революціи, противъ которой гремѣлъ Шатобрианъ. И все это дѣлается, чтобъ заставить говорить о себѣ!

Александра Дюма видѣлъ я въ Театрѣ Французскомъ, при представленіи новой пьесы: Le chef d'oeuvre inconnu. Лице у него смуглое; волосы черные, курчавые, войлочные, какъ у негра, да и обликъ полу-африканскій. Отецъ его, генералъ Дюма, погибшій въ Неаполѣ, былъ природный негръ. Александръ Дюма сидѣлъ въ ложѣ перваго яруса, съ прекрасною своею подругою, актрисою Идою, и обмахивался платкомъ отъ чрезвычайнаго жара, господствовавшаго въ залѣ. Два сосѣда въ креслахъ подлѣ меня разговаривали между собою. «Жаль, сказалъ одинъ, что Гюго поссорился съ Дюма: люди такихъ дарованій дол-

жны быть связаны искреннею дружбою.» — Другой: «Это очень трудно: если въ обыкновенномъ быту нельзя удержаться отъ совмѣстничества и зависти, какъ вы хотите, чтобъ эти недуги не терзали людей, созданныхъ изъ тщеславія, самолюбивыхъ и щекотливыхъ!» — «Но мнѣ досадно, что Гюго поступилъ несправедливо, подучивъ другаго писать въ журналъ противъ Дюма. Это не хорошо.» — Другой: «Вижу, что вы чужды движеніямъ литературы, или по крайней мѣрѣ, повичекъ въ ней! Въ каждомъ званіи, въ каждомъ ремеслѣ есть привычныя дѣйствія, которыя не хороши и даже порочны по правиламъ общей нравственности, а въ этомъ дѣлѣ позволительны, существенны и необходимы. Напримѣръ, смертоубійство, принадлежащее къ числу гнуснѣйшихъ преступленій, есть долгъ въ званіи воина. Такъ и въ литературѣ: можно быть пречестнымъ человекомъ въ гражданскомъ и общественномъ быту, а въ спорѣ о предметахъ словесности, защищая свое дѣло, свою сторону, дѣйствовать всеми средствами противъ своего совмѣстника. Не знаю, что скажете объ этомъ общее обыкновенное правоученіе, но у насъ ни одинъ поэтъ, ни одинъ писатель не посоветится, явно или скрытно, дѣйствовать противъ своего пріятеля, если этотъ пріятель вредитъ ему своему славою и совмѣстничествомъ. Присовокупите къ тому еще, что движителемъ этихъ поступковъ были не денежные расчеты, всегда гнусные и противные въ дѣлахъ литературы, а убѣжденіе

въ собственномъ превосходствѣ, и желаніе образумить публику.» — Первый хотѣлъ возразить, но въ это самое время поднялась завѣса, и разговоры въ залѣ умолкли.

Обѣдая однажды у Верн, съ П. В. Поггенполемъ, я замѣтилъ за однимъ отдѣльнымъ столомъ человека оригинальнаго и отличнаго отъ толпы. Онъ росту невысокаго, плотень, дородень, имѣетъ въ виду лѣтъ около сорока отъ роду. Лице у него полное, румяное; волосы русые; бакенбарды во всю щеку, усы и небольшая борода. Онъ обѣдалъ въ обществѣ съ однимъ пріятелемъ, ѣлъ и пилъ съ аппетитомъ, много разговаривалъ и смѣялся, не обращая вниманія на другихъ посѣтителей ресторацин. Я смотрѣлъ на него пристально. «Знаете ли, кто это?» сказалъ П. В.: это Бальзакъ!» — Тутъ сталъ я глядѣть на него еще внимательнѣе, любовался его умною улыбкою, быстрымъ движеніемъ глазъ, подвижностью языка, а что онъ говорилъ, того я не могъ разслышать. Онъ отобѣдалъ ранѣе насъ, и вышелъ съ пріятелемъ изъ ресторацин. Для чего вы съ нимъ не познакомились? спросите вы. Онъ самъ далъ въ этомъ советъ одному путешествующему Англичанину, который явился къ нему, и сказалъ, что желаетъ лично узнать автора такихъ прекрасныхъ книгъ, какъ *La peau de chagrin*, *Eugenie Grandet* и пр. — Бальзакъ отвѣчалъ ему: «Напрасно вы это дѣлаете. Вамъ нравится роза: любуйтесь ея цвѣтомъ и запахомъ, но не ройтесь въ грядкѣ, на которой она выросла: чѣмъ роза милѣе и выш-

игье, тѣмъ болѣе навозу вокругъ ея корней. Оставайтесь лучше въ пріятномъ невѣдѣніи!»

Г. Лёве-Веймаръ указалъ мнѣ, въ Большой Оперѣ, Альфреда де Виньи: онъ кажется чело-вѣкомъ благообразнымъ, воспитаннымъ, свѣтскимъ. Съ нимъ сидѣла въ ложѣ пріятельница его, зна-менитая актриса Дорваль.

Ламартинъ былъ въ это время въ Маконѣ, Беранже въ Турѣ, Казимиръ Делавинъ также гдѣ-то за городомъ, и я не имѣлъ возможности ихъ видѣть. Любопытно было бы познакомиться съ журналистами, и посмотреть на ихъ пчели-ную работу, но съ первыхъ шаговъ они мнѣ такъ опротивѣли, что я заглушилъ свое любопытство. Барышъ, обогащеніе, пріобрѣтеніе въ два года большой фортуны—вотъ ихъ цѣль, а средствомъ служить все что угодно: даже иногда правда и безпристрастіе. Эмиль-Жирарденъ говоритъ: ко-гда у меня двадцать франковъ на какое нибудь предпріятіе, я употребляю осьмнадцать франковъ на объявленія, а два франка на самое дѣло. За то, всѣ стѣны и заборы Парижа оклеены его афи-сами объ изданіи *дешеваго* журнала *la Presse*.

Въ замѣнь знакомства съ представителями этой движущейся, бурной, всеразрушительной литера-туры, имѣлъ я случай узнать одного писателя, котораго имя не красуется на выставкахъ мод-ныхъ книгопродавцевъ, но произносится съ ува-женіемъ учеными людьми во Франціи и въ чужихъ краяхъ, и, что всего важнѣе, дорого вся-кому чело-вѣку, умѣющему цѣнить честь, правду,

вѣрность данной присягѣ и законнымъ Госуда-рямъ. Я писалъ уже, какимъ образомъ позна-комился съ господиномъ де-ла-Розьеръ, на дорогѣ въ Блуа, а потомъ и съ его семействомъ. Онъ далъ мнѣ письмо къ тестю своему, Г. Пардессю, автору многихъ важныхъ сочиненій о Правѣ Морскомъ и Коммерческомъ. Я отправился къ Г. Пардессю, въ отдаленную часть Парижа, въ улицѣ Вожираръ, былъ имъ принятъ радушно, и въ бесѣдѣ съ умнымъ, образованнымъ и бла-городнымъ чело-вѣкомъ, провелъ два часа очень пріятно. Г. Пардессю подарилъ мнѣ одно свое сочиненіе: *Tableau du commerce antérieurement à la découverte de l'Amérique*. Его особа, его личный характеръ интересовали меня всего бо-лѣе. Онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ старшей бурбонской династіи, служилъ усердно Лудовику XVIII и Карлу X, и былъ взысканъ ихъ милостью. Революція 1830 года жестоко его сразила. Онъ отказался отъ званія депутата, пред-сѣдателя какого-то судилища (съ этою должностію сопряжено было большое содержаніе), и остался только членомъ института. Накопленный трудами и лишеніями многихъ лѣтъ, значительный капи-талъ употребилъ онъ на покупку недвижимаго имѣнія, и отдалъ оное единственной дочери своей, госпожѣ де-ла-Розьеръ, съ тѣмъ, чтобъ она на-нимала для него квартиру и платила за содержа-ніе его столомъ. На другіе издержки достаточно ему тысячи двухъ сотъ франковъ, получаемыхъ въ званіи члена института. Онъ живетъ въ Па-

рижъ, попеременно съ Г. де-ла-Розьеромъ, для надзора за образованіемъ внука своего, молодого человека съ отличными дарованіями, воспитаннаго въ строгихъ правилахъ дѣда. И между тѣмъ, въ отзывахъ Г. Пардессю о нынѣшнемъ правительствѣ Франціи, нѣтъ ни какой злобы или досады. «Пусть другіе дѣлаютъ, что хотятъ, говоритъ онъ: я дѣлаю то, что должно, по крайнему моему разумнію.» Ему предлагали выгодныя и блистательныя мѣста, но онъ отъ всего отказался. Беседа его умная, тихая, поучительная. Обращеніе самое пріятное, равно удаленное отъ снеси другихъ роялистовъ, и отъ грубости новаго поколѣнія. Знакомство съ Г. Пардессю было мнѣ не сказано пріятно, и вознаградило меня за многія разочарованія.

Если мнѣ не удалось видѣть въ Парижѣ всѣхъ отличныхъ французскихъ писателей, за то я бесѣдовалъ съ однимъ изъ корифеевъ Англійской Поэзіи. Г. Ваттемаръ однажды прибѣжалъ ко мнѣ запылавшись, и спросилъ. «Не хотите ли познакомиться съ англійскимъ поэтомъ Томасомъ Муромъ? Я говорилъ съ нимъ объ васъ. Онъ съ удовольствіемъ васъ приметъ, и пришелъ бы самъ, если бѣ имѣлъ время, но онъ завтра же выѣзжаетъ изъ Парижа. Приходите, если угодно, въ пять часовъ, въ Hotel Meurice, въ улицѣ Риволи.» Явившись въ назначенный часъ, я нашелъ добраго Ваттемара у воротъ. Онъ тотчасъ повелъ меня наверхъ, предупредивъ, что регулярный поэтъ (регулярный поэтъ — бѣлый арабъ!) можетъ удѣ-

лить мнѣ не болѣе пяти первыхъ минутъ шестого часа. Г. Муръ принялъ меня очень учтиво и пріятливо. Я рассказывалъ ему о дѣйствіи, какое произвели у насъ, въ Россіи, его прекрасныя сочиненія, и, по его желанію, прочиталъ наизусть нѣсколько стиховъ изъ перевода Жуковского (Смерть Перн). Казалось, что онъ принялъ это съ услажденіемъ душевнымъ. Можетъ ли поэту не быть пріятенъ отголосокъ его творенія, несущійся изъ дальнихъ странъ? Не восхичительно ли думать, что на звукъ нашей лиры отзывалась родная струна, въ глубокомъ Сѣверѣ, и передала этотъ звукъ милліонамъ людей, въ услажденіе ихъ слуха и души! Что ни говори, а великое дѣло быть творцемъ, поэтомъ, созидать новыя міры, возмашать великія мысли, возбуждать благородныя чувства! Сознаніе этого превосходства, этого завиднаго торжества блистало въ кроткихъ глазахъ гениальнаго Мура. Насупротивъ его сидѣлъ спутникъ его, высокій, толстый, полнолицый, малиновый Англичанинъ: въ стеклянныхъ глазахъ его блистала радость о торжествѣ друга! Г. Муръ очень хорошо говоритъ по-французски, и я могъ бесѣдовать съ нимъ свободно, но я взглянулъ на Ваттемара, и увидѣлъ, что онъ беретъ за часы. Не дождавшись напоминенія, я всталъ и откланялся. Милый, добрый, пріятный ликъ Томаса Мура проникъ въ мою душу, и останется тамъ навсегда!

Я желалъ видѣть знаменитѣйшую изъ нынѣшнихъ писательницъ Франціи, госпожу Дюдеванъ,

которая прославилась подъ именемъ Жоржа Зап-
да, изумляетъ своимъ страннымъ поведеніемъ, и
восхищаетъ талантомъ; пишетъ картины даже не-
двусмысленныя, а потомъ, съ жаромъ внутрен-
няго убѣдительнаго краснорѣчія, утверждаетъ, что
никто болѣе ея не чтитъ добродѣтели и нрав-
ственности; твердитъ что она несчастная, отри-
нутая, непонимаемая свѣтомъ, а между тѣмъ хо-
дитъ въ мужскомъ платьѣ, куритъ сигары, роско-
шествуетъ за эпикурейскими столами. Ея не было
въ Парижѣ. Я изъявилъ сожалѣніе о томъ Ватте-
мару.—«Утѣшьтеся, сказалъ онъ мнѣ: вы хотѣли
видѣть эту женщину-мужчину изъ одного любо-
пытства, какъ рѣдкаго звѣря, какъ необыкновен-
ную игру природы. Я не видалъ и не знаю ея,
но почти увѣренъ, что вы раскаялись бы, позна-
комившись съ нею. Есть вещи, прекрасныя толь-
ко издали. Въмѣсто того, предлагаю вамъ посе-
тить въ Парижѣ такое мѣсто, которое оставитъ
въ душѣ вашей самое усладительное воспоминаніе,
познакомиться съ особою, которая чрезвычайно
займетъ васъ, Русскаго, необыкновенностью своего
характера, положенія въ свѣтъ и образованія.
Словомъ, если угодно, я поведу васъ завтра, въ
женскій монастырь du Sacré Coeur. Ждите меня
въ девять часовъ утра.» — Я согласился.

Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что
актеръ, мимъ, ваптрилокъ Александръ Ваттемаръ,
котораго вы знали, на сценѣ, въ однихъ фарсахъ,
сдѣлался моимъ путеводителемъ по святымъ мѣ-
стамъ въ Парижѣ? Но въ немъ видѣлъ я стран-

ную противоположность личнаго его характера
съ званіемъ и положеніемъ его въ свѣтъ. Если
не поскучаете, я расскажу вамъ его исторію. Въ
молодости своею учился онъ хирургіи, и кончивъ
науку въ парижскомъ медицинскомъ училищѣ,
отправленъ былъ въ армію. Въ 1815 году былъ
онъ въ Берлинѣ, и пользовалъ находившихся тамъ
французскихъ плѣнныхъ. Вдругъ пришло извѣ-
стіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, и
о новой войнѣ съ Франціею. Ваттемаръ хотѣлъ
было ѣхать во Францію; его не пустили, и пред-
ложили ему мѣсто въ прусской арміи. Онъ не
соглашался служить противъ своего отечества, и,
для снисканія себѣ пропитанія, вздумалъ употре-
бить даръ чревовѣщанія, который открылся у
него еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Въ то же
время выдумалъ онъ представленія, въ которыхъ
одинъ игралъ нѣсколько лицъ. Сперва игралъ онъ
по-французски, а потомъ выучился и по-нѣмецки.
По заключеніи мира воротился онъ во Францію,
и видя, что всѣ лекарскія вакансіи заняты, рѣ-
шился продолжать новое свое ремесло, отправил-
ся въ Англію, выучился англійскому языку, игралъ
по-англійски; потомъ путешествовалъ по Европѣ,
и талантомъ своимъ пріобрѣлъ себѣ независимое,
значительное состояніе. Между тѣмъ продолжалъ
онъ занятія науками и искусствами: собиралъ
вездѣ оригинальные рисунки, автографы великихъ
людей, и т. п. Теперь издаетъ онъ собраніе свое,
подъ именемъ Всемирнаго Альбома (Album cosmopoli-
te): въ первой тетради, недавно вышедшей,

заключаются многія прекрасныя литографіи, въ томъ числѣ и русскіе предметы. Сверхъ того подавъ онъ мысль и первый поводъ къ пополненію и обогащенію всѣхъ библиотекъ Европы, заведеніемъ взаимнаго между ими объема дублетовъ, или двойныхъ экземпляровъ. Такимъ образомъ книгохранилища, уступая свое лишнее и ненужное, могутъ обогатиться рѣдкими и необходимыми твореніями безъ большихъ издержекъ. — Въ семействѣ своемъ Ваттемаръ достоинъ всякаго уваженія: супруга его женщина умная, образованная и благородная; дѣти его воспитываются въ лучшихъ заведеніяхъ, содержимыхъ духовными лицами: они никогда не видали отца своего на сценѣ; никогда не видали, чтобъ онъ выкинулъ который нибудь изъ своихъ уморительныхъ фарсовъ. Онъ не знакомъ ни съ однимъ актеромъ, а вхожъ и уважаемъ у архіепископа парижскаго. Политическія его правила самыя благородныя, монархическія. Особенно отличается онъ добродѣтелью, которая у соотечественниковъ его не въ большой модѣ — благодарностью. Всѣми силами старался онъ мнѣ заплатить за пріемъ, оказанный ему въ Петербургѣ, и дѣйствительно обязанъ я ему многими пріятными часами въ Парижѣ.

Въ назначенный часъ Ваттемаръ явился ко мнѣ, и повелъ меня въ отдаленную часть Парижа, къ Инвалидному Дому. Тамъ, въ домъ, который некогда принадлежалъ нашему послу, Князю А. Б. Куракину, помещается монастырь du Sacré Coeur. Въ немъ воспитываются молодыя дѣвочки хоро-

шихъ фамилій. Въ окрестностяхъ господствуетъ совершенная тишина: гулъ городской слышится только издали. Мы вошли во дворъ, усыпанный чистымъ пескомъ. Все мило, опрятно, не по-парижски. Одна изъ сестеръ, въ черномъ платьѣ, съ бѣлою пелеринкою и въ бѣломъ чепцѣ, проводила насъ къ настоятельницѣ, въ пріемную ея комнату, съ зеркальными стеклами, вызолоченными карнизами — бывшій кабинетъ роскошнаго князя. Изъ оконъ видѣнь прекрасный густой садъ. Вскорѣ явилась настоятельница, дама лѣтъ тридцати пяти, тихая, скромная, наружностью миловидная, не высокаго роста, но съ благородною осанкою, въ монашеской одеждѣ. Г. Ваттемаръ представилъ ей меня, и сказалъ мнѣ: «Удовольствіе бесѣды съ госпожею д'Авена (d'Avenas) будетъ для васъ неоцѣненно: вы можете говорить съ нею по-русски.» — Я посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, думая, что это шутка. — «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, госпожа настоятельница говоритъ, читаетъ, пишетъ по-русски.» — «Г. Ваттемаръ преувеличиваетъ мои познанія, сказала настоятельница, но говоритъ правду. Я занимаюсь русскимъ языкомъ, и составляю извлеченіе изъ Исторіи Карамзина, но говорить боюсь. Да и въ нашемъ званіи всячески должно избѣгать случаевъ казаться смѣшными.» Въ дальѣйшемъ разговорѣ узналъ я, что родственники дѣвочки д'Авена, люди знатные и богатые, при началѣ революціи, лишившись всего своего имущества, бѣжали въ Россію, нашли тамъ пріютъ и пропи-

таніе, полюбилн гостепрімный край, и когда обстоятельства позволили имъ воротиться въ отечество, сохранили благодарное о Русскихъ воспоминаніе. Въ залогъ уваженія и любви своей къ Россіи, положили они не забывать русскаго языка въ своемъ семействѣ, и учить ему дѣтей своихъ. Дѣвица д'Авена родилась уже во Франціи, но мать выучила ее, сколько могла, русскому языку, и завѣщала не оставлять его. Дочь, вступивъ въ монашество, исполнила желаніе матери, читаетъ русскія книги, и переводитъ ихъ на французскій языкъ, но только для употребленія въ этомъ учебномъ заведеніи. Она жаждала услышать что нибудь о доброй Россіи, которая, въ ея воображеніи, представляется ей спасительницею и хранительницею добродѣтельныхъ ея родителей. Я, сколько могъ, удовлетворилъ ея любопытству. Прощаясь со мною, она рѣшилась произнести русскую фразу, произнесла ее безъ труда, чисто и съ тѣмъ пріятнымъ акцентомъ, которымъ благовоспитанныя Француженки смягчаютъ дикіе для нихъ звуки языковъ сѣверныхъ. — Это утро было для меня однимъ изъ самыхъ занимательныхъ и пріятныхъ въ Парижѣ.

Но самый интересный изъ историческихъ мужей, съ которыми я познакомился во Франціи былъ (послѣ Талейрана) Князь Мира, Донъ Мануэль Годон, Герцогъ Алкудія, Князь Бассано, Графъ д'Эвораменте, бывший первый министръ Короля Испанскаго, генералиссимусъ, генералъ-адмиралъ, некогда обладатель милліоновъ, неогра-

ниченный властелинъ Испаніи и Индіи, — нынѣ бѣдный изгнанникъ, живущій милостынею. Я узналъ его случайно. Одна знакомая мнѣ дама, въ Петербургѣ, просила меня свезти отъ нея поклонъ къ двоюродной сестрѣ ея, госпожѣ де Буавѣ. Я исполнилъ это порученіе, и нашелъ въ родственницѣ моей знакомки, женщину пожилыхъ лѣтъ, благовоспитанную, умную, очень привѣтливую и ласковую. Нѣсколько разъ былъ я у ней на вечерахъ, и не умѣя играть въ карты, игралъ жалкую роль бесполезнаго чловѣка. Хозяйка совѣстила, что не можетъ занять меня, и сказала мнѣ однажды: «Въ вознагражденіе за скуку, которую вы терпите у меня изъ приличія и учтивости, я хочу познакомить васъ съ однимъ изъ самыхъ интересныхъ людей нашего времени. Приходите завтра, въ три часа, въ Тюльерійскій Садъ: тамъ, въ рошцѣ, по лѣвую руку отъ бассейна, вы меня найдете.» — Я отправился туда, и дѣйствительно нашелъ тамъ госпожу де Буавѣ, съ дочерью ея и съ собачкою, снабженною намордникомъ (*). «Его нѣтъ еще, сказала мнѣ она съ таинственнымъ видомъ, но онъ прійдетъ непременно.» — «Да кто онъ?» спросилъ я въ нетерпѣніи. — «Погодите!» — Въ это время подошла къ

(*) Muselé. Это очень полезное обыкновеніе. На морду сварливой собаки надѣвають особаго рода намордникъ, который, не мѣшая ей дышать, препятствуетъ лаять и кусаться. Это особенно полезно въ лѣтнее время.

госпожь де Буавь старушка, хозяйка стульевъ, на которыхъ мы расположились, и сказала ей съ озабоченнымъ видомъ: «Тотъ старый господинъ, который всегда бесѣдуетъ съ вами, приходилъ уже сюда, минутъ за пять предъ симъ, и освѣдомлялся, тутъ ли вы. Онъ прійдетъ опять. Только, сударыня, не страшно ли вамъ разговаривать и дружитья съ человѣкомъ полоумнымъ?» — Какъ, съ полоумнымъ?» — «Да такъ, сударыня. Извольте видѣть, вчера онъ сидѣлъ подлѣ васъ на стулѣ, и не заплатилъ мнѣ. Сегодня я напомнила ему, что онъ мнѣ долженъ два су. Онъ пошарилъ у себя въ карманъ, не нашель ничего, и общалъ заплатить завтра. Это бы ничего, да онъ прибавилъ къ тому: Теперь любезная моя, нѣтъ у меня ни одной копѣйки, а было время, что я могъ купить и Тюльерійскій Садъ, и Дворецъ, и Бурбоискій Дворецъ, и кладовую королевскую (garde-meuble), и обелискъ. — И еще вы скажете, что онъ не сумасшедшій! «прибавила старуха, и ворта отошла отъ насъ. — «Я вамъ разгадаю эту загадку, сказала госпожа де Буавь: этотъ бывшій миллионщикъ, у котораго теперь нѣтъ ни гроша — Князь Мира, и съ нимъ я хотѣла васъ познакомиться. Да вотъ онъ идетъ и самъ!» — Къ намъ подошелъ старичекъ высокаго роста, породный, съдой, съ пріятною улыбною, въ сертукѣ, съ ленточками (черною и красною) въ петлицѣ. Онъ ласково и дружелюбно привѣтствовалъ госпожу де Буавь, потрепалъ по щекѣ ея дочку, и сѣлъ подлѣ насъ. Она представила ему меня, путеше-

ственника изъ дальнихъ странъ. Онъ разговорился со мною, и я провелъ въ занимательной его бесѣдѣ около двухъ часовъ. Взглядъ у него кроткій, голость тихій; во всѣхъ пріемахъ и движеніяхъ спокойствіе и покорность судьбѣ. О врагахъ своихъ говорилъ онъ умеренно; о друзьяхъ и благодѣтеляхъ съ жаромъ и восторгомъ. «Я былъ въ сношеніяхъ, сказалъ онъ между прочимъ, и съ вашею Великою Екатериною. Истинно великая и мудрая Государыня! Только въ одномъ не могли мы согласиться. Она желала, чтобъ мы ей уступили одинъ изъ нашихъ острововъ въ Средиземномъ Морѣ. — Я отвѣчалъ ей: Государыня! намъ меньше всего уступимъ мы въ этомъ. Другіе, получивъ желаемое, не знали бы, что съ нимъ дѣлать, а вы такъ умны и такъ умете привлекать къ себѣ, что чрезъ годъ послѣ уступки одного островка, у вашихъ ногъ будетъ все Средиземное Морѣ.» — Разставшись съ нимъ, я не могъ вообразить, что видѣлъ того Князя Мира, который, за тридцать лѣтъ предъ симъ, властію и богатствомъ возбуждалъ общее удивленіе, котораго ославили врагомъ и предателемъ своего отечества, тираномъ Испаніи, рабомъ Наполеона! Онъ такъ кротокъ, такъ простодушенъ, такъ любезенъ въ своемъ обращеніи, въ бесѣдѣ своей и во всѣхъ сужденіяхъ, что едва ли можно повѣрить, будто все это писано о немъ. Въ послѣдствіи разговаривалъ я о немъ съ нѣсколькими лицами, и между прочимъ съ Княземъ Талейраномъ, и нашель, что если онъ и былъ не безгрѣшенъ, какъ и всѣ

мы, смертные, то отнюдь не заслужилъ тѣхъ гоненій, которымъ подвергся въ своемъ отечествѣ, той клеветы, которою его осыпали въ чужихъ краяхъ. Говорили, что онъ снискалъ благоволеніе Короля и Королевы Испанскихъ искусною игрою на гитарѣ (генераль Фуа говорить: на флейтѣ), и пріятнымъ голосомъ, а онъ не умѣетъ играть ни на какомъ инструментѣ, и не пѣлъ отъ роду! Король Карль IV полюбилъ его за непритворную его преданность, веселый нравъ и открытій умъ, приблизилъ къ своей особѣ, осыпалъ милостями. Въ одномъ упрекаютъ его, что онъ, достигнувъ въ молодости высшихъ степеней, велъ жизнь разсыпную, волочился за всѣми женщинами, и мучилъ ихъ невѣрностью и непостоянствомъ. Но эти обвиненія, если они справедливы, снимаютъ съ него гнусную укоризну, которою старались изъяснить его скорое возвышеніе. Во все свое управленіе Испаніею, онъ не пролилъ ни капли крови; охранилъ ее отъ бурь, потрясавшихъ Францію и другія страны; старался поощрять науки и искусства; пытался истребить варварскую воловью травлю; обуздаль требованія фанатическаго духовенства, обрѣзалъ когти инквизиціи — вотъ главный источникъ и причина клеветъ, на него взведенныхъ! Его обвиняли въ томъ, что онъ продалъ Испанію Наполеону, а Наполеонъ изгналъ его изъ отечества, присвоилъ себѣ всѣ его имущества въ Испаніи, и посредствомъ гнусныхъ своихъ агентовъ старался (1810) вывѣдать, не осталось ли у него какихъ нибудь

земель въ Америкѣ, чтобъ захватить и тѣ. — Наполеонъ издавна замышлялъ о покореніи Испаніи, и это не скрылось отъ Мадридскаго Двора. Въ 1806, когда онъ зашелъ далеко въ Пруссію, Испанское Правительство рѣшилось отложиться отъ союза съ нимъ, собрало армію, обнародовало прокламацію. Фортуна еще разъ улыбнулась своему баловню. На сѣверѣ заключенъ былъ миръ. Испанія принуждена была прекратить свои приготовления, но она дерзнула *помыслить* о независимости, и это было, въ глазахъ Наполеона, преступленіемъ непростительнымъ. Подъ предлогомъ изгнанія Англичанъ изъ португальскихъ портовъ, онъ двинулъ свои войска въ Испанію, захватили хитростью и обманомъ ея крѣпости, занялъ столицу. Князь Мира, видя невозможность противостать бурному потоку, убѣдилъ Короля, со всею его фамиліею, удалиться на одинъ изъ острововъ Средиземнаго Моря, и тамъ выжидать наступленія времени благопріятнѣйшихъ, какъ сдѣлалъ Короли Неаполитанскій и Сардинскій. Все было готово къ отправленію ихъ, какъ вспыхнулъ разговоръ въ Араижузѣ. Карль IV принужденъ былъ отказаться отъ престола, а Фердинандъ прибѣгнувъ съ просьбою о помощи къ заклятому врагу Дома Бурбонскаго. Наполеонъ заманилъ ихъ всѣхъ въ Байонну, и тамъ принудилъ и Карла IV, и Фердинанда VII отказаться отъ правъ своихъ на испанскій престолъ. Этого чернаго пятна не смоятъ съ славы Наполеоновой ни какія красныя чернила. Что было послѣдствіемъ этого для

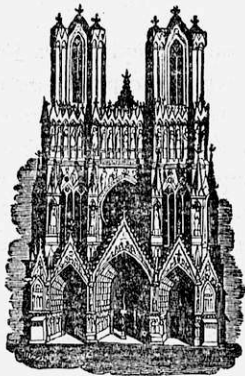
Испаніи? Тридцатилѣтнія бѣдствія войны, междоусобія, кровопролитія, продолжающіяся донинѣ. Князь Мира послѣдовалъ за своимъ государемъ и благодѣтелемъ, служилъ ему вѣрно и усердно, какъ во время его славы и величія, и закрылъ ему глаза.— Карлъ IV, возвысивъ его на высшую степень въ государствѣ, заставилъ его расторгнуть прежній бракъ съ особою незнатнаго происхожденія, и жениться на принцессѣ королевской фамиліи. Князь повиновался, но лишь только скончалась вторая супруга его, онъ вновь принялъ къ себѣ прежнюю жену, и на бѣду свою. Она расточила и проиграла оставшееся у него имѣніе, и довела его до совершенной нищеты (*). Нынѣшній Король Французскій далъ ему пенсію въ шесть тысячъ франковъ. Онъ живетъ тихо и уединенно, въ мансардѣ дома No 6, въ улицѣ Neuve des Mathurins, не жалуется на судьбу свою, составляетъ Записки о своей жизни, и

(*) Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ Запискахъ (т. III, стр. 292): «Все, чѣмъ я былъ обязанъ моему Государю, осталось въ Испаніи. Я ничего не вывезъ, ничего не выслалъ въ иностранныя банки. Испанская моя вѣрность не видала будущаго нигдѣ, кромѣ моего отечества. Время это показало. Да! я дорожу благороднымъ убожествомъ, въ которое приведенъ нынѣ. Семидесяти лѣтъ отъ роду, нуждался въ первыхъ потребностяхъ жизни, обитая на чердакѣ, горжусь моимъ патріотизмомъ. Не знаю, могли ли бы такъ говорить другіе, если бѣ fortuna возвысила ихъ, какъ меня!»

прогуливается въ Тюльерійскомъ Саду. Воля ваша! человекъ дурнаго сердца, съ обремененною преступленіями совѣстью, не могъ бы, на старости дней, жить такъ спокойно. «Князь Мира, сказалъ мнѣ Талейранъ, въ несчастіи своемъ ведетъ себя очень благородно.»

Вотъ результаты знакомства моего съ знаменитыми и достойными вниманія особами, которыхъ я видѣлъ въ Парижѣ! Нѣкоторыя изъ сихъ воспоминаній никогда не изгладятся изъ моей души.

Реймскій Соборъ.

XXIV.

Выездъ изъ Парижа. Реймсъ. Друане. Фабрикаціи шампанскаго. Библіотека. Г. Парисъ. Славянское Евангеліе. Соборъ. Подвиги Русскихъ. Обѣдъ. Шалонъ. Вердёнъ. Приятное общество. Мець. Видъ. Лотарингія. Страсбургъ. Коллегіумъ. Отъездъ.

Я въѣхалъ бы изъ Парижа гораздо ранѣе, если бь странныя припадки головокруженія не заставляли меня опасаться пристуна какой нибудь болѣзни. Не доверяя врачамъ, мнѣ незнакомымъ, я просилъ П. В. Поггенполя рекомендовать мнѣ кого нибудь, и онъ познакомилъ меня съ докторомъ Канелеромъ, вѣскимъ уроженцемъ, бывшимъ домашнимъ врачомъ Графа Поццо ди Борго. Г. Канелеръ успокоилъ меня совершенно (я боялся занемочь гдѣ нибудь на дорогѣ), и послѣ нѣсколькихъ дней пользованія, объявилъ, что

я могу пуститься въ путь безъ опасенія. Я хотѣлъ было ѣхать прямо на Страсбургъ, черезъ Шалонъ и Мець; но за недѣлю до отъезда посетилъ меня знакомецъ мой, Друане (основатель заведенія переноснаго газа въ Петербургѣ), и убѣждалъ посетить его въ Реймсъ. С. М. Строевъ, узнавъ объ этомъ, просилъ меня взять его съ собою, и мы записались въ дилижансовою конторъ на 7-е число іюля. Дилижансъ отходить въ пять часовъ пополудни. Поутру разсчитался и простился я со всеми домашними, которыми имѣлъ причину быть совершенно довольнымъ; посетилъ П. В. Поггенполя, и позавтракалъ у Софін Ивановны Конрадъ: такимъ образомъ провелъ я послѣдніе часы пребыванія моего въ Парижѣ у особъ, съ которыми мнѣ труднѣе всего было разставаться. Кто жила въ удаленіи отъ своихъ, среди чужихъ, дикихъ для него людей, соразмѣряющихъ свои услуги, учтивость и ласку съ вѣсомъ его кошелька, тотъ знаетъ всю цѣну дружбы и привѣтливости особъ знакомыхъ и любезныхъ ему по отечеству. Прочимъ знакомымъ разслалъ я, при визитныхъ карточкахъ, экземпляры моей статьи: Воспоминанія, помѣщенной въ Новосельѣ, и переведенной госпожею Конрадъ на французскій языкъ. Я нашелъ ее въ Revue du Nord, и перепечаталъ, для раздачи на память.

Въ половинѣ пятаго явился я въ конторъ дилижансовъ, гдѣ ждалъ меня добрый Ватемаръ, желавшій проститься еще разъ. Пришелъ спутникъ мой; мы заняли мѣста свои, и напутствуе-

мые искренними желаніями счастливой дороги, двинулись из новаго Вавилона. Я разставался съ Парижемъ безъ всякаго сожалѣнія. Когда мы выѣхали изъ города, я осмотрѣлся въ каретѣ. Насъ было пятеро: остальные мѣста занималъ чловѣкъ среднихъ лѣтъ, какъ казалось очень порядочный, и двѣ служанки, самаго безобразнаго разбора. Спутникъ нашъ, какъ послѣ оказалось, былъ богатый суконный фабрикантъ, изъ Седана. На слѣдующей станціи мы разговорились о предметахъ обыкновенныхъ, и провели съ нимъ время довольно сносно. Странно мнѣ было, что онъ обращался съ вопросами и комплиментами своими преимущественно къ моему молодому спутнику, а со мною, какъ говорятъ Французы, обращался *cavalièrement*. Загадка эта потомъ объяснилась. Сергій Михайловичъ имѣлъ въ петлицѣ ленточку Св. Станислава, а я вѣшалъ безъ всякаго наружнаго знака внутреннихъ достоинствъ. Мой фабрикантъ, самъ съ красною ленточкою, принималъ моего товарища за богатаго и знатнаго барина, а меня за гувернера. Это насъ очень забавляло! Въ переднихъ мѣстахъ (*сокрѣ*) сидѣла жена фабриканта съ двумя дочерьми, а супругъ помѣщался, съ утѣрь-штабомъ, въ каретѣ. Въ Реймсъ (*) прѣвхали мы въ семь часовъ утра. Я тотчасъ отыскалъ домъ Друане, гдѣ всѣ еще спали крѣ-

(*) Reims, Rheims, произносится *Реймъ*, но я пишу по-старинному: этотъ городъ имѣетъ мѣсто въ Русской Военной Исторіи.

кимъ сномъ, разбудилъ хозяина, и обрадовалъ его своимъ прѣвздомъ. Онъ принялъ меня съ самымъ искреннимъ радушіемъ, и замѣтивъ, что мы оба съ товарищемъ худо провели ночь, заставилъ лечь спать. Когда я, часа черезъ два проснулся, глаза мои остановились на литографированной картинѣ Крюгера, представляющей Государя посреди его свиты. Друане повѣсилъ эту картину прямо предъ кроватью, чтобъ я взглянулъ на нее, раскрывъ глаза въ Реймсъ. Послѣ завтрака пошли мы осматривать достопамятности Реймса: бумагопрядильную фабрику, фабрикацію шампанскаго вина, и пр. Шампанское это дѣлаютъ въ домъ самого Друане. «Какъ? спросите вы, неужели шампанское дѣлаютъ? Да это напоминаетъ одну московскую вывѣску: *здесь дѣлаютъ шампанскія вина не хуже нѣмецкихъ*. — Точно, шампанское вино приготовляютъ особеннымъ образомъ. Выдавленное изъ ягодъ, оно кисло и непріятно на вкусъ: должно освободить его отъ какого-то горькаго настою, и подсластить. Для этого разливаютъ его въ бутылки, и ставятъ ихъ вверхъ дномъ. Осадка опускается въ горлышко. Вынимаютъ пробку, и эта осадка вылетаетъ сама собой съ пѣною. Оставшееся отъ нея пустое пространство наполняютъ сахарнымъ сиропомъ, бутылку закупориваютъ, и шампанское готово. Вино, назначаемое въ Россію, подслащиваютъ болѣе другаго. У насъ большинство любить сладкое шампанское. — Здѣсь я видѣлъ проворство, досужество, и, такъ сказать, *небрежность*, съ какими вообще Французы отправляютъ

ремесла свои. Дидотъ, показывая свою типографію, и объясняя дѣйствіе станковъ, самъ беретъ за рукоятку, и не боясь измарать машеты, печатаетъ, какъ у насъ добрый Зырянинъ. Въ Реймсъ, братья Друане, молодые порядочные люди, надѣвъ сверхъ платья холстинныя блузы, наливали, отцѣживали, закупоривали бутылки, какъ простые работники. Отъ этого ремесленныя и промышленныя дѣла идутъ во Франціи успѣшно, и пріобрѣтаютъ съ каждымъ годомъ новый просторъ, новыя средства. Тамъ нѣтъ ни какого стыда снискивать пропитаніе мозольною работою рукъ своихъ. Сословіе заводчиковъ, фабрикантовъ, вообще промышленныхъ (*des industriels*) тамъ истинно полезное и почтенное. Пышнѣйшій Король именно на успѣхахъ промышленности и торговли основалъ прочность и силу своего правительства, и не ошибся. Люди, коихъ судьба и достояніе зависятъ отъ сохраненія мира, спокойствія и безопасности, никогда не стануть думать о неспроверженіи правительства, обезпечивающаго ихъ достояніе и занятія.

По осмотрѣ фабрикъ, пошли мы въ городскую бібліотеку, и были тамъ приняты очень вѣжливо и предупредительно бібліотекаремъ Г. Парисомъ, который, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, жилъ въ Москвѣ, выучился русскому языку, и перевелъ на французскій языкъ лѣтописъ Несторову. Г. Строевъ любопытствовалъ видѣть знаменитое Евангеліе, на которомъ Французскіе Короли прилагали при коронаціи своей. Это Евангеліе въ

теченіе долгаго времени составляло предметъ спора многихъ ученыхъ людей. Нѣкоторые писатели утверждали, будто это Евангеліе писано Св. Меодіемъ въ девятомъ вѣкѣ, и привезено во Францію изъ Россіи Анною, дочерью Великаго Князя Ярослава Владиміровича; будто она подарила его шалонскому епископу Рожеру, отъ котораго оно досталось Реймскому Собору. Другіе думали, что оно найдено Французами, въ бібліотекѣ Св. Иеронима, при взятіи Царяграда крестоносцами въ 1204 году, и подарено Императоромъ Балдуиномъ реймскому архіепископу Вильгельму Блоруюму. Добровскій пишетъ, что Реймское Евангеліе прислано во Францію, въ 1250 году, Еленого, владѣтельница сербскою. При всѣхъ противорѣчійхъ сихъ писателей, они соглашались въ томъ, что оно писано ранѣе половины XIII вѣка. Паружность Евангелія была украшена мощами, драгоценными камнями и богатыми золотыми застежками. Кардиналь лотарингскій, въ торжественныхъ процессіяхъ, носилъ оное на золотой цѣпи, висѣвшей у него на шеѣ. Достоинно примѣчанія, что Французы сами не знали, на какомъ языкѣ оно написано. Русскіе, отправленные Петромъ Великимъ во Францію, проѣзжая чрезъ Реймсъ, объяснили имъ содержаніе первой половины манускрипта. По просьбѣ Г. Строева, Г. Парисъ вынулъ изъ шкапа небольшую книжку, въ малую четвертку, въ полнцвѣшнемъ, красномъ сафьянномъ переплетѣ, въ которомъ слѣдами прежнихъ богатыхъ украшеній оста-

лись нѣсколько дурь. Во время революціи 1793 года все украшенія были сняты, можетъ быть, рукою папешки того философа, который, въ 1812 году, содралъ галуны съ шляпы патріарха Инкопа, въ Москвѣ. Г. Строевъ, съ жадною радостью, кака я извѣстна однимъ библіофиламъ и антикваріямъ, отправился въ другую комнату, чтобы надосугъ разсмотрѣть эту драгоценность. Мы оставались съ Г. Парисомъ, и бесѣдовали о разныхъ предметахъ. Черезъ полчаса воротился онъ къ намъ съ архимедовскимъ восторгомъ: *ἐὕρηκα!* (нашелъ!) «Это рукопись не древняя! сказала онъ Г. Парису: она написана не ранѣе XV вѣка. Въ ней упомянуть угодникъ, причтенный къ лику святыхъ въ XV вѣкѣ. Полагать должно, что она подарена цареградскимъ патріархомъ реймскому архіепископу Карлу Лотарингскому; но списана она, вѣроятно, съ довольно древняго Евангелія. Подкрѣпленіемъ моему мнѣнію можетъ служить то, что Французскіе Короли начали присягать на этомъ Евангеліи не ранѣе XVI вѣка.» — Такимъ образомъ, юный нашъ археологъ разсвѣялъ туманъ древности, которымъ, въ теченіе вѣковъ, облекалась эта рукопись. Свѣдѣнія о ней до того были сбивчивы, что знаменитый оріенталистъ Сильвестръ де Саси утверждаетъ, будто она сгорѣла во время революціи, и это же повторяетъ Копытаръ! — Рукопись сія написана въ небольшую четвертку, на пергамень, въ два столбца: первый на церковно-славянскомъ, другой на неизвѣстномъ языкѣ. Евангелія расположены по днямъ.

Недостаетъ многого, а именно начала, съ 1-го сентября по 27-е октября, и всей второй половины: марта, апрѣля, мая, іюня, іюля и августа. Заглавныя буквы разрисованы скудно и неуклюжо. — Г. Парисъ не могъ возражать на основательные доводы Г. Строева, слушалъ его внимательно и възлжно, но, какъ казалось, жалѣлъ о разрушеніи вѣковой славы первокласснаго своего манускрипта.

Другая достопамятность въ Реймсѣ, обратившая на себя все наше вниманіе, есть тамошній соборъ, прекраснѣйшее готическое зданіе Среднихъ Вѣковъ, уцѣлѣвшее во всѣхъ частяхъ. Есть преданіе, что оно существовало въ III вѣкѣ. Въ 1210 соборъ сгорѣлъ съ частию города. Знаменитый архитекторъ Робертъ де Куси воздвигъ его въ нынѣшнемъ видѣ: въ первый разъ служили въ немъ въ 1241 году. Длина всего зданія составляетъ 438, ширина 93, вышина (до верха крыши) 135 французскихъ футовъ. Порталь состоитъ изъ трехъ стрельчатыхъ аркадъ, изъ коихъ средняя шире и выше прочихъ, и изъ двухъ фронтоновъ, покрытыхъ изваяніями. Аркады также богаты статуями, изъ коихъ нижнія вышнюю въ семь футовъ съ половиною. Надъ этими статуями, подъ сводомъ средней аркады, находятся сто шестьдесятъ статуекъ, расположенныхъ въ пять рядовъ. Въ боковыхъ аркадахъ по девяносту семи статуекъ. Каждый рядъ ихъ отдѣляется цвѣточною вязью. Всего въ порталѣ болѣе пяти сотъ тридцати статуй, большихъ и малыхъ. Жаль, что онъ разру-

знаются временемъ: нѣкоторыя пострадали и отъ святотатственныхъ рукъ человѣческихъ. Въ лѣвой аркадѣ представлены Страсти Господни, въ правой Страшный Судъ: въ средней Успеніе Пресвятыя Богородицы. Между башнями, надъ звездою, изображено крещеніе Кловиса, а пониже единоборство Давида съ Голиафомъ. Башни состоятъ изъ аркадъ, столповъ, капителей, пирамидъ рѣзныхъ и сквозныхъ. Крыша вся свинцовая; стропила изъ каштановаго дерева. Вокругъ колоколыни, въ основаніи ея, стоятъ колоссальныя статуи, числомъ восемь, представляющія людей, подвергшихся смертной казни. Одинъ вытаскиваетъ изъ мышка деньги; другой заклеиваетъ; многіе прободены орудіями кары. — Вокругъ церкви идутъ двадцать два столпа, соединенные аркадами. На верху каждой аркады статуя. Надъ столпами кресты. — Внутренность собора величественная, мрачная и грозная. Онъ освѣщается множествомъ оконъ съ расписанными стеклами. Въ числѣ сихъ оконъ, четыре расположены въ видѣ огромныхъ звездъ (розъ). Свѣтъ, проникающій сквозь цвѣтныя стекла, производитъ дѣйствіе удивительное. За окнами, надъ главнымъ алтаремъ, высокія деревья понаваютъ вершинами своими, и еще болѣе разнообразятъ тѣни и полу-тѣни. Нѣсколько разъ въ день ходили мы съ С. М. Строевымъ въ соборъ, и не могли налюбоваться этою очаровательною картиною. И внутри собора находится множество статуй, большихъ и малыхъ, расположенныхъ рядами. Въ соборъ девять при-

дѣловъ. Надъ ризницею часы, въ которые ударяютъ молотками ангелы. Органы, устроенныя въ 1481 году, считаются превосходнымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ. По правую руку отъ главнаго алтаря, въ особой нишѣ, купель, украшенная рѣзбою. Преданіе говоритъ, что въ ней крестился Кловисъ. Но самая драгоценная древность въ соборѣ есть гробница реймскаго уроженца Флавія Ювина, префекта Галліи, римскаго консула, главнокомандующаго арміи. Гробница сія покрыта прекрасными барельефами.

На другой день взялъ я себѣ въ проводники одного старичка, и вышелъ за городъ, по берегу рѣчки Велл (Vesle). Мѣста волнистыя, пересѣкаемыя лѣсомъ и кустарниками. Берега отлогіе, рѣчка неважная. Но эти мѣста были свидѣтелями славныхъ подвиговъ русскаго войска; здѣсь сотни храбрыхъ нашихъ земляковъ положили головы, помня святость своей присяги, и предпочитая славную смерть не безчестному впрочемъ плѣну. Сюда, на мирныя теперь поля и луга, несутся воспоминанія уцѣлѣвшихъ въ грозномъ бою. Это было въ 1814 году, недѣли за три до вступленія нашихъ въ Парижъ. Февраля 28-го русскій корпусъ генералъ-адъютанта Графа Сень-При, въ пять часовъ утра, сильнымъ и неожиданнымъ натискомъ взялъ Реймсъ. Ура! и наши въ городъ. Бѣгущіе Французы вздумали было стрѣлять изъ домовъ, и это повлекло за собою бѣду: раздраженные солдаты наши стали грабить. Графъ Сень-При рѣшился этому воспре-

пятствовать, и поручил полковнику Скобелеву, съ ввереннымъ ему Рязанскимъ Пѣхотнымъ Полкомъ, возстановить порядокъ. Полкъ былъ раскомандированъ по всемъ частямъ города, и чрезъ нѣсколько часовъ приказаніе благороднаго начальника было исполнено. Въ городъ возстановилась совершенная тишина. Въ квартиру полковника Скобелева, который былъ назначенъ комендантомъ города, снесено было расхищенное имущество жителей, и каждый получилъ все, что ему принадлежало. На другой день отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Войска разошлись по окрестнымъ селеніямъ; шесть баталіоновъ Прусаковъ, подъ командою генерала Ягова, расположились по суассонской дорогѣ, а Рязанскій Полкъ остался въ городѣ, для содержанія карауловъ, по просьбѣ самихъ реймскихъ жителей. — 1-го марта, въ половинѣ двѣнадцатаго часа утра, прискакалъ конный прусскій солдатъ, и донесъ коменданту, что генераль его разбитъ наголову: утромъ вдругъ появилась сильная французская кавалерія, атаковала его въ распахъ, часть изрубилла, другихъ взяла въ плѣнъ, а остальные ретируются съ генераломъ. Полковникъ поспѣшилъ съ симъ извѣстіемъ къ Графу Сень-При, который тогда находился въ соборѣ, при божественной литургіи. Полагали, что эта тревога причинена какимъ нибудь французскимъ партизаномъ, пришедшимъ со стороны Эперне, и не могли понять оплошности генерала Ягова. Летитъ второй вѣстникъ, съ донесеніемъ, что Французы, пре-

сѣдующіе Прусаковъ въ большомъ числѣ, могутъ овладѣть городомъ, если противъ нихъ не будутъ приняты скорыя мѣры: они-де отъ форштата не далѣе полумили. Рязанскій Полкъ чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже за форштатомъ. Генераль Яговъ, составивъ каре, ретировался, храбро отражая патиски непріятельской конницы, отъ трехъ до четырехъ тысячъ человекъ. Появленіе нашихъ войскъ остановило стремленіе непріятеля, который готовился уже захватить наши орудія, стоявшія за форштатомъ. Графъ Сень-При, получивъ вѣсть, что атакующій отрядъ, имѣя до пяти тысячъ кавалеріи съ пушками, не можетъ быть партизанскій, прибылъ на мѣсто сраженія. Въ самомъ же дѣлѣ это былъ сильный авангардъ самого Наполеона, который, съ семидесяти-тысячною арміею, взявъ Суассонъ, двинулся къ Реймсу. По странному стеченію обстоятельствъ, союзныя войска, оставивъ Суассонъ, не уведомили о томъ Графа Сень-При, который, увѣрившись, что имѣетъ дѣло не съ партизаномъ, былъ обманутъ вторично: онъ полагалъ, что предъ нимъ стоитъ корпусъ Мармонта, человекъ тысячъ въ двѣнадцать, и имѣи самъ до четырнадцати тысячъ, никакъ не думалъ о ретирадѣ. Мало по малу устроилась съ нашей стороны оборона города: первый баталіонъ Рязанскаго Полка, подъ командою самого полковника, занялъ мызу, въ двухъ верстахъ отъ города, на берегу рѣки, а третій остался въ резервѣ у форштата. — Графъ Сень-При, объѣзжая стрѣлковъ, остановился у поста Скобелева, и сказалъ ему: «Я увѣренъ, что ты

отдашь этотъ важный пунктъ не прежде, чѣмъ я Реймсъ.» — «Куда прикажете мнѣ ретироваться въ такомъ случаѣ?» спросилъ полковникъ. — «Тогда тебѣ останется одна ретирада — на небо! сказалъ Графъ съ улыбкою: но ретирады не будутъ.» Съ симъ словомъ онъ ускакалъ. Вследъ за тѣмъ полковникъ получилъ подтвержденіе не оставлять занятаго имъ строенія до дальнѣйшаго приказанія, и въ ту же минуту Французы открыли бой. Левый нашъ флангъ былъ атакованъ кавалеріею. Двадцать тысячъ человекъ двинулись на него, сбили, заставили артиллерію ретироваться и бросить свои орудія въ форштатъ, и не болѣе какъ чрезъ четверть часа, остался на позиціи одинъ баталіонъ Рязанскаго Полка съ присоединившимися къ нему стрѣлками. Отступленіе его лежало чрезъ форштатъ, уже занятый непріятелемъ; отъ прочихъ войскъ нашихъ былъ онъ отдѣленъ рѣкою. Неустрашимый Скобелевъ поставилъ свой баталіонъ въ каре: три фаса его отстрѣливались отъ непріятеля; четвертою стороною прислонился онъ къ рѣкѣ. Французская кавалерія быстро на него налетѣла: онъ встрѣтилъ ее дружнымъ батальнымъ огнемъ. Французы колебались, остановились и выждавъ еще залпъ, поворотили назадъ. Это ободрило нашихъ: другая, третья атака были отражены съ такимъ же успѣхомъ. Между тѣмъ, не было надежды на спасеніе. Форштатъ былъ не ближе версты. Уже нѣкоторые офицеры давали чувствовать начальнику,

что надлежитъ спасать людей, которые здѣсь погибнуть безъ всякой пользы. Полковникъ, съ сердцемъ, исполненнымъ горести, уже готовъ былъ склониться къ этой мучительной крайности. Въ это самое время приносятъ въ каре, на шинели, тяжело раненаго Графа Сень-При. Онъ оставался по сю сторону города, и восхищался геройскою обороною Рязанскаго Полка: вдругъ осколкомъ гранаты раздробило ему левое плечо. — «Спасите мою честь, любезный Скобелевъ! сказалъ Графъ полковнику: въ случаѣ моего плѣна, она въ опасности (*). Смерть же презирать, если бѣ я и не умѣлъ прежде, то выучился бы у храбрыхъ вашихъ Рязанцевъ.» Полковникъ отвѣчалъ ему: «Ваше Сіятельство! съ честью разлучить насъ не сильна не только предстоящая смерть, но и разрушеніе всего міра. Клянусь за себя и за всѣхъ моихъ товарищей, что священная для насъ особа ваша будетъ только тогда во власти непріятелей, когда падетъ послѣдній изъ насъ.» Потомъ, обращаясь къ баталіону, вскричалъ громогласно: «Повторите мою клятву, друзья! Пошлемъ купно теплыя молитвы къ Господу Силь, да явитъ онъ надъ нами новый опытъ неисчислимыхъ своихъ милостей къ вѣрно-поданнымъ Царя Русскаго; да проліетъ онъ въ грудь нашу новыя силы, и поставитъ духъ и

(*). Генералъ - адъютантъ Графъ Сень-При былъ французскій эмигрантъ, и Наполеонъ поступилъ бы съ нимъ жестоко, если бѣ имѣлъ его въ своихъ рукахъ.

мысль нашу выше всѣхъ бѣдствій, насъ окружающихъ. Мы показали, какъ Русскіе дерутся: покажемъ теперь, какъ они умираютъ!»—Кивера слетѣли съ головъ; всѣ перекрестились и воскликнули: «Клянемся!» Непритель сдѣлалъ еще двѣ сильныя атаки, и онѣ были отражены, какъ прежнія. Между тѣмъ смерклося. Французы устремили все свое вниманіе на городъ, и гореть храбрѣхъ Рязанцевъ была ими оставлена. Наши приблизились къ форситату. Залпъ изъ ружей, въ штыки — и испуганный непритель разбѣжался. Храбрые были спасены. Пробравшись черезъ городъ, въ который уже съ другой стороны вступали Французы, баталіонъ Рязанскаго Полка двинулся къ Берп-о-Баку, и тамъ соединился съ прочими войсками. Избавленный великодушными русскими воинами, начальникъ ихъ, Графъ Сень-При, былъ отправленъ изъ Реймса въ безопасное мѣсто, но не спасенъ отъ смерти: онъ скончался отъ раны черезъ шестнадцать дней.

Теперь тамъ все мирно и тихо. Свѣжая трава покрываетъ мѣста, увлажненныя кровію храбрѣхъ. Я останавливался предъ каждымъ курганомъ, предъ каждымъ холмикомъ, воображая, что на этомъ мѣстѣ отдыхаютъ тѣла храбрѣхъ нашихъ воиновъ, ликующихъ душею въ горней сѣни. Первая мысль, возбуждаемая полемъ бывшаго побоища, есть мысль о безсмертіи души. Нѣтъ! не можетъ умереть тотъ, кто палъ въ исполненіи своего долга, кто, въ чуждой странѣ, безвѣстный и неоплаканный, испустилъ геройскій духъ свой!

Не истлѣваетъ зерно, порученное матері землѣ, а прозябаетъ въ ней до того дня, когда весеннее солнце вызоветъ его на свѣтъ божій, красоваться яркими цвѣтами, и напоить воздухъ благоуханіемъ!

Въ этотъ день угощала меня обѣдомъ товарищъ Г. Друане, богатый желѣзный заводчикъ, Дидье, человекъ умный и добрый. Онъ созвалъ нѣсколько гостей, и бесѣда за столомъ была очень веселая. Разумѣется, толковали о Россіи. Мнѣ легче было спорить съ ними потому, что я имѣлъ помощника въ С. М. Строевъ. Всѣ Французы убѣждены, что журналы ихъ наполняются ложью, небывальщиною, клеветами, а между тѣмъ вѣрятъ всякому вздору, который печатается въ нихъ о Россіи. Друане усердно вторилъ нашимъ доводамъ, и откровенно признавался, что до выѣзда изъ Франціи имѣлъ о Россіи самыя превратныя понятія; побывавъ же тамъ, увидѣвъ, какъ у насъ идутъ дѣла общія и частныя, какъ одна благая воля движетъ и направляетъ всѣ отдѣльныя дѣйствія къ прямой цѣли, онъ увѣрился, что и на холодномъ сѣверѣ можно жить спокойно, счастливо и приятно, и что такъ называемая свобода рѣдко ведетъ къ добру.

Послѣ обѣда С. М. Строевъ ухажъ въ Парижъ, а на другой день (10 іюня), въ семь часовъ утра, гостепріимный мой хозяинъ проводилъ меня до дилижанса, отправлявшагося въ Шалонъ. До-

рога была скучная. Спутниками были сельскіе хозяева и торгоши, ѣхавшіе въ Шалонъ, на шерстяную ярмарку. Признаюсь въ слабости и даже въ неблагодарности: терпѣть не могу толковъ о практическомъ сельскомъ хозяйствѣ. Это безирывная цѣль жалобъ на худыя времена, на неурожай, на погоду, на самого Господа Бога. Лѣтъ сорокъ слушаю одно и то же: у этихъ господъ всегда прошлый годъ былъ лучше нынѣшняго, прошлое десятилѣтіе вѣкъ Астреи, нынѣшнее вѣкъ желѣзный, а въ будущемъ предстоить общій моръ голодомъ. Въ литературѣ сельское хозяйство есть *наземь* для нѣкоторыхъ журналовъ: оно утучняетъ книжки. Лѣтъ за тридцать предъ симъ умеръ у меня одинъ родственникъ, который прохозяиничалъ три богатыя имѣнья, доставшіяся ему по наследству, одно послѣ другаго, и когда его упрекали въ томъ, что онъ дѣтей своихъ пустилъ по міру, онъ отвѣчалъ: «Я оставляю имъ драгоценное наследство, вотъ въ этой рукописи: въ ней изложилъ я все средства къ усовершенію сельскаго хозяйства, все способы къ обогащенію, все причины моего собственнаго разстройства. Двадцатипятилѣтній опытъ просвѣтилъ меня, и если бъ мнѣ удалось теперь получить имѣніе въ наследство»....— «То и оно пошло бы на обогащеніе рукописи!» прибавилъ сынъ его, вздыхая.

Въ Вердѣнъ пріѣхалъ я вечеромъ. Здѣсь перемѣнили экипажъ, и я закунилъ славныхъ тамошнихъ конфетъ (*dragées*), которыми, почти до самаго Петербурга, подчивалъ большихъ и малень-

кихъ спутницъ, охотницъ до сладкаго. Въ 11 часовъ отправились далѣе. Въ этотъ разъ были у меня (въ трехмѣстномъ кабриолетѣ дилижанса) спутники пріятные и интересныя. Человѣкъ лѣтъ тридцати, благородной наружности, занялъ среднее мѣсто, а по правую его руку сѣла молоденькая, миловидная дама, какъ по всему видно было, супруга его, недавно вступившая въ бракъ. Она склонила головку на плечо мужа, потомъ облокотилась на него совершенно, и заснула, а онъ всю ночь просидѣлъ, не смыкая глазъ, чтобы не потревожить милой своей подруги, повидному уже чувствовавшей припадки сонливости и нездоровья, неизбежныя въ брачномъ состояніи. Мнѣ понравилась эта нѣжная заботливость, провинціальная, вовсе не парижская, и я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, который сдѣлался до того занимательнымъ, что и я забылъ о снѣ. Онъ былъ въ военной службѣ, участвовалъ въ алжирскомъ походѣ, и рассказалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей о тамошнихъ событіяхъ. Теперь онъ вышелъ въ отставку, занялся коммерціею, и женился по любви. Последняго не нужно было сказывать. Разсвѣло, а мы все еще бесѣдовали. Я долженъ былъ описать ему организацію нашей арміи, пояснить нѣкоторыя происшествія и дѣла персидскаго и турецкаго походовъ. Слѣдя за дѣйствіями нашихъ войскъ, для сообщенія о нихъ извѣстій въ Сѣверной Пчелѣ, я зналъ наизусть каждое дѣло, помнилъ каждое число, каждое имя. Запятіе редакціею Военнаго

Лексикона познакомило меня съ военными терминами на французскомъ языкѣ, и я такъ удачно толковалъ моему спутнику подвиги нашей арміи, что онъ принялъ меня за военнаго. «Ахъ, нѣтъ! сказалъ я, замѣтивъ его заблужденіе: я такъ же военный, какъ шакалъ можетъ назваться львомъ; плетусь за военными, и подбираю ихъ крохи, а дерусь только на перьяхъ, и проливаю не кровь, а чернила!» — Въ семь часовъ пріѣхали мы въ Мецъ. Мой спутникъ (мнѣ совѣстно было спросить, какъ его зовутъ, а теперь жалъ), достигши цѣли своего странствія, разстался со мною, желая мнѣ счастливаго пути, а я пожелалъ ему всѣхъ благъ въ тихой жизни, которую онъ избралъ. Жена его, которой я съ вечера не могъ разглядѣть порядочно, явилась мнѣ теперь во всемъ блескѣ юной красоты. Покойный сонъ укрѣпилъ ея силы и прогналъ нездоровье. Лучи утренняго солнца играли на розахъ ланитъ ея. Пламенные глаза блистали, какъ двѣ утреннія звезды. Черныя кудри вырывались изъ подъ пестраго фулара. Завистливый платокъ скрывалъ стройный станъ ея и прелестную (заключаю по аналогіи) талию. На влажномъ пескѣ почтоваго двора остались слѣды ея китайскихъ ножекъ.

Я былъ уже въ Мецъ, въ 1817 году, но тогда провзжалъ ночью, и ничего не видалъ. Пыль восхитился я положеніемъ этого города, окруженнаго невдалекъ горами средней величины и холмами. Утро было прекрасное, и я съ душевнымъ наслажденіемъ гулялъ по берегу Мозели, подъ густы-

ми каштанами, и на эспланадѣ предъ домою префектуры. Съ самаго Ричмонда не видалъ я такихъ мѣстъ. Хваленые берега мелкой Луары плоски и незанимательны. Горы и вода необходимы для живописнаго ландшафта. — Улицы въ Мецѣ довольно широки и порядочно вымощены. Соборная церковь, построенная въ XI вѣкѣ, прекрасное зданіе съ высокою прозрачною башнею. Я вошелъ во внутренность собора, и видѣлъ богослуженіе. День былъ воскресный. Изображеніе Богородицы, на алтарѣ, украшено было колосьями новосжататаго жита. Женщинъ было у обѣдни вчетверо болѣе нежели мужчинъ; крестьянокъ втрое болѣе нежели горожанокъ. Поселянки здѣшнія носятъ особенный костюмъ и головной уборъ, пріятные на взглядъ. Говорятъ онѣ какимъ-то страшнымъ нарѣчіемъ (лотарингскимъ), которое составлено изъ словъ французскихъ и нѣмецкихъ, и чужестранцу вовсе непонятно. Молились онѣ съ усердіемъ и благоговѣніемъ.

Позавтракавъ въ Hôtel du Nord, порядочной гостиницѣ, въ часъ пополудни отправился я далѣе. Сегодня имѣлъ я спутниковъ не такихъ поэтическихъ какъ вчера, но провелъ время въ бесѣдѣ пріятной и наставительной. Со мною ѣхали одинъ молодой купецъ (нѣмая фигура) и человекъ среднихъ лѣтъ, Г. Шарль М., бывший интендантомъ казенныхъ лѣсовъ, и долго занимавшійся теоріею и практикою лѣсоводства. Онъ говорилъ о своей части, о воздѣланіи и обработаніи земли вообще, какъ человекъ ученый, какъ натуралистъ,

и его беседа вознаградила меня за вчерашние практические вздохи агрономов-неучей. — Дорогою представлялись намъ прекрасныя виды: пригорки и долины, рощицы, лѣса, пахатныя поля и тучныя луга. Здѣсь начинаются красныя крыши крестьянскихъ домовъ, и это оживляетъ картину усадебъ сельскихъ и деревень. Въ другихъ мѣстахъ Франціи и дома, и крыши темносерые, дикіе, угрюмыя. — Въ городкѣ Саррюионъ (Sarre-Union) Г. М. насъ оставилъ. Я сидѣлъ здѣсь около получаса въ постояломъ дворѣ, и прислушивался къ эльзасскому нарѣчію. Оно совершенно нѣмецкое, но такое странное и грубое, что его чрезвычайно трудно понять. Нѣкоторыя французскія слова приняты въ это нарѣчіе, и обдѣланы на нѣмецкій ладъ. Голова, на примѣръ, называется la tête. Но жители Лотарингии и Алзации давно забыли свое нѣмецкое происхождение, и всею душою привязаны къ Франціи. Здѣшніе уроженцы были въ числѣ храбрѣйшихъ солдатъ французской арміи, и изъ нихъ вышли нѣсколько отличныхъ полководцевъ, какъ-то: Клеберъ, Ней, Раппъ, Келлерманнъ, и пр. Духъ народный здѣсь болѣе склоненъ къ правиламъ и мыслямъ революціоннымъ, нежели на посвѣщенныхъ мною, тихихъ берегахъ Луары. Жидовъ здѣсь много. Они ходятъ въ европейской одеждѣ, и пользуются всѣми правами французскихъ гражданъ, но не отстаютъ отъ всегдашнихъ своихъ замашекъ: торгуютъ, барышничаютъ, плутуютъ. Народъ ихъ ненавидитъ.

Въ Страсбургѣ прѣвхалъ я въ осьмомъ часу утра. Здѣсь движеніе diligansовъ расположено самымъ страннымъ образомъ. Кажется бы, лучше ѣздить днемъ, а отдыхать ночью; такъ нѣтъ: отправляются въ путь послѣ полудня, и проводятъ всю ночь въ дорогѣ, а отдыхаютъ поутрамъ. Для людей дѣловыхъ это удобно: они не теряютъ дневнаго времени. Я остановился въ трактирѣ au Poële du Vigneron, рѣшившись отдохнуть здѣсь одинъ день отъ непрерывной ночной ѣзды. Госпожа Конрадъ дала мнѣ письмо къ родственнику своему, доктору Вильмену: его не засталъ я дома, а нашелъ сына его, премилаго молодого человѣка, студента медицины, съ которымъ провелъ весь тотъ день чрезвычайно пріятно. Мы взобрались на платформу собора, и я съ горестнымъ чувствомъ помышлялъ о другѣ, который, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, вмѣстѣ со мною, восхищался прелестными видами съ этой высоты. По моему желанію, смотритель подаль мнѣ записную книгу 1817 года. Я развернулъ ее, и, къ удивленію моему, на той самой страницѣ, на которой мы начертали свои имена! — Потомъ отправились мы въ лютеранскую церковь Св. Оуми. Я еще разъ посмотрѣлъ на монументъ Графа де Саксъ, на прекрасныя надгробія Коха, Оберлина, Шенфлина, Блессига, взглянулъ на извѣстныя муміи Принцевъ Нассаускихъ, и ужаснулся. Должно вамъ знать, что въ скленѣ этой церкви, за нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ симъ, нашли тѣла двухъ или трехъ погребенныхъ тамъ Нассаускихъ

Прищевъ вовсе неповрежденными: ихъ вынесли оттуда, и положили въ новые гробы съ стеклянными крышами. Между тѣмъ время дѣйствовало на муміи: онѣ начали разрушаться; платье ихъ тлѣло. Что жъ сдѣлали нынѣ? Сшили покойникамъ новое платье, а лица ихъ покрыли лакомъ. Отвратительная картина!

Въ три часа пошли мы въ королевскій коллегіумъ: я общалъ Софін Ивановъ Конрадъ посвятить старшаго ея сына, Эрнеста, который здѣсь воспитывается, и при этомъ случая видѣлъ внутренность французской гимназіи. Эти заведенія, по сознанию самихъ Французовъ, очень посредственны, и вовсе не сообразны съ своею цѣлію. Они заведены въ Средніе Вѣки, когда духовенство, особенно Іезуиты, имѣли исключительное вліяніе на образованіе юношества, и не могутъ освободиться отъ веригъ почтенной старины. Я говорилъ объ этомъ съ министромъ просвѣщенія, Г. Сальванди, человекомъ ревностнымъ къ добру, благонамѣреннымъ и чуждымъ предразсудковъ. Онъ сказалъ мнѣ между прочимъ: «Я употребляю всѣ силы, чтобъ ввести въ нашихъ гимназіяхъ обученіе новымъ языкамъ, и никакъ не могу въ томъ успѣть. Дѣйствія министра просвѣщенія ограничиваются и стѣняются у насъ совѣтомъ, который состоитъ изъ безсмысленныхъ, неответственныхъ педагоговъ: они слѣпо вѣрятъ тому, что было при нашихъ дѣдахъ, и никакъ не терпятъ полезныхъ переменъ, требуемыхъ обстоятельствами и нуждами государства.» — Коллегіумы

(colléges) французскіе суть учебныя заведенія второстепенныя, то же, что гимназіи въ Германіи: молодые люди, кончившіе обученіе въ первоначальныхъ школахъ, переходятъ въ коллегіумы, и готовятся тамъ къ вступленію въ спеціальныя заведенія, т. е. въ училища медицины, юриспруденціи, политехническое и т. п., или въ университеты. Во Франціи считаются 360 коллегіумовъ, изъ которыхъ сорокъ называются королевскими, а прочіе частными (communaux). Изъ послѣднихъ двадцать устроены наподобіе королевскихъ, а остальные триста суть плохіе или посредственные пенсіоны, содержимыя частными людьми, въ которыхъ два или три неуча-учителя преподаютъ науки и искусства. — Изъ сорока королевскихъ коллегіумовъ, учрежденныхъ, во время консульства, пять находятся въ Парижѣ. Предметы обученія въ нихъ были первоначально: латинскій и греческій языки, риторика, логика, правоученіе, науки математическія и физическія. Въ 1824 году прибавлена къ тому исторія; въ 1831 естественная исторія; въ 1833 языки нѣмецкій и англійскій, но послѣдніе предметы терются во множествѣ предъидущихъ. Обученіе происходитъ во всѣхъ коллегіумахъ по одному, общему плану. До 1814 года всѣ сіи заведенія, называвшіяся тогда лицеями, были устроены на военную ногу, но соврѣмени возстановленія Бурбоновъ, получили нынѣшнюю свою организацію. Главный начальникъ каждаго коллегіума есть провизоръ; подъ начальствомъ его состоятъ цензоръ

(инспекторъ классовъ), прокуроръ, завѣдывающій письменными дѣлами, и экономъ. Обученіе поручено профессорамъ, которыхъ избираетъ министерство просвѣщенія. Надзоръ за воспитанниками имѣютъ смотрители (*maîtres d'études*), определяемые провизоромъ. Преподаваніе нравственности возложено на католическаго священника. Въ новѣйшія времена допущены и протестантскіе законоучители. Женщинамъ воспрещенъ входъ въ коллегіумы. Декретомъ 17-го марта 1808 г. предписано, чтобъ провизоръ, цензоръ и смотрители непременно были холостые. Хорошо ли это? — Во всѣхъ коллегіумахъ Франціи, раздѣленныхъ на три разряда, содержатся 1676 воспитанниковъ на счетъ казны. Испытанія учениковъ пяти парижскихъ коллегіумовъ происходятъ въ общемъ ихъ собраніи. Число призовъ, пріобрѣтенныхъ учениками, составляетъ репутацію заведенія. Родители жалуется на безсовѣстное шарлатанство провизоровъ: они отбираютъ нѣсколько отличныхъ дарованіями, богатствомъ и знатностью учениковъ, и стараются набить имъ голову, чтобъ блеснуть предъ публикою, и получить больше призовъ; объ остальныхъ же заботятся очень мало: эти выходятъ совершенными неучами. Правительство, какъ я уже сказалъ, прилагаетъ все свое стараніе объ усовершеніи народнаго воспитанія. Гизо сдѣлалъ очень много въ этомъ отношеніи. Салванди старается идти по его слѣдамъ. Кузенъ ѣздилъ въ Германію и Голландію, для узнаванія тамешнихъ системъ и способовъ народ-

наго образованія. Духовенство католическое употребляетъ все средства, чтобъ прибрать въ свои руки воспитаніе юношества, но публика тому противится, и правительство покровительствуетъ только первоначальныя школы, содержимыя монахами (*les frères ignorantins*), а въ высшихъ заведеніяхъ предпочитаетъ наставниковъ свѣтскихъ. Духовенство утверждаетъ, что оно одно можетъ дать воспитаніе нравственное, монархическое и религіозное. Ему возражаютъ: А у кого учились Вольтеръ, Рейналь, д'Аламберъ, Дидро, Робеспьерръ, Лебонъ, Эвлогій Шнейдеръ? — Вотъ, что говоритъ почтенный Карль Пюде о воспитаніи, какое получали молодые люди до революціи: «Достоинство примѣчанія, что мы были приготовлены къ этому разрушительному движенію: безтолковос воспитаніе готовило насъ, учениковъ, съ самаго младенчества ко всемъ уклопеніямъ политики, ни на чемъ не основанной. Не трудно было перейти отъ школьнаго нашего ученья къ кровавымъ спорамъ форума и къ войнѣ рабовъ римскихъ. Насъ заблаговременно пріучали восхищаться законами Ликурга и избіеніемъ тридцати афинскихъ тирановъ: только о томъ намъ и твердили. Старшіе изъ насъ рассказывали намъ, что наказуемъ новыхъ происшествій, о призывѣ за историческое сочиненіе спорили, по примѣру Сенеки оратора, два молодые студента: одинъ хвалилъ Брута старшаго, другой младшаго. Не знаю, кто изъ нихъ одержалъ верхъ въ глазахъ судей, отцеубійца или дѣтоубійца, но побѣдоносный ораторъ

былъ ободренъ королевскимъ интендантомъ, похваленъ губернаторомъ, обласканъ первымъ президентомъ и увѣнчанъ архіепископомъ. На другой день вспыхнула революція. Вся изумилась, какъ будто не знали, что она подготовлена воспитаніемъ народа. Если бъ возобновилась мода этихъ педантскихъ диспутовъ, и надлежало рѣшить, кто болѣе содѣйствовалъ къ ниспроверженію древняго монархическаго ученія, Вольтеръ или Руссо, признаюсь, я бы очень затруднился выборомъ, но не скрылъ бы, что Титъ-Ливій и Тацитъ имѣли значительное въ томъ участіе. Въ этомъ свидѣтельствъ, философія XVIII вѣка не можетъ отказать Иезуитамъ, Сорбоннѣ и Университету.»

Вечеръ провелъ я, съ милымъ Вильменомъ, въ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Contade. Онъ предлагалъ мнѣ посѣтить извѣстнаго философа и писателя, аббата Ботена (Bautin), но я долженъ былъ отъ этого отказаться. Дорога жестоко меня утомила, а при свиданіи и въ бесѣдѣ съ такимъ человѣкомъ надлежитъ пользоваться всѣми своими тѣлесными и умственными силами. Нагулявшись досыта, я воротился въ гостиницу, уложилъ свои вещи, простился съ новымъ знакомцемъ, и заснулъ богатырскимъ сномъ, велѣвъ разбудить себя въ пять часовъ утра, ко времени отправленія дилижанса.

XXV.

Вывѣздъ изъ Франціи. Герцога Ангенскій. Таможня. Немецкія деньги. Спутница. Видъ Германіи. Сравненіе съ Франціею. Баденъ. Игорные дома. Рейфъ.

Подъѣхавъ къ мосту, наведенному чрезъ Рейнъ, дилижансъ остановился. Къ дверцамъ подошелъ французскій унтеръ-офицеръ, принялъ наши паспорта, и возвратилъ ихъ чрезъ четверть часа. Бичъ хлопнулъ, лошади поскакали по длинному мосту. Этотъ мостъ, разделяющій Францію съ Германіею, былъ свидѣтелемъ многихъ достопамятныхъ происшествій. По этому мосту, въ темную ночь, проскакалъ генераль Орденеръ, влеча съ собою жертву злобы и мести Наполеоновой, Герцога Ангенскаго. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ былъ умерщвленъ. Знаете ли истинную причину гибели Герцога, послѣдней отрасли знаменитаго рода Конде, династіи героевъ? Почему Наполеонъ не старался захватить въ свои руки кого либо изъ членовъ старшей ли-

ни, имѣвшей ближайшія права на французскій престоль? Причиною этому было личное мщеніе. Такъ какъ это обстоятельство не всеѣмъ извѣстно, то я расскажу его здѣсь. Въ 1804 году Бонапарте, готовясь протянуть руку къ французской коронѣ, и лишившись надежды склонить Людовика XVIII къ отреченію, старался привести Бурбоновъ въ ненависть и презрѣніе у Французовъ, и оскорблялъ ихъ ежедневно гнуснѣйшими клеветами въ Монитеръ и другихъ официальныхъ журналахъ. Герцогъ Ангенскій, раздраженный этимъ посягательствомъ на честь роднаго дома, послалъ первому консулу вызовъ на поединокъ, приглашая его явиться въ нейтральное мѣсто, и тамъ рѣшить дѣло оружіемъ. Шведскій Король Густавъ IV подписалъ также этотъ картель, предлагая себя въ секунданты. Получивъ вызовъ, Бонапарте пришелъ въ ярость, и въ злости своей приказалъ схватить Герцога, привезти въ Венсенскій Замокъ, и тамъ разстрѣлять. Если бъ Густавъ IV не успѣлъ уйти, и его постигла бы та же участь. Это объясненіе находится въ запискахъ, приписываемыхъ Князю Гарденбергу (*Mémoires d'un homme d'Etat*, IX, 208): оно сообщено было Шведскимъ Королемъ одному знаменитому путешественнику въ Италиі.

Дилижансъ остановился въ городкѣ Кель, у таможи, расположенной въ небольшомъ домикѣ, по правую сторону дороги. Пассажиры вышли. Явились таможенные досмотрщики, стали съ имперіала наши сундуки, токи, чемоданы, мѣшки, картонны, шкатулки, и начали рыться. Мои вещи при-

везены были заранѣе, и лежали внизу. Имѣя нѣсколько минутъ времени, я подошелъ къ берегу Рейна, и посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на Францію, которой конечно ужъ въ жизни не увижу. Вдали чернѣлся Страсбургъ съ своею испанскою башнею. Надъ нимъ носился темносѣрый туманъ, какъ испареніе сплетней провинціального города. Я оставлялъ самую Францію безъ сожалѣнія: она меня разочаровала, оскорбила въ священнѣйшихъ чувствахъ, какія человекъ питать можетъ. Жаль, искренно жаль было мнѣ разставаться съ двумя, много тремя, друзьями, но они были друзья русскіе; я зналъ ихъ въ Петербургѣ, и точно съ такимъ же удовольствіемъ сошелся бы съ ними въ Коль или въ Нижне-Камчатскѣ, какъ въ rue Rivoli или въ rue Thiboux. Между тѣмъ, какая-то невѣдомая, неопредѣлимая тоска защемила мое сердце: откуда въхалъ, я зналъ, а куда, извѣстно было Провидѣнію. Простите, милые друзья мои! сказалъ я наконецъ, и принудилъ себя воротиться къ таможи. Что жъ? Досмотръ уже кончился: господа досмотрщики разглядѣли верхнюю поклажу, а нижней и не касались. Вещи мои остались нетронутыми, неразбитыми, какъ уложила ихъ вѣрная и искусная рука моего египетскаго ветерана. И такъ я могу проѣхать до Кенигсберга, и ни какая таможенная застава меня не коснется. Дай Богъ многія лѣта Королю Фридриху Вильгельму III! Теперь, сказываютъ, правительства Германіи занимаются еще однимъ важнымъ предметомъ: уравненіемъ и установленіемъ одной

общей монетной системы. Нынѣ же нѣмецкія деньги приводятъ въ отчаяніе всякаго путешественника. Въ Гамбургѣ спрашиваютъ съ васъ, напримѣръ, двѣ марки. Вы дадите какой-то талеръ, съ колоссальнымъ изображеніемъ дроби $\frac{2}{3}$, и требуете сдачи. Нѣтъ-съ! отвѣчаютъ вамъ: извольте приложить еще одинъ шиллингъ; въ этомъ талерѣ только 31 шиллингъ, а въ двухъ маркахъ должно быть 32. Во Франкфуртѣ вы платите монетою, на которой изображено: 20 крейцеровъ; вамъ сдають четыре, потому что эти 20 значать 24. Въ Берлинѣ прислушайтесь къ тому, на какіе гроши вамъ предлагаютъ товаръ: добрыхъ грошей въ талерѣ 24, а серебряныхъ 30. Я оканчивалъ курсъ нѣмецкой провинціальной нумисматики обыкновенно наканунѣ моего отъезда, а дотолѣ, покупая что нибудь въ лавкѣ, обыкновенно высыпала на прилавокъ все мои деньги, и говорилъ купцу: возьмите, сколько слѣдуетъ. Онъ бралъ должную сумму, объясняя мнѣ, сколько ему причитается и почему онъ принимаетъ деньги, а я, забирая остальное, думалъ: толкуй большой съ подлекаремъ! Впрочемъ, въ чужихъ краяхъ рѣдко можетъ случиться, чтобъ васъ обсчитали въ лавкахъ. Другое дѣло при сборахъ пошлины, акциза, и т. п. Тутъ иногда случаются *ошибки* не въ пользу плательщика. Въ Лондонѣ, напримѣръ, добрый мой пріятель Алманъ, показывая мнѣ разныя достопамятности, между прочимъ повелъ меня на великолѣпный Мостъ Соутваркскій, на которомъ берутъ по 6 пенсовъ мо-

стовой подати съ чelовѣка. Онъ подошелъ къ будкѣ, кинулъ на столѣкъ гинею, и потребовалъ сдачи. Сторожъ въ ту же минуту выдалъ ее шиллингами. Я просто положилъ бы ихъ въ карманъ и пошелъ; но Алманъ преспокойно пересчиталъ ихъ на столѣкъ, и доказалъ, что ему не додано одного. Сторожъ извинился и доплатилъ. «Я хотѣлъ вамъ доказать при семъ случаѣ, примолвилъ мнѣ Алманъ по-французски: что эти мелкіе чиновники вездѣ воруютъ, и въ дикой Турціи, и въ просвѣщенной Англии. Жена и дѣти— вотъ ихъ извиненіе.»

Обрадовавшись счастливому окончанію моихъ таможенныхъ дѣлъ, я сталъ разсчитывать одному спутнику, сколько разъ досматривали, и сколько будутъ досматривать вещи.—«А куда вы ѣдете?» спросила одна востроглазая пассажирка страсбургскимъ нарѣчіемъ, по-французски. Въ Турцію! отвѣчалъ я (*).—«Ахъ, въ Турцію, какъ это мило! подхватила мамзель. Какъ бы я желала съѣздить въ Турцію.»—«Зачѣмъ же дѣло стало?» спросилъ я.—«Да не съ кѣмъ ѣхать. Если бы кому вздумалось увезти меня!»—«Если угодно, отвѣчалъ я, то я съ удовольствіемъ это сдѣлаю. Вы ѣдете въ Баденъ, не такъ ли?»—«Точно такъ-съ.»—«Я тоже. Сообщите мнѣ названіе гостиницы, въ которой вы намѣрены остановиться, и номеръ комнаты: завтра утромъ, въ шесть часовъ, я посту-

(*) Я дѣйствительно имѣлъ намѣреніе воротиться домой чрезъ Венгрію и Молдавію.

чусь у вашихъ дверей, и посажу васъ съ собою въ дилижансъ.» — «Согласна!» отвѣчала она со смѣхомъ, къ забавѣ всей компаніи. «А какое право имѣете вы увозить нашихъ дѣвицъ?» спросилъ одинъ прѣвеселый толстякъ. — «Самое законное, отвѣчалъ я: во-первыхъ, мнѣ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, и конечно ни одна со мною не побѣдетъ; во-вторыхъ, я сочиняю романы, и волею увозить, выдавать замужъ, оставлять въ дѣвичество, награждать, наказывать, даже отправлять на тотъ свѣтъ, кого мнѣ угодно!» Общій, дружнѣй хотѣть отвѣчалъ хорошею на мои доказательства.

Дилижансъ нашъ остановился въ деревнѣ Бишофсгеймъ. Я восхитился давно невиданною картиною: мнѣ представилась декорация сельской нѣмецкой драмы. Домики чистые, большею частію мазапки, недавно выбѣленные, окруженные зеленымъ насажденіемъ; садики наполнены цвѣтами и плодовыми деревьями. Виноградныя лозы вьются вверхъ по стѣнамъ. Изъ-за чистыхъ стеколъ выглядываютъ милостивыя личики. На распутии стоитъ изваянное изъ камня, колоссальное распятіе. Порядочно одѣтые крестьяне важно расхаживаютъ по улицамъ съ трубкою во рту, и привѣтливо кланяются знакомому почтиліону. — Прекрасная, благословенная Германія! Я опять тебя увидѣлъ, я опять посреди твоихъ добрыхъ гражданъ и поселянъ, посреди ихъ привѣтливыхъ женъ, посреди романтическихъ дѣвъ съ голубыми глазами, умильною улыбкою и стихомъ Шиллера въ устахъ! Мнѣ и воздухъ казался здѣсь инымъ:

въ немъ носились мелодіи Моцарта; въ ручьи водъ шептали стихи Уланда. Слава Богу, я на свободѣ! На свободѣ? спросите вы: на свободѣ, выхавъ изъ Франціи, которая величаетъ себя странною свободы по превосходству? — Точно такъ! Я не обмолвился: въ Германіи я на свободѣ, подѣ покровительствомъ законовъ, свято чтимыхъ, подѣ властію правительствъ благоустроенныхъ. Во Франціи Богъ сдѣлалъ все для изобилія и счастья людей, а люди все исковеркали, перепортили. Что это за свобода, гдѣ честь моя, доброе имя, кредитъ и все достойное зависятъ отъ произвола перваго мерзавца, которому вздумается очернить, оклеветать меня въ газетахъ (*); гдѣ

(*) Непріятность этой систематической лжи и клеветы испыталъ я на самомъ себѣ. Меня раздражали и бѣсили, во Франціи, нелѣпыя и глушыя толки о Россіи, гнусныя на нее клеветы, печатаемыя въ журналахъ почти ежедневно. И благонамѣренныя статьи о Россіи наполняются самыми вздорными толками, и показываютъ въ авторахъ совершенное незнаніе предмета, о которомъ они пишутъ. Сидя однажды у госпожи Конрадъ, я пробѣгалъ статью о Россіи, написанную Г. Лѣве-Веймаромъ, и напечатанную въ іюльской книжкѣ *Revue des Deux Mondes*, сердился и негодовалъ на автора: съ самымъ добрымъ намѣреніемъ говорить онъ о Россіи самыя смѣшныя небылицы, спотыкается на каждомъ шагѣ. Я сообщилъ замѣчанія мои госпожѣ К. «Кто жъ этому виноватъ?» возразила она. Вы сами, господа Русскіе. Мы, жители Парижа, ничего не знаемъ о томъ, что дѣлается въ Россіи. Для чего вы не пишете?» — «Да стоитъ ли возражать на нелѣпости, ска-

суды не имѣютъ силы охранить честь гражданина, и гнусные, богопротивные поединки рѣшаютъ дѣла въ высшей инстанціи; гдѣ у добрыхъ

заль я, и у кого станеть на то силы?» — «Не возражать на нелѣпости, а предупреждать ихъ, распространяя истинныя и вѣрныя понятія о Россіи. Вы, напримѣръ, Н. И., занимаясь безпрестанно литературою и успѣхами наукъ, могли бы сообщать по временамъ, хотя бы однажды въ три мѣсяца, отчеты о томъ, что дѣлается въ Россіи: говорить просто, что у васъ предположено, предпринято, исполнено; какія мѣры принимаетъ правительство для распространенія благосостоянія государства, для успѣховъ образованія, и почему оно поступаетъ такъ, а не иначе; что дѣлаютъ подданные въ наукахъ и искусствахъ; какіе появляются таланты; какія выходятъ книги, и т. д. Эта правда могла бы предупредить много толковъ. Политику въ сторону.» — «Вы правы, отвѣчалъ я, да по-Французски то я не гораздъ писать!» — «Пишите по-Русски, сказала она, я буду переводить.» — «Прекрасно! отвѣчалъ я, принимаю ваше предложеніе, и охотно предоставлю вамъ все выгоды.» — «И такъ вы исполните это непременно.» — «Нѣтъ! не непременно: въ званія Русскаго, въ званія чиновника, состоящаго въ государственной службѣ, я не могу вести заграничной переписки безъ соизволенія моего начальства. Пріѣхавъ въ Петербургъ, буду просить о томъ.» — «Очень хорошо, сказала она: но надобно печатать эти статьи въ журналахъ, которые читаются вездѣ и многими. Напримѣръ, въ Journal des Débats или въ Revue des Deux Mondes.» — Я отправился къ редакторамъ этихъ журналовъ, и спросилъ ихъ, стануть ли они принимать статьи, написанныя въ этомъ духѣ. Они, особен-

и благомыслящихъ связаны руки, а дѣйствуютъ и торжествуютъ тѣ, которымъ потерять нечего; гдѣ правительство, въ самыхъ благонамѣренныхъ своихъ начинаніяхъ, должно спрашивать: что скажетъ объ этомъ такой-то негодяй, располагающій общимъ мнѣніемъ въ журналъ (*); гдѣ чиновники не знаютъ, будутъ ли они завтра на своихъ мѣстахъ; гдѣ военные, послышавъ тревогу, спрашиваютъ: «за кого драться? кого защищать?» гдѣ выгоды вещественныя, матеріальныя, денежныя взяли верхъ надъ всемъ благороднымъ, великимъ и священнымъ! Въ сотый разъ повторю: во Франціи есть люди почтенные, благородные, великіе; есть сердца, которыя бьются за Бога, за отечество, за правду и за честь;

но Г. Булозь, издатель Revue, отвѣчали, что примутъ ихъ съ удовольствіемъ и благодарностью. Тѣмъ дѣло и кончилось. На другой день выѣхалъ я изъ Парижа. — Въ Берлинѣ взялъ я въ руки одну парижскую газету, и узналъ изъ нея, что наше правительство поручило мнѣ писать о Россіи, и что оно платитъ госпожѣ Конрадъ за переводы. Эта небылица была составлена и разглашена врагами редакцій упомянутыхъ мною журналовъ, чтобъ помѣшать имъ и заранѣе поселить въ публикѣ недоувѣренность къ статьямъ, которыя они будутъ печатать. А если бъ они знали, какъ мало наше правительство обращаетъ вниманія на ихъ нелѣпые толки и лжи!

(*) Я замѣтилъ, что только два лица въ Парижѣ не подвергаются клеветѣ: это нынѣшня Королева и нашъ посолъ, Графъ П. П. Палейнъ.

есть души возвышенныя надъ прахомъ и тлѣніемъ: но все вообще, въ массѣ, представляетъ хаосъ зловредныхъ веществъ, kloкочущій во внутренности сонки, предъ ея изверженіемъ, и въ это время прогуливаться по ея поверхности, можетъ быть, очень интересно, но отнюдь не забавно. Въ Германіи также пишутъ много вздору, также пытаются поколебать существующее, но Нѣмцы похожи на свой прекрасный Рейнъ: бурлятъ и шумятъ въ молодости, протекаютъ по прекрасной странѣ въ срединѣ жизни, и наконецъ разливаются въ ничто. Есть пожилые люди и старики съ странными и несбыточными идеями, которыя они стараются распространять печатаніемъ; но эти неистовые въ газетахъ писатели, сами не въ состояніи убить клопа, и плачутъ съ умиленія, услышавъ мелодію отечественную: *Ach du mein lieber Augustin!* Есть молодые крикуны и буяны, которые, отпустивъ себѣ усы и бороды, и развѣсивъ уши, хотятъ поглотить весь міръ. Дайте сроку: пройдетъ года четыре; нашъ либераль получилъ мѣсто пастора, женился на своей Аугустѣ, сидитъ съ трубкою во рту передъ каминомъ, прихлебываетъ бурое пиво, вспоминаетъ о бурныхъ дняхъ молодости, и повторяетъ любимую нѣмецкую поговорку: *«Ja, ja, so geht es in der Welt!*

Въ первомъ часу пріѣхали мы въ Баденъ-Баденъ, самое прелестное мѣсто, какое только существовать можетъ. Онъ лежитъ въ долину, образуемой Шварцвальдомъ, и извѣстенъ быть уже

Римлянамъ подъ названіемъ: *Civitas aurelia aquensis*. Окружающія его горы невысоки, мѣстами отлоги, покрыты лѣсомъ и чрезвычайно разнообразны. При самомъ въѣздѣ въ долину, чувствуешь дыханіе благотворнаго, теплаго воздуха. Съ обѣихъ сторонъ представляются очаровательные виды: съ лѣвой красуются свѣтлозеленые виноградники, позади ихъ чернѣются сосны; посреди ихъ утесы и развалины древняго замка Бадена; по правую руку тянутся луга и пашни, въ разноцвѣтномъ убранствѣ, и горы, покрытыя дубомъ и букомъ; въ срединѣ, въ просторномъ мѣстѣ долины, лежитъ Баденъ, съ замкомъ и башнями; вдали видѣются высочайшія вершины Шварцвальда. Долина пересѣкается множествомъ чистыхъ, прохладительныхъ ручейковъ. Растительность самая тучная и свѣжая. Воды Баденскія чрезвычайно полезны въ болѣзняхъ золотушныхъ, въ застарѣлыхъ язвахъ, ревматизмѣ, ломотѣ, лишаихъ, также въ засореніи желудка.

Остановившись въ гостиницѣ, я попринярдился, и пошелъ въ садъ, въ общую аллею. Вы думаете, что я встрѣтилъ множество больныхъ, страждущихъ, печальныхъ? Отнюдь нѣтъ! Все люди веселые, здоровые, охотники пожить и повеселиться. Дамы, въ изящномъ утреннемъ нарядѣ, мужчины, въ легонькихъ сертучкахъ, толпами прогуливаются по широкой аллее. Разноязычныя фразы носятся въ воздухѣ: *Une belle entreprise, ma foi! — Do you speak german! — Padam do nog! — Cogro di Vacco! — Экуте, машерочка! —*

Schnsüchtsvoll und gemüthlich! Sinnig und großartig. — C'est embêtant. — Ба, ба, ба, Сергій Сергичъ! И вы въ Баденъ? Давно ли? — — По сторонамъ аллеи разставлены шалаши, въ которыхъ продаютъ всякіе товары, преимущественно дамскіе. За небольшими столиками сидятъ шварцвальдскіе мужички, и ножами вырѣзываютъ очень искусно разныя набалдашники. Посреди сада возвышается великолѣпный и красивый домъ, въ которомъ помѣщаются ресторація, кофейня и общественыя залы, т. е. игорныя дома. Не понимаю этой страсти! Люди умные, образованные, благовоспитанные въ состояніи проводить несколько часовъ въ жару, въ духотѣ, вокругъ зеленого стола, и съ жадностью смотрѣть, куда ляжетъ карта, или куда падетъ шарикъ рулетки. Я подошелъ къ одному петербургскому знакомцу, и послѣ обыкновенныхъ первыхъ привѣтствій, спросилъ, что онъ дѣлаетъ. «Занимаюсь высшею математикою, отвѣчалъ онъ серьезно: наблюдаю ходъ игры, и вывожу теорію, основанную на самыхъ вѣрныхъ исчисленіяхъ.» — «А что это тебѣ стоитъ?» — «Спустилъ, правда, порядочно, но результаты моихъ опытовъ очень важны, и я писалъ матушкѣ, въ Пензу, чтобы она еще прислала денегъ.» — Самая вѣрная математика въ этихъ играхъ есть та, что содержатели платятъ за нихъ значительный откупъ въ казну, и, сверхъ того, сами наживаются. Слѣдственно потеря всегда на сторонѣ понтеровъ. Ис-

ключенія рѣдки и состоятъ изъ бездѣлицъ; но проигрыши бываютъ значительные.

Мнѣ предстояло въ этотъ день большое удовольствіе: расхаживая по аллеѣ, кланяясь знакомымъ, я вдругъ увидѣлъ стариннаго, искренняго пріятеля моего, Филиппа Ивановича Рейфа, съ которымъ мы дружны, какъ грамматика съ лексикономъ. И онъ мнѣ очень обрадовался: онъ поджидалъ меня на Рейнѣ, зналъ, что я туда пріѣду. Мы обходили съ нимъ весь ближайшій мѣста Бадена, восхищались прелестными видами, и толковали о Петербургѣ и о друзьяхъ своихъ. На поворотѣ одной аллеи, встрѣтилась съ нами моя страсбургская знакомка, разодѣтая куколкою, въ сопровожденіи двухъ другихъ дамъ, и спросила: «Что жъ Турція?» — Я готовъ, отвѣчалъ я: извольте пожаловать адресъ. — «Не премину!» — Мы отобѣдали съ Рейфомъ за общимъ столомъ, при звукахъ разныхъ тостовъ, при хлопаньи шампанскихъ пробокъ, при вавилонскомъ смѣшеніи всѣхъ возможныхъ языковъ: не видали мы толъко одного — большихъ: они таятъ въ уединенныхъ комнатахъ, и развѣ, въ среднихъ выздоровленія, являются въ публику. Впрочемъ, говорятъ, что въ нынѣшнемъ году здѣсь гораздо меньше посетителей, нежели сколько бывало прежде. Нынѣ въ большой модѣ Киссингенъ.

Послѣ обѣда продолжали мы свою прогулку, и вдругъ въ одной аллеѣ увидѣли почтеннаго лейбмедика Г. Крейтона, съ супругою и дѣтьми. Удовольствіе неописанное! Мы заговорили о Петер-

бургъ, о нашихъ общихъ знакомыхъ, и я не видалъ, какъ протекло время. Смерклось. Госпожа Крейтгонъ пригласила насъ къ себѣ на чай. Тамъ, въ миломъ кругу добрыхъ, умныхъ образованныхъ людей, бесѣдуя по-русски, о Россіи, обо всемъ, что мило и дорого сердцу, я отвелъ душу, и уже поздно, очешъ поздно ихъ оставилъ.— Рейфъ сказывалъ мнѣ, что частоупоминаемая страсбургская дѣвица раза три проходила по аллеѣ мимо насъ, и выжидала возобновленія бесѣды, но я — неблагодарный — измѣнилъ ей, не видалъ ея, не слышалъ даже шороха ея платья, который играетъ важную роль во всѣхъ романахъ!

Поутру пришелъ ко мнѣ добрый Рейфъ, и помогъ мнѣ въ великомъ дѣлѣ — уложить мои вещи въ чемоданъ. Эта исторія самая неприятная въ путешествіи, особенно для человѣка, избалованнаго усердною домашнею прислугою. Спутница моя не являлась, и такъ ровно въ шесть часовъ я отправился — не въ Константинополь, а въ Карлсруэ.

XXVI.

Видъ Карлсруэ. Правильность. Гостиница. Гайцингеры. Сеймъ Баденскій. Театры. Политехническая школа. Паторная дорога. Гейдельбергъ. Вейнгеймъ. Дармштадтъ. Франкфуртъ на Майнѣ. Воспоминанія. Дюранъ. Реморъ. Картинная галерея.

Вы не можете себѣ вообразить города правильнѣе и оригинальнѣе Карлсруэ! Центръ его состоитъ изъ герцогскаго дворца, отъ котораго идутъ радіусы во всѣ стороны. Одна половина круга, описаннаго вокругъ центра, занята городомъ, въ которомъ эти радіусы, пересѣченные прямыми линіями, составляютъ улицы; другая половина состоитъ изъ сада, въ которомъ расположены аллеи точно такимъ же образомъ. На одной площади, посреди города, въ прямой линіи отъ дворца, стоитъ пирамида, въ которой погребено тѣло Маркграфа Карла, основателя сего города. Здѣсь былъ, до начала XVIII вѣка, густой лѣсъ. Маркграфъ Карлъ (1715 г.), забав-

ляясь там охотою, заснул на этомъ мѣстѣ вечеромъ, утомленный преслѣдованіемъ вепря. Пропутившись на восходѣ солнца, онъ восхитился прелестнымъ мѣстомъ, и положилъ основать тутъ городъ. Сказано, сдѣлано. Жаль только, что вѣщій сонъ попалъ на Маркграфа не ближе къ Рейну. Карлеруэ лежитъ на безводной равнинѣ, и отъ того много терпитъ. Если бъ въ немъ не было резиденціи Великаго Герцога, онъ давно бы пришелъ въ заустыніе. Недостатокъ водянаго сообщенія причиняетъ въ немъ дороговизну первыхъ потребностей жизни. Жары бываютъ несносныя. Жители указываютъ вамъ куда идти, не называя улицъ: говорятъ: этотъ домъ чрезъ три, чрезъ четыре квадрата отсюда. Точно шахматная доска, по которой движутся пѣшки и слоны. Только ладьямъ нѣтъ ходу.

Пріѣхавъ въ Карлеруэ, я остановился въ прекрасной, чистой гостиницѣ Золотаго Креста (zum goldenen Kreuz), насупротивъ почтоваго дома. Гостиницы германскія, и въ самомъ незначительномъ городкѣ, отличаются удобствомъ, опрятностію и изяществомъ. У воротъ встрѣчаетъ васъ главный прислужникъ (Oberkellner), родъ хозяйскаго начальника штаба, и отводитъ вамъ квартиру. Чрезъ четверть часа является миловидная дѣвушка, приноситъ чистую воду въ ручнойникѣ, полотецѣ, перестилаетъ постель, и спрашиваетъ, не угодно ли вамъ чего. Кофе податотъ въ фалисовыхъ кофейникахъ; сахаръ на маленькихъ блюдечкахъ, мелкими кусочками, какъ бы для за-

бавы дѣтямъ. Нѣтъ уже тѣхъ огромныхъ кусковъ, которыми подають его во Франціи! За то бѣлый хлѣбъ и булки въ Германіи гораздо нѣжнее и вкуснѣе французскихъ. Я въ самомъ Парижѣ, въ лучшихъ рестораціяхъ, негодовалъ на тамошній хлѣбъ: это какой-то печеный клейстеръ. Еще трудно привыкать въ Германіи къ раннимъ обѣдамъ. Въ Англійи обѣдаютъ въ семь часовъ; во Франціи въ шесть; въ Германіи, начиная съ Страсбурга, въ часъ! Лучше всего въ Берлинѣ: тамъ обѣдаютъ въ три часа — ни рано, ни поздно.

Первый мой выходъ былъ къ Гайцингеру. И онъ, и жена его обрадовались мнѣ, какъ искреннему, давнишнему пріятелю. Не было конца распросамъ о Петербургѣ, о тамошнихъ знакомыхъ и друзьяхъ. У г-жи Гайцингеръ, отъ перваго мужа, двѣ прекрасныя дочки, Луиза 17-ти и Адольфина 16-ти лѣтъ, обреченныя на службу Мельпомень и Талии. Старшая уже играла въ Бреславлѣ, и съ большимъ успѣхомъ. Я смотрѣлъ на нихъ съ чувствомъ унынія и сожалѣнія. Милыя существа, созданныя для того, чтобъ любить и быть любимыми, чтобъ быть добрыми женами и нѣжными матерями — должны выступить на позорище предъ праздною неблагодарною толпою, представлять лица, которыя имъ чужды, выражать чувствованія, которыя имъ неизвѣстны! Счастье ихъ, если онѣ одарены талантомъ: онѣ возвышаютъ человека надъ мглою низкихъ страстей, а если онѣ созданы не для сцены — какаѣ судьба ихъ ожидаетъ! Неизмѣнные законы при-

роды и нелыпыя повѣрья и обычаи общества чело-
вѣческаго вѣчно между собою въ раздоръ! —
Здѣсь видѣлъ я, и не въ первый разъ, какъ лю-
бить Россію и Русскихъ благородные иностран-
цы, посѣщавшіе наше отечество. Съ какимъ вос-
торгомъ благодарности, эти артисты говорили о
Петербургѣ, съ какимъ участіемъ слушали мои
разказы о томъ, что случилось у насъ послѣ
ихъ отъѣзда! Кончина К. Я. Булгакова оплаки-
вается всеми виртуозами и артистами, бывавши-
ми въ Петербургѣ. — Въ гостиной Гайцингера ви-
сятъ портреты нашего Государя и Государыни;
въ кабинетъ его русскія иконы, въ серебряныхъ
окладахъ!

Послѣ обѣда вздѣлъ я съ Гайцингеромъ по
прекраснымъ гульбицамъ, окружающимъ Карлс-
руэ, и былъ въ засѣданіи Баденскихъ Земскихъ
Чиновъ (Landstände). Засѣданія происходятъ въ
большой полукруглой залѣ, расположенной на-
подобіе Французской Палаты Депутатовъ. Въ этотъ
день толковали о предложеніи одного члена устро-
ить пристань на Боденскомъ, или Констанцскомъ
Озерѣ. Долго разсуждали и спорили; наконецъ
рѣшили, что устроить ее должно. Тогда ми-
нистръ внутреннихъ дѣлъ (Г. Винтеръ), сидѣв-
шій дотолѣ спокойно на своемъ мѣстѣ, и слуша-
вшій рѣчи, улыбаясь и повертывая своею золо-
тою табакеркою, всталъ, обратился къ собранію
и сказалъ прехладнокровно: «Все это очень умно
и справедливо, только у насъ на это денегъ нѣтъ.»
Тѣмъ споры и кончились. Мнѣ указали въ собра-

ніи на двухъ извѣстнѣйшихъ членовъ оппозиціи,
профессоровъ Велькера и Роттека. Первый изъ
нихъ челоѣкъ живой, безпокойный, съ острымъ
взглядомъ и насмѣшливою улыбкою, невысокій
ростомъ, рыжеватый; послѣдній — небольшой
старичекъ, съ виду простодушный и кроткій: из-
рѣдка просверкиваетъ въ его глазахъ искра ума
и таланта. Впрочемъ въ Баденской Палатѣ дѣла
идутъ гораздо приличнѣе, тише и благороднѣе,
нежели во Французской, и даже въ Англійскомъ
Парламентѣ. Ораторы говорятъ тихо, внятно,
учтиво; прочіе члены слушаютъ ихъ внимательно.
Здѣсь нѣтъ оппозиціи систематической, то есть
такой, которая всегда и во всякомъ случаѣ про-
тивится министерству: члены здѣшней оппозиціи
очень часто соглашаются съ министерствомъ, и
бываютъ въ разладѣ между собою. При всемъ
томъ, представительное правленіе вездѣ есть толь-
ко кукольная комедія, и ни мало не способствуетъ
благу государства, ослабляя и останавливая дѣй-
ствія правительства, и самыя благія, на каждомъ
шагу. Должно замѣтить, при наблюденіи всякаго
парламента, палаты депутатовъ и т. п., что въ
нихъ имѣетъ большую силу краснорѣчіе минут-
ное, быстрое, импровизированное, острая насмѣш-
ка. Могутъ ли дѣла государственныя идти успеш-
но, когда самыя благонамѣренные проекты зако-
новъ, глубоко обдуманые, основательно состав-
ленные знающими и опытными чиновниками, мо-
гутъ быть уничтожены одною колкою эпиграм-
мою какого нибудь оппозиціоннаго остряка, ко-

торый о существъ дѣла не имѣеть ни малѣйшаго понятія! Прибавьте къ тому, что большая часть членовъ такихъ собраній состоитъ изъ адвокатовъ, т. е. цеховыхъ говоруновъ, софистовъ, которыхъ вся жизнь посвящена искусству представлять черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. А еще подкупы? а личныя выгоды? а зависть къ людямъ, занимающимъ выгодныя мѣста? а невѣжество многихъ членовъ, не имѣющихъ, по воспитанію и званію своему, ни какого понятія о дѣлахъ государственныхъ?

Вечеромъ былъ я въ театрѣ, и видѣлъ игру знаменитой вѣнской актрисы Шрёдеръ, бывавшей у насъ, въ Петербургѣ. Театръ тѣсенъ и неопрятенъ. Въ немъ достойно примѣчанія то, что передняя завѣса не поднимается, а раздвигается въ обѣ стороны, и что женщины сидятъ въ креслахъ и въ партерѣ, а мужчины въ ложахъ! Странно! Впрочемъ, вообще во всей Германіи дамы ходятъ въ кресла (*stalles, gesperrte Sisse*) и въ партерѣ, ходятъ и возвращаются пшikomъ, безъ провожатыхъ. Театръ въ Германіи не есть публичное торжище, *foir*, какъ во Франціи, гдѣ и актеры и зрители дѣйствуютъ на позорщѣ: здѣсь это тихое, какъ бы семейственное собраніе, въ которомъ (въ некоторыхъ городахъ) дамы пьютъ чай и вяжутъ чулки (*).

(*) Въ Германіи способствуетъ частому посещенію театровъ чрезвычная дешевизна мѣстъ. Въ Берлинѣ за билетъ въ кресла платятъ талеръ (360 коп.) въ Дрезденѣ 20 грошей (3 рубля), въ Прагѣ 40 крейцеровъ (160 копѣекъ)!

На другой день посетилъ я здѣшнюю политехническую школу, заведеніе отлично хорошее, и былъ на экзаменъ въ разныхъ классахъ. Но это должно составить статью въ общей картинѣ народнаго обученія въ Германіи, которымъ я занимаюсь съ особеннымъ тщаніемъ.

Изъ Карлсруэ поѣхалъ я во Франкфуртъ, знаменитою нагорною дорогою (*Bergstraße*). Она идетъ вдоль по уступу Шварцвальдскихъ Горъ: вправо ограничивается небольшимъ возвышеніемъ, покрытымъ виноградниками; влево простирается отъ нея отлогая покатошь къ Рейну, устланная виноградными садами, зрѣлыми пашнями, тучными лугами. Самая дорога освѣнена большими ореховыми деревьями, каштанами и тополями. Вездѣ движеніе, дѣятельность, довольство. Деревни красивы и опрятны. Крестьяне веселы и приветливы. Баденское Великое Герцогство благоденствуетъ подъ правленіемъ своего Государя, котораго все хвалятъ за кротость, правосудіе и народолубіе. Супругу его, Великою Герцогиню Софію, урожденную Принцессу Шведскую, народъ обожаетъ. Портретъ ея красуется вездѣ, и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Фамилія Великаго Герцога, сказываютъ, достойна такихъ родителей. И какая земля! Рай земной, климатомъ, мѣстоположеніемъ, обиліемъ плодовъ земныхъ. Когда подумаешь, что ту сторону, за Рейномъ, величаютъ *la belle France!* Славы бубны за горами!

Собственная нагорная дорога начинается у Гейдельберга, и оканчивается при Дармштадтѣ.

Гейдельбергъ, живой, красивый городокъ, лежитъ у подошвы описаннаго мною возвышенія, которое, какъ гласитъ преданіе, въ древнія времена было берегомъ огромнаго озера, простиравшагося отсюда до Вогезскихъ Горъ. Въ этой сторонѣ обиталъ-де злой чародѣй, и много вредилъ прибрежнымъ жителямъ. Тамошній царь, наконецъ, поймалъ его и заперъ въ вислчюю тюрьму, въ которой онъ не могъ касаться земли: съ той поры волшебство его кончилось. Чародѣй молилъ цари выпустить его на волю, обещая за то превратить озеро въ плодородную землю. Царь исполнилъ его просьбу, и вода озера стекла подъ землю при Бингенъ, въ такъ называемую бингенскую пропасть (Wingerloch). Сказка сказкою, а вѣроятно, что эта низменная равнина некогда была дномъ озера: тучная, болотистая земля подлѣ Рейна, песчанья равнины при Дармштадтѣ, говорятъ въ пользу этого предположенія. Я провѣлъ въ Гейдельбергъ не болѣе часу: любовался прекрасными развалинами на среднихъ горы, бродилъ по улицамъ, видѣлъ усатыхъ и брадатыхъ студентовъ, толстыхъ, степенныхъ филистровъ. «Не пойдете ли посмотреть здѣшнюю знаменитую бочку?» спросилъ у меня спутникъ. — «Увольте,» отвѣчалъ я: въ Лондонѣ видѣлъ я пивоварню Трумана, и въ ней бочки, въ которыхъ можно бѣ было помѣстить весь Гейдельбергскій Университетъ съ ректоромъ и педелями. Тѣ бочки еще наполнены были портеромъ и элемъ, а это пустая, развѣ надутая трансцендентальною философіею!»

Первая стація отъ Гейдельберга находится въ городкѣ Вейнгеймъ, построенномъ на скатѣ, въ ущелии горы. Здѣсь много древнихъ остатковъ: толстыя стѣны, развалины башенъ, полузасыпанные рвы свидѣтельствуютъ, что встарину тутъ были укрѣпленія. Это мѣсто считается самымъ красивымъ и плодороднымъ по всей нагорной дорогѣ. Въ сѣверной части городка протѣкаетъ рѣчка Вешницъ. Вдоль по берегу ея извиляется тѣсная тропинка между круглыми горами; по каменнымъ стѣнамъ ихъ вытося дикія травы. — Неподалеку отсюда лежатъ развалины замка Роденштейна, знаменитаго въ тамошнихъ сказкахъ и повѣрьяхъ. Въ нихъ, говорятъ, обитаетъ кузнецъ, который, при началѣ всякой войны, съ необычайнымъ трескомъ и шумомъ, летаетъ по воздуху въ замокъ Шнеллертъ. Это рассказывалъ мнѣ пресеріозно трактирщикъ войнгеймскій, (zum Ofsen), и замѣтивъ на лицѣ моемъ признаки невѣрія, прибавилъ: «Причины этого явленія неизвѣстны, но что оно въ самомъ дѣлѣ случилось, доказано актами.» — «И напечатано?» прибавилъ я. — «За wahr!» — Ну, какъ же этому не вѣрить? Напечатано.

Близъ Бенсгейма, вправо отъ дороги, у самой подошвы возвышенія, видѣны, среди пашни, зеленый курганъ и на немъ два дерева. На этомъ мѣстѣ, въ древнія времена, Бургграфы Штаркенбургскіе творили судъ и правду. — Влѣво видно большое мѣстечко Лоршъ, съ развалинами зна-

менитаго некогда княжескаго аббатства, основаннаго въ VIII вѣкѣ. Оно сгорѣло въ 1621 году.

Нагорная дорога оканчивается, по сю сторону Дармштадта, довольно густымъ сосновымъ лѣсомъ — рѣдкость въ здѣшней сторонѣ. Дармштадтъ городъ красивый, опрятный, хорошо выстроенный, но малолюдный, тихій, скучный. Широкія улицы его поросли травою.

Въ девятомъ часу вечера въѣхалъ я во Франкфуртъ на Майнъ — незабвенный мнѣ по воспоминанію о единственномъ другѣ младенчества, юности и среднихъ лѣтъ моихъ, съ которымъ я жилъ здѣсь за двадцать лѣтъ предъ симъ. Горестныя думы объ отшедшемъ слишкомъ рано въ горнюю отчизну — волновали мою душу, когда предметы, давно извѣстные, видѣнные мною въ его обществѣ, при его бесѣдѣ, представлялись на каждомъ шагѣ глазамъ моимъ. — Я остановился въ лучшей изъ здѣшнихъ гостиницъ (Hôtel de Russie), въ улицѣ Цейль, и расположившись въ своемъ номерѣ, вышелъ на улицу, и поворотилъ направо. Уже смеркалось. Вотъ старинная гауптвахта съ двумя пушками; вотъ церковь Св. Екатерины. Вотъ театръ; влѣво отъ него аллея, и на этой аллее домъ, въ которомъ мы жили. Вызолоченный конь (въ вѣска гостиницы) освѣчивается при блескѣ фонарей. Въ окнахъ бывшихъ нашихъ комнатъ, свѣтъ и движеніе. Войду. Зачѣмъ? Кто меня тамъ узнаетъ? А если бѣ кто и узналъ, это не тотъ, котораго я ищу. Съ глубокимъ вздохомъ обратился я въ другую сторону, ходилъ, ходилъ

одинъ съ грустными своими мечтаніями по утихавшимъ улицамъ Франкфурта, и не прежде воротился домой, какъ утомившись до крайности. И тутъ долго не могъ я заснуть: прошедшее, въ умилительномъ свѣтѣ лучей нездѣшняго міра, представлялось моему воображенію. Милыя тѣни почившихъ поселись предо мною, и съ горестною улыбочкою манили меня къ себѣ. . . . Буду! буду!

— — — На другой день пошелъ я въ домъ нашего посольства, и, къ крайнему моему сожалѣнію, не нашелъ посланника нашего, П. Я. Убри: онъ въ Эмсѣ со всемъ своимъ семействомъ. Между тѣмъ, секретарь посольства, Г. Струве, встрѣтилъ меня очень привѣтливо, и сдѣлалъ все, что могъ, по моему желанію. Отъ него пошелъ я къ знакомцу своему, издателю французскаго Франкфуртскаго Журнала, Г. Дюрану, и съ трудомъ отыскалъ его. Онъ живетъ за городомъ, на аллее, опоясывающей Франкфуртъ, посреди прелестнаго садика, съ милою женою и прекрасными дѣтьми. У него провелъ я нѣсколько пріятныхъ часовъ, бесѣдуя о томъ, что я видѣлъ и слышалъ въ Парижѣ, о тамошнихъ лицахъ и происшествіяхъ. Дюранъ знаетъ обо всемъ, что дѣлается во Франціи, и сообщилъ мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній, которыя еще болѣе утвердили меня въ мнѣніяхъ моихъ о тамошнихъ дѣлахъ. Въ послѣдней бесѣдѣ нашей я набросалъ ему наскоро нѣсколько мыслей, въ опроверженіе одной глупой и гнусной статьи о Россіи, напечатанной въ парижской Судебной Газетѣ (Gazette

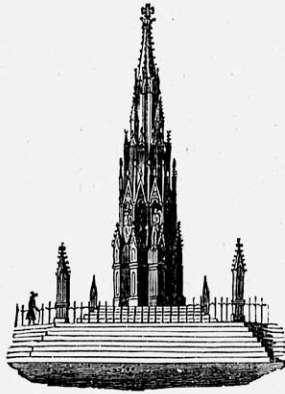
des Tribunaux). Въ послѣдствіи видѣлъ я, что Дюранъ мастерски воспользовался этими матеріалами.

На другой день осматривалъ я древнее зданіе *Salon*, въ которомъ были избираемы и провозглашаемы Римскіе Императоры. Большая зала, кривая и косая, расписана очень неискусно. Въ нишахъ ея намалеваны бурожелтою краскою портреты Римскихъ Императоровъ, отъ Конрада I до Франца II. Достоинно замѣчанія, что изображеніе *последняго* Императора помѣстилось въ *последней* ниши: болѣе не было мѣста. Это замѣчаніе сдѣлано было уже при коронаціи Франца I: тогда оставались три мѣста, занятые въ послѣдствіи Иосифомъ II, Леопольдомъ II и Францемъ II, и всѣ толковали: что будетъ съ Римскою Имперіею, когда въ Рёмеръ не станетъ мѣста для Императора? И Римская Имперія рушилась. — Еще ходилъ я смотреть прекрасную картинную галерею, отказанную городу умершимъ въ 1816 г. княземъ Штеделемъ. Особенно отличаются въ ней мастерскія произведенія Нидерландской Школы. Порядокъ, въ которомъ содержится эта галерея, опрятность ея, привѣтливость смотрителей, достойны всякой хвалы. Франкфуртъ во многомъ перемѣнился къ лучшему. Опрятность и милосердность главныхъ частей его удивительны. Какъ пріятна глазамъ улица Гиринграбенъ (мѣсто рожденія Гёте), въ которой помѣщается картинная галерея! Мостовая нынѣ очень хороша. По вообще городъ скученъ и не интересенъ; все

торгуется и промышленеть; изрѣдка показываются на улицахъ кареты дипломатическія съ застегнутыми до воротника фигурами, съ пергаменными лицами. И въ прежнее время, за двадцать лѣтъ предъ симъ, Франкфуртъ и его жители такъ мигъ опротивѣли, что вся Германія представилась мигъ тогда въ иномъ свѣтѣ.

Я провелъ нѣсколько отраднѣхъ минутъ въ русской бесѣдѣ съ Княземъ А. А. Суворовымъ и Михайломъ Васильевичемъ Гурьевымъ, а все остальное время употребилъ на отыскиваніе пріятелей и знакомцевъ моего покойнаго друга. Нѣкоторыхъ я нашелъ; о другихъ узналъ, что они или живутъ далеко, или также отошли изъ здѣшняго міра. Я отыскалъ людей, которые ему некогда служили и до сихъ поръ сохранили умилительное о немъ воспоминаніе: они проливали горькія слезы, говоря о добромъ своемъ господинѣ, которому подобнаго съ тѣхъ поръ не встрѣчали. И не они одни!

О Провидѣніе! роптать я не дерзаю,
Но, слабый, не могу не плакать предъ тобой!
Здѣсь въ славу, въ счастья злодѣя обрѣтаю:
Тамъ гибнетъ, какъ трава, мужъ кроткій и благой!

Монастырь за Креузбергомъ.

XXVII.

Дилижансы и почтилионы нѣмецкіе. Большая спутница. Тюрингенскіе виды. Лейпцигъ. Железная дорога. Берлинъ. День рожденія Короля. Русское посольство. Гумбольдтъ. Августъ. Клёденъ. Старые знакомцы. Крюгеръ. Театръ. Девриентъ. Шмелька. Шнейдеръ. Холера. Отъѣздъ.

Во всѣхъ старинныхъ и еще недавнихъ путешествіяхъ по Германіи найдете вы жалобы на дурное устройство почтъ, на медленность ихъ движенія, на неудобство экипажей, на грубость почтилионовъ. Теперь этого нѣтъ. Движеніе дилижансовъ и экстра-почтъ происходитъ регулярно, довольно скоро и дешево. Что, вы думаете, стоить мнѣ переѣздъ изъ Франкфурта на Майнъ до Берлина, въ первомъ мѣстѣ дилижанса? Шестьдесятъ рублей! Кареты прусскихъ дилижансовъ устроены очень удобно; входятъ и выходятъ ловко и безопасно. Простору довольно, особенно въ

переднемъ кабріолетъ. Если пужно затормозить колеса, кондукторъ не имѣетъ надобности выйти изъ повозки: повернетъ рукоятку въ срединѣ кареты, и колеса не вертятся. Всего пріятнѣе то, что знаешь, когда куда пріѣдешь, и что дорогою не бываетъ остановокъ. Въ Италіи, напримеръ, какъ я слышалъ, ѣздить очень скоро, но упряжь самая плохая. Отъѣдетъ отъ станціи во всю прыть версты двѣ, и остановится. Что это такое? Постромка порвалась. Иногда ямщикъ подходитъ къ путешественнику, и спрашиваетъ: пѣтъ ли, баринъ, веревочки? — Сверхъ того должно дожидаться на станціяхъ по часу и болѣе. И такъ выйдетъ на одно: что выиграешь отъ скорой гоньбы, то потеряешь на остановкахъ. Терпѣть болѣе всего экипажъ. По цвѣту почтилионскихъ мундировъ, въ Германіи, можно видѣть, въ какой землѣ ѣдешь: въ Баденскомъ Герцогствѣ желтые, въ Дармштадтскомъ синіе съ красными воротниками, въ Готскомъ красные, въ Саксонскомъ Королевствѣ желтые; въ Пруссіи синіе съ оранжевыми воротниками; въ Баваріи голубые съ черными воротниками; въ Австрійскихъ владѣніяхъ красные; въ Галліи исчезаютъ красные мундиры, и видны одніе красныя фуражки.

Я выѣхалъ изъ Франкфурта въ девять часовъ вечера, и до утра не видалъ, подлѣ кого сижу. Просыпаюсь съ разсвѣтомъ, и вижу двѣ фатальныя фізіономіи: одинъ какой-то безтолковный помѣщикъ; другой — нѣмецкій недоросль, недоучившійся семинаристъ, съ трубкою и хлы-

стомъ. Я начиналъ говорить то съ тѣмъ, то съ другимъ, получилъ нѣсколько глухихъ отвѣтовъ, и замолчалъ. Милая компанія до Берлина! думалъ я. Но дорога прекрасная, ровная: дилижансъ ѣдетъ не во всю прыть. Я вынулъ изъ кармана книгу, и забылъ моихъ любезныхъ спутниковъ. Около полудня дилижансъ нашъ остановился у подошвы довольно крутого возвышенія, и кондукторъ предложилъ намъ, очень учтиво, взойти на гору пѣшкомъ, чтобъ облегчить работу лошадей. День былъ прекрасный, и мы охотно согласились. Изъ большой кареты высыпало человекъкъ пять разнаго народу «Что жъ вы, сударыня, позвольте мѣшкать? закричалъ кондукторъ: всѣ вышли, а вы церемонитесь.» Я взглянулъ на карету, и увидѣлъ въ открытыхъ дверцахъ ея женщину, которая не знала, какъ спрыгнуть внизъ, и ждала, чтобъ кто нибудь ей помогъ. Никто не двигался. Я подошелъ къ дверцамъ, подаль ей руку, и помогъ сойти. Это была женщина среднихъ лѣтъ, съ выраженіемъ болѣзни, страданія и тоски на блѣдномъ, сухощавомъ лицѣ. На щекахъ ея горѣли красныя пятна, свидѣтели злой чахотки. Слова прерывались судорожнымъ кашлемъ. Одежда на ней была не богатая, но опрятная и пристойная. Она поблагодарила меня за помощь, и когда мы подошли къ всходу на гору, остановилась. «Я не въ состояніи туда взобраться!» сказала она тоскливо.—«Позвольте, сударыня, сказалъ я, помочь вамъ: я пособлю вамъ взойти; пожалуйста мнѣ

руку.» Она посмотрѣла на меня томными глазами, улыбнулась сквозь слезы, и подала руку. Я повелъ ее на гору. Спутники наши шли впереди, и громко толковали о какомъ-то страшномъ случаѣ въ дорогѣ. Я разговорился съ моею спутницею, и узналъ, что она жена директора училища въ Зондерсгаузенѣ, мать троихъ дѣтей, ѣздила въ Эмсъ, для пользованія своею слабой груди тамошними водами, и теперь возвращается домой. «Я провела тамъ шесть недѣль, говорила она печально, и не вижу себѣ облегченія. Богъ знаетъ, что будетъ со временемъ.» — «Успокойтесь, отвѣчалъ я ей: вы видите предъ собою человека, который Эмскимъ водамъ обязанъ сохраненіемъ своей жизни и восстановленіемъ здоровья. За двадцать лѣтъ предъ симъ я, подобно вамъ, страдалъ грудью, псчахъ и псхудалъ; въ теченіе мѣсяца пилъ Эмскія воды, и совершенно исцѣлился. Но это исцѣленіе пришло не вдругъ: не прежде истеченія четырехъ мѣсяцевъ по возвращеніи на родину, сталъ я чувствовать облегченіе.» — «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила она; глаза ея засверкали и наполнились слезами; румянецъ заигралъ на щекахъ: «И дѣти мои не лишатся матеря! Боже! Боже!» — Это зрѣлище тронуло меня до глубины души. Мнѣ казалась она утопающею — которая тонетъ въ пучинѣ, видя на берегу дѣтей своихъ. На вершинѣ возвышенія дилижансъ остановился. Я помогъ страданцу сѣсть въ карету. *Merkwürdig!* сказала одинъ изъ спутниковъ, видя, что незнакомый человекъкъ принимаетъ участіе въ судьбѣ неизвѣст-

ной ему страдалицы. *Ist es möglich!* вскричалъ другой, услышавъ, что кондукторъ назвалъ меня *Herr Staatsrath!* Мы остановились объѣдать въ Бурдахъ. Моя клиентка подсѣла ко мнѣ, какъ къ знакомому. Я подчивалъ ее, совѣтовалъ не кушать горячаго, старался, если не развеселить ее, то на минуту успокоить. Спутники смотрѣли на меня съ большимъ изумленіемъ. *Merkwürdig ist es möglich,* слышались безпрерывно. Нѣмцы люди самые почтенные, честные, праводушные, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несносные и непостижимые. Всего болѣе изумляло и оскорбляло меня ихъ грубое, неуважительное обращеніе съ женщинами. Есть исключенія, но вообще Нѣмецъ смотритъ на жену свою, какъ на ключницу, кухарку и няньку, обходится съ нею грубо, бранитъ ее за всякую бездѣлицу, спорить за всякую издержку на ея одежду, и доволенъ ею тогда лишь, когда она умѣетъ въ домъ кричать, браниться съ челядью, скряжничать, стряпать и вязать чулки. Женщина нѣжныхъ, благородныхъ чувствъ, ищущая наслажденій въ кухни и прачечной, считается у этихъ господъ дурною женою. Что отъ этого происходитъ? Жены платятъ мужьямъ нелюбовью, ненавистью, нарушеніемъ супружеской вѣрности. Приласкайте молодую Нѣмочку: непривычная къ хорошему обращенію, она тотчасъ растаетъ.

Мы ужинали въ Готѣ. Нашъ путь лежитъ прямо къ Лейпцигу. Большая спутница должна вѣхать вѣльво. Разставаясь со мною, она съ искреннимъ чувствомъ благодарила меня за оказанное ей вни-

маніе. По просьбѣ моей, она вписала свое имя въ мою записную книжку: *Henricette Hölzer.* — «Вы должны быть писатель, можетъ быть, поэтъ?» сказала она, улыбаясь. — «Почему вы такъ думаете?» — «Въ вашихъ лѣтахъ, въ вашемъ званіи, вы принимаете участіе въ страданіяхъ бѣдной, неизвѣстной вамъ женщины, чужестранки, не красавицы, не молодой.» — «Виновать, отвѣчала я: я точно писатель.» — «Что жъ вы пишете?» спросила она. «Что случится, отвѣчалъ я: и грамматики, и журнальныя статьи, и романы.» — «И романы! подхватила она: по ваши романы изданы на русскомъ языкѣ.» — «Извините, отвѣчалъ я: они переведены и на нѣмецкій. На сихъ дняхъ вышелъ одинъ изъ нихъ: *Черная Женщина.*» — Она поспѣшно записала это заглавіе, и сказала мнѣ: «Непрѣменно достану этотъ романъ, буду съ мужемъ читать его, и вспоминать объ авторѣ. Если вамъ случится быть въ нашей сторонѣ, поѣзжайте насъ. Мы васъ примемъ какъ роднаго.» Я далъ ей руку. Она сѣла въ свою колясочку, а мы отправились въ дилижансъ. Грустно мнѣ было помыслить, что эта милая, добрая женщина не проживетъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, будетъ отторгнута отъ своего семейства....

Провидніе наградило меня за доброе дѣло. Закопченный вакштафомъ недоросль поутру оставилъ насъ, и мѣсто его занялъ другой молодой человекъ, юнкеръ стоящаго въ Саарбрюкѣ гусарскаго полка, добрый и милый мальчикъ, съ которымъ я доѣхалъ до Берлина очень пріятно. По-

мѣщикъ оставилъ насъ предъ Лейпцигомъ. На третій день пути въехали мы въ Тюрингенъ, или Турингію, страну гористую, покрытую лѣсами, но усѣянную селеніями и городами, орошаемую судоходными рѣками, пересѣкаемую многочисленными дорогами. На каждомъ шагу представлялись прекрасныя виды: холмы и горы, увѣчанныя лѣсомъ; живописныя долины, испещренныя усадьбами и деревнями. Въ первомъ часу прибыли мы въ знаменитый Лейпцигъ, и пообедавъ наскоро, поспѣшили на желѣзную дорогу, которая проведена верстъ на двадцать, до деревни Атенъ. Дорога эта строится непрочно. Поперечныя балки очень тонки; вмѣсто желѣза, во многихъ мѣстахъ, употреблено дерево. Рельсы лежатъ въ близкомъ между собою разстояніи. Но ѣздить по ней очень скоро. Экипажи удобные, и есть повозки для транспорта тяжестей, провіанта, скотины, и проч. Дорога эта будетъ проведена до Дрездена. Въ два часа съ половиною можно будетъ поспѣть туда изъ Лейпцига. Есть предположеніе провести желѣзную дорогу въ Дрезденъ изъ Берлина, но это предположеніе, какъ и все истинно полезное, встрѣтило множество препятствій, отъ личныхъ видовъ и отношеній. Если оно исполнится, весь здѣшній край получитъ новую жизнь.

Возвратившись изъ Атена, бродилъ я съ моимъ спутникомъ, прусскимъ тонкеромъ, по улицамъ и площадямъ. Лейпцигъ городъ непріятный. Здѣсь нѣтъ той опрятности, той правильности, которую находишь въ иныхъ городахъ Германіи. Улицы

тѣсныя, худо мощеныя. Дома старинныя, темныя и угрюмыя. Я пошелъ было въ книжныя лавки, чтобъ купить экземпляръ недавно вышедшей Черной Женщины, на нѣмецкомъ языкѣ, но въ седьмомъ часу пополудни всѣ лавки были уже заперты! Ночь де наступаетъ! Отворена была одна, но въ ней не нашель я искомаго. Въ восьмь часовъ двинулись мы далѣе. Намъ попался очень хорошій кондукторъ, который еще, на наше счастье, былъ нездоровъ, и сѣвши въ Берлинъ, къ своей *Minchen*. Онъ погонялъ почти лѣоновъ, и тяжелый diligансъ двигался довольно скоро.

Вотъ Потсдамъ! вотъ монументъ на Крейцбергъ! вотъ и Берлинъ! Мы прибыли туда во второмъ часу пополудни. Сегодня (22 іюля) день рожденія Короля. Вездѣ раздается музыка. Вездѣ расхаживаютъ гуляющія толпы. Все веселится и ликуетъ. Это семейный праздникъ во всемъ Прусскомъ Королевствѣ. Въ этотъ день помирился я и съ нелюбезною берлинскою чернью. Отдохнувъ послѣ обѣда, пошелъ я Подъ Липы, и провелъ весь вечеръ посреди шумной толпы, довольной и счастливой. Вотъ выгоды монархическихъ государствъ: здѣсь все на мѣсть, все идетъ своимъ чередомъ. Пріѣзжайте чрезъ нѣсколько лѣтъ въ какойнибудь городъ: вся разница, противъ прежняго, будетъ состоять въ новыхъ зданіяхъ и всенародныхъ учрежденіяхъ. Правы, привычки, забавы, мнѣнія, желанія людей все тѣ же. Мнѣ казалось, что я съ 1835 года не выѣзжалъ изъ Берлина. Одного мнѣ не доставало — тогдашнихъ

друзей и земляковъ. Съ уныніемъ остановился я Подъ Липами, предъ Neustädter Kirchen=Strasse, въ которой, за два года предъ симъ, жилъ любезный Баронъ Шиллингъ: его ужъ нѣтъ въ живыхъ! Это узналъ я изъ здѣшней газеты. Гдѣ мой добрый Шереръ, съ которымъ я катался въ Потсдамъ и Шарлоттенгофъ? Гдѣ Юлія Карловна Германъ? Она была тогда весела, здорова, счастлива. Теперь овдовѣла, живетъ гдѣ-то въ уединеніи. Гдѣ Марія Карловна Задлеръ, которую, я наканунѣ моего отъезда, проводилъ домой въ семейство ея, въ Потсдамской Улицѣ, за городомъ? Вы не повѣрите, какъ легко свыкаешься съ добрыми людьми въ дорогѣ, какъ коротко знакомишься, на чужбинѣ, съ тѣмъ, котораго дома видѣлъ только мелькомъ! Гдѣ тотъ? гдѣ другой? гдѣ—мнѣ сгруснулось въ живой толпѣ народной. Я отправился домой. Нынѣ остановился я въ Hôtel de Brandebourg, на Charlottenstrasse, на углу Mohrenstrasse. Не знаю, почему, мнѣ нравилась Charlottenstrasse. Можетъ быть, потому что я не знаю ни одной Шарлотты въ существенности, и подъ этимъ именемъ привыкъ любить героиню Вертера. Charlottenstrasse — es ist so lieblich, so gemüthlich! Вотъ видите, берлинскій воздухъ ужъ дѣйствуетъ на меня! Квартира у меня очень хорошая. Окна выходятъ на широкую, чистую улицу. Я дышу свободнѣе въ опрятной Германіи, особенно когда вспомню о помойной ямѣ Европы, именуемой la belle France!

На другой день отправился я въ наше посоль-

ство. А. И. Рибоьера нѣтъ въ Берлинѣ, но я имѣлъ большое удовольствіе — познакомился съ первымъ секретаремъ посольства Иваномъ Петровичемъ Озеровымъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ я разговѣлся русскимъ языкомъ. Съ самаго Франкфурта толковалъ я только по-нѣмецки, спорилъ по-нѣмецки, шутилъ по-нѣмецки, и даже бранился по-нѣмецки. Если бѣ вы знали, какъ последнее неловко! Иванъ Петровичъ пригласилъ меня въ тотъ день къ себѣ обѣдать, и принялъ съ искреннимъ радушіемъ. У него познакомился я съ совѣтникомъ посольства, Г. Лабенскимъ, и возобновилъ знакомство съ вторымъ секретаремъ, Алексѣемъ Тимофеевичемъ Федоровымъ, который родился и воспитанъ въ Германіи, не болѣе двухъ лѣтъ учился въ Москвѣ, и съ тѣхъ поръ опять живетъ на чужбинѣ; говоритъ по-русски какъ Нѣмецъ или какъ ливонскій баронъ, но есть истинно русскій человекъ, во всехъ отношеніяхъ, добрый, милый, откровенный. Украшеніемъ нашей застольной бесѣды была супруга Г. Озерова, урожденная Графиня Шлиппенбахъ, дама любезная, образованная и прекрасная, но мы — неучтивые и неблагодарные — говорили болѣею частию по-русски! Тутъ же получены были нѣсколько нумеровъ Сѣверной Пчелы съ моими письмами о Лондонѣ и Парижѣ: я читалъ ихъ вслухъ, дополняя комментаріями, которыя не печатаются.

Второй визитъ сдѣлалъ я господину фонъ-Гумбольдту, съ которымъ познакомился въ Петербургѣ, въ 1829 году. Гумбольдтъ представляетъ

собою лице единственное въ нынѣшнемъ свѣтъ. Ученостью своею сталь онъ въ первомъ ряду всѣхъ ученыхъ въ міръ. Пишетъ по-французски какъ Французъ, а по-нѣмецки какъ Гёте. И ничто важное для человека не чуждо благородной и возвышенной душѣ его: и естественная исторія, и лингвистика, и изящныя искусства и высшая математика; и изученіе древнихъ и основательное познаніе новой исторіи и политики— все ему коротко извѣстно. Въ 1830 году, когда прусскій посланникъ въ Парижъ, Баронъ Вертеръ, не зная, съ которой ноги выступить на паркетъ Луи-Филиппа, отправленъ былъ туда Гумбольдтъ, и нашелся тамъ такъ же умно и скоро, какъ и въ дѣвственныхъ лѣсахъ Южной Америки, какъ при визитѣ узднаго лекаря въ Семипалатинскъ. Тогда говорили въ Берлинѣ, что Г. поѣхалъ въ Парижъ, для прекращенія *страданій Вертера* (um Werthers Leiden ein Ende zu machen.) Король уважаетъ его искренно, и любитъ его бесѣду. Гумбольдтъ находится при немъ почти безотлучно. И при этихъ отличіяхъ, при этомъ всеобщемъ триумфѣ, никѣмъ не оспориваемомъ, онъ добродушенъ, кротокъ, учтивъ, предупредителенъ до крайности, и никакъ не даетъ чувствовать своего превосходства. Онъ принялъ меня дружелюбно, спрашивалъ о причинѣ моего приѣзда, и когда узналъ, что я намѣренъ осмотрѣть берлинскія учебныя заведенія, не только далъ рекомендательныя письма къ ихъ директорамъ, но и самъ извѣстилъ ихъ о моемъ желаніи. Я далъ ему переводъ моихъ Воспоминаній, и когда

пришелъ къ нему на другой день, онъ встрѣтилъ меня ласковымъ привѣтомъ, хвалилъ переводъ госпожи Конрадъ, и сказалъ, что ему очень понравилось одно мѣсто въ моей статьѣ объ изученіи языковъ (*), тѣмъ болѣе, что я попалъ на мысль его покойнаго брата, Вильгельма, выраженную въ введеніи къ книгѣ его о языкѣ Ка-

(*) Вотъ это мѣсто: «Душа духовная создала себѣ оболочку невидимую, тѣло невещественное, соткала одежду—разноцвѣтнѣе полосъ радуги, блистательнѣе солнце въ синемъ небѣ, сотворивъ языкъ человеческій. И въ этомъ тѣлѣ красуется она и растетъ, играетъ міромъ вещественнымъ, и органами его вѣщаетъ о мірѣ духовномъ. Я посвятилъ большую часть жизни своей на изученіе сей стороны человеческой природы, смотрѣлъ на языкъ, сіе стройное, согласное въ разнообразнѣйшихъ частяхъ своихъ цѣлос, какъ изыскатель природы вещественной глядитъ, напримѣръ, на царство растений: не пренебрегалъ мелочами, старался доискаться причинъ и началъ разнообразія и уклоненій въ несметномъ роѣ звуковъ, служащихъ орудіемъ къ изображенію чувствованій и мыслей человека, и относилъ все къ одному источнику, вѣчному и безначальному. Многіе не хотѣли понять величія, важности, духовности языкоученія; не соглашались, чтобъ глаголы и мѣстоименія, причастія и предлоги вели къ чему либо высшему, но это одніе формы, и формы варварскія: надлежитъ вдохнуть въ нихъ душу. Такъ драгоценнѣйшій гербарій, съ рѣдкими произведеніями царства растений, въ глазахъ непросвѣщеннаго есть кипа сухой травы.»

ви (*). Съ симъ словомъ онъ подарилъ мнѣ недавно отпечатанный первый томъ этой книги, подписавъ: Zum Andenken an beide Brüder, Freund-lichst. M. Humboldt. Профессоръ Степанъ Яковле-вичъ Печасвъ былъ въ то время у Гумбольдта, и можетъ засвидѣтельствовать, съ какимъ швѣж-нымъ и благороднымъ тактомъ Гумбольдтъ умѣлъ облизывать и рѣчью, и дѣломъ. Разговорившись о братѣ, котораго потерю оплакиваетъ онъ съ искреннею горестью, онъ пригласилъ насъ пойти въ музей (въ двухъ шагахъ отъ дома, въ кото-ромъ онъ живетъ), основанный по плану его брата, и устроенный его трудами. Въ сѣняхъ, на консоли, возвышается мраморный бюстъ покойнаго. Я зналъ уже Берлинскій Музей, но нынѣ съ большимъ еще наслажденіемъ осмотрѣлъ его подъ руковод-ствомъ *такого* путеводителя. — Почтенный Гум-больдтъ посетилъ меня потомъ самъ, и пригла-шалъ ѣхать съ нимъ въ Потсдамъ, гдѣ теперь на-ходится Королевская Фамилія. Но краткости вре-

(*) Карлъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ (старшій братъ, род. въ 1767 г., умершій 8 Апрѣля 1835) слу-жилъ по дипломатической части, и былъ наконецъ прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ занимался онъ изученіемъ древности и вообще лингвистикою. Онъ перевелъ Эсхилова Агамем-нона (1816), сочинилъ грамматику и словарь Баскаго языка, и оставилъ драгоценныя разысканія о языкахъ Азіи, которыя нынѣ издастъ братъ его, Александръ. Самая нежная дружба соединяла обонхъ братьевъ.

мени, удѣленнаго мнѣ на повѣзку, я не могъ при-нять этого предложенія, и потомъ очень жалѣлъ о томъ. Но я такъ неловокъ, неуклюжъ и ша-токъ на паркетъ, что лучше было не ѣздить. — Дѣятельность Гумбольдта изумительна. Онъ жи-ветъ въ свѣтъ, при Дворѣ, принимаетъ и отдастъ визиты, ежедневно бываетъ у Короля, ѣздитъ съ нимъ на теплыя воды, ведетъ обширную коррес-pondенцію со всеми академіями и учеными, и занимается науками и литературою. Сверхъ изда-нія сочиненій своего брата, онъ теперь готовитъ къ печати геологическое путешествіе по Россіи, и второе изданіе своихъ Отрывковъ о климато-логіи и геологіи Азіи, и занимается огромнымъ сочиненіемъ *Космосъ*, въ которомъ намѣренъ из-ложить собственную свою систему природы.

Благосклонному посредничеству Г. ф. Гум-больдта обязанъ я знакомствомъ съ двумя достой-ными педагогами, директоромъ реальной гимназіи Д. Аугустомъ, и директоромъ ремесленной шко-лы, Г. Клѣденомъ (Kladden). Я посѣщать то и другое заведеніе, и радовался успѣхамъ благона-мѣренныхъ попеченій правительства, которое ста-рается не объ умноженіи числа педантовъ греко-латинскихъ, а о томъ, чтобы всякому гражданину, какого бы онъ сословія ни былъ, дать воспитаніе, сообразное съ его потребностями и занятіями, воз-высить низшія ремесленныя сословія народа, и пополнить оврагъ, которымъ доннынѣ разделя-лись между собою разныя степени гражданскихъ званій. Подробное описаніе сихъ любопытныхъ

заведеній отлагаю до времени. У Г. Аугуста видѣлъ я новоустроенные солнечные часы съ подвижнымъ циферблатомъ, приводимымъ въ движеніе силою магнитной стрѣлки, такъ, что солнечные часы, какъ бы вы ихъ ни поставили, сами собою принимаютъ надлежащее положеніе. По моей просьбѣ, Г. Аугустъ заказалъ для меня такіе часы по петербургскому меридіану (*). Въ ремесленномъ училищѣ Г. Кладена видѣлъ я очень хорошее учебное пособіе при преподаваніи ихтиологіи (естественной исторіи рыбъ): это чучелы рыбъ, наклеенныя на деревяшкахъ. Рыба представляется совершенно въ естественномъ своемъ видѣ (**).

Утро посвящалъ я занятіямъ по осмотру училищъ и другихъ заведеній. Послѣ обѣда посѣщалъ литераторовъ, артистовъ; вечера проводилъ обыкновенно въ театрѣ. Эрманъ, Реальштабъ и Герингъ, о которыхъ я писалъ въ прошлогоднихъ моихъ письмахъ, приняли меня съ прежнимъ радушіемъ и ласкою. Счастливый случай доставилъ мнѣ еще нѣсколько пріятныхъ часовъ. Выходя, на третій день по пріѣздѣ въ Берлинъ, изъ Оперы, увидѣлъ я вдругъ петербургскую мою знакомку, Полину Сикаръ, съ которою простился наканунѣ моего отъѣзда. Съ другой стороны по-

(*) Я сообщилъ эти солнечные часы здѣшнему оптику Г. Роде, и онъ сдѣлалъ нѣсколько подобныхъ. Рекомендую ихъ охотникамъ. (Въ Италійской улицѣ, наспротивъ Михайловскаго Экзерциргауза.)

(**) Такое собраніе можно видѣть въ Санктпетербургскомъ Технологическомъ Институтѣ.

дошелъ ко мнѣ любезный Модестъ Дмитріевичъ Рязвѣй. Мнѣ показалось, что я воротился во Градъ Святаго Петра! — Госпожа Сикаръ оставила театръ, и занималась преподаваніемъ музыки въ С. Петербургѣ, но лишившись матери, оставшись одинокою на чужбинѣ, рѣшилась воротиться домой, въ Германію. Въ свое время была она первою пѣвицею на театрахъ лиссабонскомъ и миланскомъ. Принужденная пѣть ежедневно, она утомила свои силы, и мало по малу лишилась голоса. Потомъ испытала она свои таланты на поприщѣ трагедіи, но безъ успѣха. Теперь занимается она преподаваніемъ пѣнія, и сама поетъ еще прекрасно, если не напрягаетъ голоса. Превосходная италійская метода осталась ея достояніемъ. Я посѣщалъ ее въ Берлинѣ, вспоминалъ съ нею о Петербургѣ, слушалъ ея пѣніе. Въ послѣднемъ удовольствіи помѣхою мнѣ были — кто, какъ вы думаете? — Берлинскіе уличные мальчишки (Straßenjungen). Это несносные, неутомимые шалуны, съ которыми не могъ сладить и Фридрихъ Великій. Они шатаются по улицамъ, дерутся, обираютъ прохожихъ, и поднимаютъ такой шумъ, что даже въ комнатахъ нельзя разслушать ни одного слова. Многіе друзья человечества и усердные патріоты тщетно старались потребить это зло. Для исправленія праздновающихся дѣтей, учреждено особое заведеніе у Гамльскихъ Воротъ: тамъ ихъ кормятъ, одѣваютъ, учатъ ремесламъ и проч. У одного такого мальчика спросили, что онъ дѣлаетъ круглый годъ.

«Зимом, отвѣчалъ онъ, краду платки изъ кармановъ при выходѣ изъ театра, а лѣтомъ исправляюсь у Галльскихъ Воротъ!»

М. Д. Ръзвый оказалъ мнѣ большое одолженіе, упросивъ знаменитаго живописца Крюгера нарисовать мой портретъ. Крюгеръ уже этимъ не занимается, но согласился на убѣжденія Г. Ръзаго, и нарисовалъ меня въ три сеанса. Самое скучное занятіе сидѣть предъ живописцемъ, но въ нынѣшнемъ случаѣ я не замѣтилъ этой скуки. Добрый и любезный Крюгеръ, милая жена его и несравненный мой землякъ заставляли меня забывать время. Г. Крюгеръ живетъ въ прекрасномъ домѣ, убранномъ богато и со вкусомъ. Мастерская у него отличная, и наполнена превосходными работами. Обращеніе его самое любезное и благородное.

О Театрѣ Берлинскомъ писалъ я уже въ 1855 году. И нынѣ находилъ я въ немъ много хорошаго, видѣлъ игру умную, одушевленную, основанную на глубокомъ изученіи драматическаго искусства, но знаменитые корифеи Берлинскаго Театра мало по малу оставляютъ и сцену и свѣтъ. Въ нынѣшнемъ году умеръ Деммъ, актеръ классическій и незамѣнимый. Но самую чувствительную потерю претерпѣла берлинская сцена, уже въ 1852 году, смертію Лудвига Девриента, о которомъ любители театра вспоминаютъ безпрерывно, который испортилъ ремесло всѣмъ своимъ преемникамъ и последователямъ. Является хороший актеръ, возбуждающій восторгъ и рукопле-

сканіе во всей Германіи. Берлинцы глядятъ на него, пожимаютъ плечами и говорятъ: нѣтъ! это не Девриентъ. И, что всего прискорбнѣе — Девриентъ умеръ на сорокъ осьмомъ году, не отъ болѣзни, не отъ несчастнаго случая: онъ спился! Пьялокое воображеніе, неустояныя страсти, страданія въ младенчествѣ, несчастія въ молодости, довольство въ средніи лѣта, все соединилось на его пагубу. Онъ ежедневно сидѣлъ до шести часовъ въ трактирѣ, и пилъ безпрерывно. Въ назначенное время являлся на сценѣ, и восхищалъ публику. Одинъ пріятель нашелъ его однажды, въ три четверти шестаго, въ любимомъ пріютѣ, почти безъ движенія. Девриентъ узналъ его. «Другъ мой! сказалъ онъ ему: я сегодня неосторожно подпиль; ноги не движутся; доведи меня до театра.»— «А что жъ будетъ потомъ?» спросилъ пріятель. «Ничего, отвѣчалъ Девриентъ: только бы стать на сцену, и дѣло пойдетъ своимъ чередомъ.» Пріятель исполнилъ требованіе артиста, а самъ пошелъ въ кресла, съ трепетнымъ ожиданіемъ какой нибудь бѣды. Поднимается завѣса, и Девриентъ выступаетъ на сцену, какъ будто бѣ не выпилъ и стакана пива. Такая жизнь мало по малу истощила его здоровье. Въ послѣдній разъ сыгралъ онъ (въ ноябрѣ 1852) любимую свою роль (Шевы въ комедіи Жидь), слышалъ послѣднія рукоплесканія восхищенной публики, воротился домой, слегъ и черезъ два дня умеръ. Мѣсто его остается незанятымъ. Впрочемъ берлинская труппа достойна всякаго уваженія: Ротъ,

Рютлингъ, Шнейдеръ, молодой Крюгеръ (отецъ совершенно разстроился въ здоровьѣ); актрисы: Шарлотта Гагнъ, Креллингеръ, двѣ сестры Штихъ съ честью ее поддерживаютъ. Берлинскіе артисты занимаются своимъ дѣломъ усердно и добросовѣстно: собираются въ извѣстные дни, бесѣдуютъ о своемъ искусствѣ, сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія, читаютъ критическія статьи въ журналахъ и новыя пьесы, спорятъ, сердятся, мирятся, и потомъ — играютъ прекрасно. Въ одно изъ этихъ собраній былъ введенъ нашъ молодой актеръ Максимовъ. Корифей Нѣмецкаго Театра принялъ его ласково и дружелюбно, просилъ прочитать имъ нѣсколько монологовъ и сценъ изъ пьесъ, извѣстныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, и съ удовольствіемъ отдалъ справедливость его таланту. — Опера въ Берлинѣ все еще не можетъ поднестись: тамъ нынѣ играла вѣнская пѣвица Лѣве. Воля ваша, пѣть не умѣетъ! Что дѣлать! Злодѣйка Гризи избаловала меня, какъ Девріентъ берлинскую публику. Балеты берлинскіе лучше всѣхъ германскихъ, но съ парижскими и петербургскими не могутъ войти въ сравненіе. Я былъ два и въ Кенигсшtedтскомъ народномъ Театрѣ, видѣлъ игру знаменитаго комика Бекмана, но не нашелъ большаго тамъ удовольствія. Надобно совершенно знать престонародный языкъ берлинскаго нарѣчія; надобно понимать мѣстные поговорки, преданія, повѣрья, анекдоты, чтобъ наслаждаться подобными зрѣлищами. Притомъ и народность берлинская есть что-то искусственное,

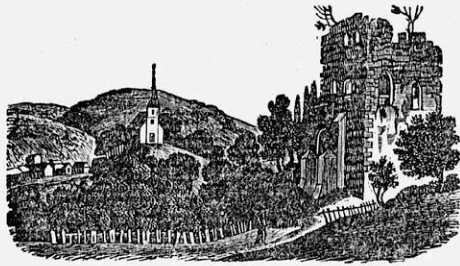
новоспеченное, набранное мозаикою: это не то, что народность вѣнская, самобытная, оригинальная, простодушная. И этотъ театръ лишился перваго своего актера, Шмельки, который тридцать лѣтъ составлялъ его славу, и наполнилъ кассу. Если бѣ онъ попалъ на другой театръ, если бѣ рукоплесканія безсмысленнаго партера, составленнаго изъ знатоковъ послѣдняго класса, его не избаловали, онъ сдѣлался бы однимъ изъ первыхъ артистовъ Германіи. Онъ хотѣлъ забавлять толпу, хотѣлъ нравиться своимъ зрителямъ, и выискала изъ виду достоинство искусства. Последнее время своей жизни провелъ онъ въ деревнѣ близъ Берлина, не видя никого кромѣ своей вѣрной подруги, и рѣдко выходилъ на сцену. Достойно замѣчанія, что онъ въ молодости своей былъ акробатомъ, и танцуетъ на канатѣ, пріобрѣлъ необыкновенную ловкость и подвижность, которыя въ послѣдствіи были ему очень полезны на сценѣ, особенно когда приблизились лѣта старости. Нашъ Шмелька вѣчно останется молодымъ! съ гордостью говорили берлинскіе любители театра. По смерти его распространился слухъ, что онъ, на смертномъ одрѣ, сдѣлалъ важныя открытія. Дотоль, сказываютъ, онъ не открывалъ ни мѣста, ни года своего рожденія; но почувствовавъ приближеніе смерти, объявилъ, что зовутъ его не Шмелькою, что онъ законный потомокъ одной древней баронской фамиліи; въ молодости, почувствовавъ непреодолимую страсть къ театру, бѣжалъ изъ дому, перемѣнилъ имя, и никогда въ

томъ не раскаивался. Хотѣли узнать настоящую его фамилію, но онъ объявилъ, что не хочетъ обижать этимъ открытіемъ родныхъ своихъ, и унесъ тайну съ собою въ могилу. Нѣкоторые утверждаютъ, что все это было не иное что, какъ бредъ умирающаго.

Въ нынѣшнее пребываніе мое въ Берлинѣ познакомился я съ однимъ отличнымъ артистомъ и необыкновеннымъ человѣкомъ: это комическій актеръ Шнейдеръ. Онъ играетъ очень искусно и умно характерныя роли въ комедіяхъ, особенно престоковъ и шалуновъ; самъ пишетъ забавныя пьесы (онъ сочинилъ Фрѣлиха), и ставитъ на сцену хорошія старья, забытыя публикою комедіи, припоровляя ихъ къ нынѣшнимъ требованіямъ и господствующему вкусу. Онъ просилъ одного моего пріятеля познакомить его со мною, и въ первую минуту изумилъ меня чрезвычайно, заговоривъ со мною по-русски. Вообразите: не бывавши никогда въ Россіи, онъ выучился русскому языку, посредствомъ книгъ и бесѣдъ съ немногими Русскими; понимаетъ все что читаетъ, очень хорошо переводитъ наши пьесы на нѣмецкій языкъ, и говоритъ по-русски преподачно. Онъ перевелъ (въ прозѣ) Горе отъ ума, и напечаталъ, извиняясь въ предисловіи, что нѣтъ возможности передать, по-нѣмецки, все красоты оригинала, все неуловимыя тонкости русскаго языка! Повѣрю! Въ печатномъ экземплярѣ этой комедіи нашелъ я многое, достойное подражанія: тамъ показаны въ точности костюмы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, (у Фамусова не забыто и пряж-

ки съ цифрою XV), исчислены вещи (такъ называемыя, *бутафорекія*, какъ-то: колокольчикъ, письмо, салонъ и пр.), которыя нужны при представленіи; показано, сколько времени продолжается представленіе; выписаны все неизвѣстныя нѣмцамъ русскія слова, съ истолкованіемъ и съ показаніемъ ихъ произношенія и ударенія. Эти замѣчанія чрезвычайно полезны при поставленіи на нѣмецкую сцену русскихъ пьесъ. На многихъ нѣмецкихъ театрахъ, Русскіе нынѣшняго вѣка выходятъ на сцену въ костюмъ времени Царя Ивана Васильевича или въ польскіихъ кунтушахъ.— Шнейдеръ не ограничивается драматическимъ искусствомъ: онъ преноситъ русскій языкъ въ берлинскихъ военныхъ училищахъ, и издаетъ газету: *Солдатскій Другъ*: въ ней помѣстилъ онъ между прочимъ и переводъ пьесы, сочиненной на смотрѣ въ Калишѣ, нашимъ унтеръ-офицеромъ.

Такимъ образомъ провелъ я въ Берлинѣ девять дней, съ большимъ удовольствіемъ: исполнилъ, что должно было; пользовался бесѣдою умныхъ и добрыхъ людей; наслаждался изящными искусствами. Вдругъ начали носиться слухи, что въ Берлинѣ оказываются холерные случаи: умеръ, какъ сказывали мнѣ Шнейдеръ, одинъ актеръ со всеми ея признаками; другіе занемогали. Я посѣпшилъ записаться въ дилижансовою конторѣ, и 31-го іюля, съ ударомъ девяти часовъ утра, выехалъ изъ Почтоваго Дома, въ Королевской Улицѣ, по дорогѣ въ Дрезденъ.

Тарнабръ.

XXVIII.

Дорога изъ Берлина въ Дрезденъ. Спутники. Нѣмцы и Нѣмки. Дрезденъ. Католическая община. Визиты. Баронъ Фирксъ. Городъ. Картинная галерея и другія собранія. Пильницъ. Тарандъ.

Никогда не удавалось мнѣ путешествовать въ такомъ приятномъ и разнообразномъ обществѣ, какъ нынѣ, на перевѣздѣ изъ Берлина въ Дрезденъ. Спутниками моими были прусскіе чиновники, офицеры, кушцы, одинъ аптекарь и т. п. Говорили о разныхъ предметахъ житейскаго быта, толковали о сраженіяхъ, происходившихъ на этихъ самыхъ мѣстахъ за двадцать за пять лѣтъ. Я, съ своей стороны, рассказывалъ о нѣкоторыхъ случаяхъ нашей отечественной войны, неизвѣстныхъ за границую. Прусаки славятся вообще, въ Германіи, своею хвастливостью, но тѣ, которые были съ нами въ дилижансѣ, говорили о своихъ

подвигахъ и неудачахъ скромно, благородно и умно. Вообще, если гдѣ путешествовать приятно, то это въ Германіи, разумеется, если понимаешь и порядочно говоришь по-нѣмецки. Рѣдко случается, чтобъ въ числѣ спутниковъ одного дилижанса или за общимъ столомъ не нашлось умныхъ, образованныхъ собесѣдниковъ. Сначала Нѣмцы бываютъ съ чужими дико и боязливы, особенно, когда завидятъ въ паспортѣ *kaiserlich-giessischer Staatsrath*. Они страшатся и избегаютъ гордецовъ, которые хотя въ чужихъ краяхъ трактуютъ людей такъ, какъ у себя почтовыхъ смотрителей. Но лишь только услышатъ ласковое, учтивое слово, произнесенное хотя не чисто по-нѣмецки, но понятнымъ для нихъ образомъ, становятся дружелюбны, доверчивы и услужливы. Главная, коренная добродѣтель Нѣмцевъ есть правота, *Rechtlichkeit*. Вы можете дѣлать съ Нѣмцемъ что угодно, только бы это дѣлалось на основаніи законовъ: онъ всему повинуется, все переноситъ. Но малѣйшее нарушеніе права, даже неспорное съ лишеніемъ или обидою, выводитъ его изъ терпѣнія. Наполеонъ покорилъ всю Германію, разорилъ ее въ конецъ налогами и поборами, сгубилъ сотни тысячъ Нѣмцевъ въ войнахъ чуждыхъ выгодамъ Германіи. Нѣмцы молчали. Это право войны, говорили они: Наполеонъ поступаетъ съ нами жестоко, сурово, неумолимо, но мы дали себя побить, и должны терпѣть за это. Но онъ разстрѣлялъ одного книгопродавца, безъ права и суда: это взволновало всю Герма-

нію, возбудило общую къ нему ненависть, и скрепило всѣхъ разнородныхъ Немцевъ твердымъ союзомъ противъ общаго притѣснителя. Пальмъ! Пальмъ! вопили они, сражаясь за независимость своего отечества. Германскія правительства знаютъ это, и строгимъ наблюденіемъ законовъ и данныхъ обещаній привязываютъ къ себѣ своихъ подданныхъ. Надобно видѣть, какъ Пруссаки, Австрійцы, Саксонцы, Виртембергцы любятъ своихъ Государей за ихъ праводушіе и честность. — Это благородное качество вселяетъ въ чуждаго путешественника по Германіи пріятное чувство спокойствія и безопасности. Если я только никого не обижу, не стѣсно въ правахъ его, никто не посмѣетъ меня тронуть. Въ новѣйшее время политика начала сбивать Немцевъ съ толку: они слушаются теорій зарейскихъ, толкуютъ криво о дѣлахъ и потребностяхъ своего отечества, но спокойно выслушиваютъ поправки и возраженія, и охотно сознаются въ своей ошибкѣ, если имъ докажешь, что они заблуждаются. Впрочемъ я мало толковалъ о политикѣ: только тогда вмѣшивался въ разговоры, когда начинали говорить вздоръ о Россіи. Душа не терпитъ напраслины. Вотъ почему, въ путешествіяхъ своихъ, я болѣе бесѣдовалъ съ женщинами, охотно слушалъ ихъ толки о нарядахъ, о забавахъ, о нѣжныхъ движеніяхъ и страданіяхъ сердца; услуживалъ имъ, гдѣ могъ, старался выманить ихъ улыбку или доброе слово. Мужчины бываютъ роялисты, лоялисты, либералы, ультра-либералы, бюрократы,

тисты, экономисты, рационалисты, и еще не весь что, и въ бесѣдѣ съ ними можно попасть въ споры и непріятности, а женщины — черноглазья, темноглазья, сѣроглазья, голубоглазья, и все это отливны одной радуги, которая, по велѣнію Божества, возсіяла на горизонтѣ для утѣшенія бѣдствующаго челоуѣка. И къ тому еще Немки — самыя нѣжныя существа въ мірѣ. Сообщаю сравненіе Немокъ съ Француженками, написанное Немцемъ, и предоставляю судить, верны ли его взгляды — тѣмъ, кто путешествовалъ и жилъ во Франціи и въ Германіи.

«Француженокъ, по превосходству, славили въ Германіи кокетками, но, при подробномъ разсмотрѣніи, это мнѣніе окажется несправедливымъ или не совсемъ основательнымъ. Цѣтъ ни какого сомнѣнія, что въ Германіи найдете гораздо болѣе женскаго кокетства, нежели во Франціи. Француженка кокетничаетъ, когда хочетъ и съ кѣмъ хочетъ, а Немка обыкновенно увлекается къ тому противъ воли. Француженка, искоряя чувство голоса разсудка, всегда владычествуетъ надъ самой собою, и рѣдко случается, чтобъ сердце или минутная симпатія измѣнили ея волю: она умѣетъ владѣть впечатлѣніями, и обдѣлывать ихъ для своей цѣли. Добрая Немка всю свою жизнь ищетъ сердечнаго сочувствія, а благоразумная Француженка добивается победы и владычества. Она употребляетъ кокетство по расчету, для удержанія васаловъ въ своей власти, а Немка кокетничаетъ по нѣжности сердечной, по добродушному влече-

нiю, по тайной потребности любить, или по сентиментальности. Нѣмка бываетъ гораздо большего кокеткою, нежели какъ ей самой кажется, и между тѣмъ, въ добродѣтельномъ довольствѣ самой собою, думаетъ, что все кокетство уже потрачено сестрами ея за Рейномъ, а на постоянную Германiю ничего не досталось. Нѣмки любезны именно этимъ неизвѣстнымъ имъ самимъ кокетствомъ, производимымъ волненiями неудовлетвореннаго сердца, и отъ того онѣ милѣе въ глазахъ нашихъ. Нѣмка употребляетъ тысячи тайныхъ средствъ, чтобъ найти любовь и расточить внутреннее свое богатство для достойнаго человѣка; въ каждомъ новомъ знакомцѣ, видитъ побѣдителя, который облегчитъ полное любви ея сердце, но какъ рѣдко бываютъ постигаемы таинства глазъ нѣмецкой незабудки! Француженка не имѣетъ понятiя о иероглифическихъ письменахъ нѣмецкой нѣжности: она говоритъ громко тамъ, гдѣ Нѣмка вздыхаетъ; высокомерно хохочетъ, когда та дѣлаетъ глазки; гордится и приказываетъ, гдѣ та съ стыдливостью прижимается къ сердцу друга. Француженка раздаетъ блистательныя звѣзды, а Нѣмка ищетъ цвѣтковъ съ таинственнымъ значенiемъ. Первая откровенна, послѣдняя скромна, а величайшее кокетство таится въ безмолвiи. Во Француженкѣ видимъ характеръ; въ Нѣмкѣ душу. Француженка никогда не станетъ заводить знакомства движенiемъ глазъ: она похожа на холодный ледяной кристалль, который издаетъ искры, но самъ не загорается, и таетъ только на самомъ сильномъ

жару. И этого требуетъ тонъ хорошаго обращенiя во Францiи. Но лишь только вздумается ей войти въ связи и возбудить любовь, она раскидываетъ блистательный, лучезарный павлиный хвостъ, играетъ имъ въ тысячу отливахъ, каждымъ взглядомъ, каждымъ движенiемъ умышленно дѣйствуетъ на свою жертву. Тогда является намъ великолѣпный феноменъ кокетства, разражающiйся молнiею и громомъ въ багровыхъ своихъ тучахъ.» (Spaziergänge und Weltfahrten von Th. Mundt, I, 249.)

Самымъ прiятнымъ изъ нынѣшнихъ моихъ спутниковъ былъ Г. Пернстъ, городничiй (Stadtrichter) одного прусскаго городка, братъ тильзитскаго почтмейстера, который, въ званiи Блохерова адыютанта, привезъ въ Берлинъ первое извѣстiе о побѣдѣ при Ватерлоо. Г. Пернстъ ѣхалъ на пользованiе минеральными водами, въ Теклицъ, где я имѣлъ удовольствiе вновь съ нимъ видѣться.

Мы прiѣхали въ Дрезденъ на другой день, въ семь часовъ утра. По совету берлинскихъ моихъ прiятелей, остановился я въ гостиницѣ Городъ Вѣна, въ Пейштадтѣ, и былъ ею очень доволенъ. Мнѣ отвели чистенькую комнату окнами на площадь, въ которой было одно то неудобство, что она помещалась надъ самыми воротами, и ночью часто меня будили прiѣзжiе. «Что мнѣ дѣлать сегодня въ Дрезденъ?» спросилъ я у содержателя гостиницы. — «Помилуйте! возражалъ онъ: что это за вопросъ! Сегодня воскресенье; извольте идти въ католическую церковь: тамъ будетъ отслужена торжественная обѣдня (Hoфамт)

съ музыкаю.» Я отправился, и лишь только ступилъ на каменный мостъ соединяющій двѣ части Дрездена, Старую и Новую, былъ пораженъ изумленіемъ. Ни какой изъ видныхъ мною городовъ не можетъ сравниться прелестью съ Дрезденомъ! Эльба здѣсь не широка и не глубока, но весь городъ окруженъ свѣтлозелеными холмами, и самъ состоитъ изъ зданій разнообразныхъ и оригинальныхъ. Какая-то свѣжесть дышитъ въ воздухъ. Нѣтъ ни пыли, ни зноя. Экипажей на улицахъ не много. За то являются портшезы, или кузова каретные, носимые людьми. Известно, что этотъ мостъ (одна его арка) подорванъ былъ Французами, въ 1813 году, при отступленіи ихъ за Эльбу, и потомъ возобновленъ щедротами Императора Александра. На возобновленной аркѣ возвышается золотой крестъ. Подъ нимъ на мраморной доскѣ надпись: Galli dejecerunt Die XIX Mart. MDCCCXIII. Alexander I restituit Die Natali XXIV Dec. MDCCCXIII. При самомъ сходѣ съ моста идетъ по лѣвую руку, на берегу рѣки, прекрасная терраса (бродовская); крыльцо, ведущее съ террасы, широкое гранитное, выстроено тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Саксоніи Княземъ Рейнинымъ. Прямо противъ моста возвышается королевскій дворецъ, зданіе угрюмое, некрасивое. Направо огромная, великолѣпная католическая церковь, соединенная съ дворцомъ деревянною галереєю, или лучше коридоромъ. Я выслушалъ знаменитую обѣдню, признаюсь, безъ всякаго эстетическаго или религіознаго возвыше-

нія души. Я не постигаю церковной музыки, сопровождаемой инструментами. Гдѣ я слышу контрабасы, скрипки, флейты, тамъ отзываются въ моемъ воспоминаніи Донъ-Жуанъ, Семирамида, Робертъ, Фенелла. Изъ инструментовъ, приличны музыкѣ церковной одни органы; но всего пристойнѣе, величественнѣе, трогательнѣе голоса человѣческіе. Музыка Православной Церкви есть истинно духовная. Нѣтъ человека, который, внемля ея звукамъ, не почувствовалъ бы въ душѣ глубокаго умиленія. Еще противны и оскорбительны для моего слуха голоса сопрановъ итальянскихъ— въ этомъ отношеніи у меня слухъ и внутреннее чувство совершенно женскіе. Въ дрезденской католической церкви чувство уваженія къ святынямъ нарушается мыслию, что почти все присутствующіе въ ней суть протестанты, и ходятъ туда не Богу молиться, а слушать даромъ концертъ.

Изъ церкви отправился я съ визитами. Сначала къ бывшей моей спутницѣ, Юліи Карловнѣ Германнѣ, которая, овдовѣвъ, поселилась въ Дрезденъ. Я нашелъ ее въ уединенномъ жилищѣ, въ улицѣ, посаженной высокими деревьями (Wstallec). Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, она перенесла много печали и горя; но небо, сжалившись надъ ея потерями, послало ей и утѣшеніе. Летъ семь жила она въ бездѣтномъ бракѣ: чрезъ мѣсяць по смерти мужа, насладилась счастливымъ чувствомъ матери; прекрасный младенецъ игралъ на рукахъ ея, и невинною улыбкою срыгала слезящій взоръ вдовицы. Теперь живетъ у ней отецъ

ся, академикъ Триніусъ, ищущій цѣленія жестокой болѣзни въ климатъ и на водахъ Германіи.

Потомъ отыскалъ я петербургскую знакомку, актрису Каролину Бауэръ. Мое путешествіе походитъ на странствіе отставнаго квартальнаго надзирателя по чуждымъ ему частямъ столицы: вездѣ находить онъ бывшихъ своихъ обывателей, которые, помня его службу и дружбу, принимаютъ его ласково, и за добро платятъ добромъ. Я, какъ надзиратель искусствъ и литературы, вездѣ находилъ отличныхъ артистовъ, которымъ имѣлъ случай быть полезнымъ Петербургъ. Всѣ они, особенно *она*, оказывали мнѣ гостепрѣимство, принимали меня, какъ искренняго пріятеля, и старались всѣми средствами услаждать меня въ одиночествѣ, которое иногда жестоко меня терзало. Милая Каролина Бауэръ обрадовалась моему посещенію: оно напомнило ей нѣсколько пріятныхъ лѣтъ, проведенныхъ въ Петербургъ. Она пользуется въ Дрезденѣ большимъ уваженіемъ, какъ искусная актриса и какъ благородная женщина: ни какая клевета, ни какая дурная мысль не смѣетъ коснуться ея имени. Это тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что дрезденскія дамы, и не драматическаго сословія, не славятся излишнимъ суровостію нравовъ. Первымъ словомъ ея было, что она перѣдко говорила обо мнѣ съ полтомъ Тикомъ, который былъ спутникомъ моимъ, въ 1817 году, на дорогѣ изъ Парижа въ Мецъ, и что я непременно долженъ посѣтить этого достойнаго человѣка. Можно вообразить, съ какимъ

удовольствіемъ я согласился.— У госпожи Бауэръ познакомился я съ пріемлымъ человѣкомъ, Корпуса Путей Сообщенія капитаномъ Барономъ Фендоромъ Ивановичемъ Фирксомъ. Онъ родомъ изъ Курляндіи, воспитанъ въ Институтъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, и служитъ въ Москвѣ; теперь пріѣхалъ онъ въ Дрезденъ, для посѣщенія своихъ родителей, которые живутъ здѣсь постоянно. Мы съ нимъ познакомились съ перваго взгляда, подружился съ перваго слова, были почти все время неразлучны, мѣнялись мыслями, чувствами, впечатлѣніями. Эта счастливая встрѣча усладила мое пребываніе въ Дрезденѣ, и оставила въ душѣ моей самое пріятное воспоминаніе. Умный, образованный, любезный собесѣдникъ, къ тому еще землякъ, есть самая счастливая находка на чужбинѣ.

Еще одно знакомство — но это оставимъ до слѣдующаго письма. Теперь станемъ говорить о самомъ Дрезденѣ.

Поосмотрѣвшись въ городѣ, я нашелъ, что онъ не вполне исполняетъ обѣщанія и надежды, возбуждаемыя первымъ на него взглядомъ, первымъ впечатлѣніемъ, которое было очень разительно и пріятно. Въ немъ господствуетъ какая-то ветхость, какая-то унылость, — будто воспоминаніе о былыхъ дняхъ богатства и счастья. Новыхъ зданій мало. Старинныя угрюмы, расположены безъ порядка, и нѣкоторыя недокончены. Католическая церковь стоитъ надъ Эльбою, и какъ бы давить тяжестью своею городъ. Это эм-

блема судеб Саксоніи. Паденіе и разореніе ея начались съ тѣхъ поръ, какъ Курфирстъ Августъ принялъ вѣнецъ польскій. Онъ отрекся отъ Вѣры отцевъ своихъ, отъ Вѣры, исповѣдуемой всеми его подданными, оставилъ добрыхъ своихъ Нѣмцевъ на произволъ жестокихъ и несправедливыхъ намѣстниковъ, а самъ обратился къ новымъ своимъ подданнымъ, непостояннымъ, неблагодарнымъ, сварливымъ и безтолковымъ. Самая необузданная роскошь господствовала при Дворѣ его. Дрезденъ обогатился огромными зданіями, но дома гражданъ и хижины народа обѣднѣли и опустѣли. Великолѣніе и роскошь господствовали при Дворѣ Королей Августа II и III; торговли, фабрики, горное дѣло, земледѣльство упали. Курфирсты вмышались въ дѣла, чуждыя пользамъ Саксоніи: Войны Сѣверная, Семилѣтняя и Революціонная въ конецъ ее разорили. Бичемъ Саксоніи былъ Графъ Брюль: онъ поступилъ въ первые министры около 1748 года, и вкравшись въ довѣренность Короля, умѣлъ удалять отъ него всѣхъ особъ непріятныхъ и опасныхъ. Безъ его соизволенія нельзя было опредѣлить истопника при Дворѣ. Когда Король шелъ въ церковь, прогоняли всякаго, кто могъ бы съ нимъ встрѣтиться на пути. Король желалъ, чтобъ министры его жили богато и роскошно, и Брюль въ точности исполнялъ это желаніе. У него были до двухъ сотъ слугъ, богатая библіотека и первый гардеробъ въ мірѣ. Столъ самый лакомый и драгоценный. За то онъ и служилъ Королю съ усер-

діемъ и раболѣпствомъ: не оставлялъ его во весь день. Августъ расхаживалъ въ праздности по комнатамъ, курилъ табакъ и звалъ. Брюль въ молчаніи ждалъ его повелѣній. «Брюль! есть ли у меня деньги?» былъ всеневный вопросъ Августа. — «Какъ не быть, В. В.!» отвѣтъ министра. Доходы государства были истрачены напустое великолѣніе, и казна обременена долгами. Августъ III умеръ 5 октября 1763, а Брюль 28 числа того же мѣсяца. По смерти Графа, оказалось въ гардеробѣ его нѣсколько сотъ богатыхъ кафтановъ, множество золотыхъ табакерокъ, часовъ, брилліантовыхъ перстней, цѣпочекъ и т. п. на миллионы. Одинъ Французскій путешественникъ, которому показывали за рѣдкость всѣ эти драгоценности, сказалъ: *montrez moi des vertus, et non pas des culottes.* — По смерти Августа III, Польша отдѣлилась отъ Саксоніи, но раны, нанесенныя смѣт соединеніемъ, были тяжелы и едва излечимы. Добродѣтельный Фридрихъ Августъ былъ истиннымъ отцемъ своего народа, и приобрѣлъ себя у современниковъ и потомства благодарное воспоминаніе, но непостижимая и странная его привязанность къ притѣснителю и губителю Германіи, Наполеону, была причиною многихъ бѣдствій его отечества, и подала поводъ къ уменьшенію Королевства Саксонскаго. — Жители Саксоніи извѣстны своею честностью, образованіемъ, умеренностію въ желаніяхъ и любовію къ отечеству. Въ обращеніи они кротки и учтивы. Земледѣльцы, фабриканты и рудокопы славятся трудолюбіемъ и трезвостію.

Женщины издавна знамениты красотою и любовью.

Славнѣйшее достояніе Дрездена есть его прекрасная Картинная Галерея. Она помѣщается въ особомъ старинномъ зданіи, на Новомъ Рынкѣ. (Neumarkt). Я проводилъ тамъ нѣсколько дней съ душевнымъ наслажденіемъ, питая душу небесною манною изящнаго. Эта галерея столько разъ была описана, что я считаю лишнимъ говорить о ней. Да и можно ли выразить словами то, что постигается только глазами? Словесныя описанія произведеній живописи и музыки то же, что изображеніе видимой природы музыкаю безъ словъ. Одинъ пріятель мой сыгралъ предо мною на фортепіанѣ фантазію, и спросилъ наконецъ: Знаешь ли, что это такое? — Что? — Это утро. — А почему жь не вечеръ? спросилъ я, и не получилъ отвѣта. — Скажу объ одномъ неприятномъ впечатлѣніи. Знаменитая Мадонна Рафаэлева, превосходнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ произведеній искусства, — нынѣ покрыта лакомъ, для охраненія ея отъ дѣйствій времени! Сказываютъ, что это сдѣлано по предписанію пресловутыхъ государственныхъ чиновъ Саксоніи, объявившихъ галерею, купленную на собственные деньги Короля, достояніемъ націи.

Потомъ осматривалъ я знаменитый Японскій Дворецъ, съ его антиками, монетами, драгоценнымъ собраніемъ фарфоровъ японскихъ, китайскихъ, ость-индскихъ и саксонскихъ; видѣлъ Зеленую Кладовую, наполненную издѣліями, штуч-

ками и куріозами бронзовыми, слоновьей кости, мозаиками изъ раковинъ и перьевъ, золотыми и серебряными чашами, кристаллами, геммами, камелли, рѣзными жемчужинами, скульптурами на деревѣ, королевскими клейнодами и драгоценностями. Долѣе всего простоялъ я здѣсь предъ игрушкого, представляющаго торжественное шествіе Великаго Могола Эвренгъ-Зиба. На серебряномъ подносіи, величиною не болѣе аршина, окруженномъ изображеніями зданій, представленъ великолѣпный навиліонъ, въ которомъ сидитъ, на золотомъ тронѣ, властитель Индіи, окруженный своимъ дворомъ и тѣлохранителями. Всѣ фигуры золотыя, покрытыя финистью. Тронъ украшенъ изображеніемъ большаго алмаза, который, сказываютъ, находится теперь въ обладаніи Ренджитъ-Синга. Передъ навиліономъ раскинута золотая ковры. На среднемъ дворѣ представлены различные чиновники Двора, вассалы, чужестранные принцы и послы, въ національной ихъ одеждѣ, приближающіеся къ владыкѣ Востока, съ богатыми дарами, на слонахъ и верблюдахъ. Сказываютъ, что все это изображено съ величайшею точностію. Меня занимала не столько эта знаменитая игрушка, сколько сопряженное съ нею преданіе: Говорятъ, что Петръ Великій, при посѣщеніи кладовой, остановился предъ этою диковиною, и внимательно ее разсматривалъ. Онъ былъ въ Дрезденѣ подъ чужимъ именемъ. Курфиреть (Король Польскій), незнакомый дотолѣ лично съ Царемъ, вошелъ въ это мгновеніе въ залу, объявилъ, что онъ смотри-

тель собранія, и попросилъ у Петра позволенія показать и объяснить ему всю рѣдкости. Этимъ началась дружба между сими двумя Монархами.

Пребываніе въ Дрезденѣ вообще пріятно для всякаго иностранца. Не говорю уже о прекрасномъ мѣстоположеніи города, объ историческихъ его достопамятностяхъ. Здѣсь бываетъ летомъ множество забвжихъ, отправляющихся на теплыя воды въ Богемію, или возвращающихся оттуда. За общими столами въ большихъ гостиницахъ (Hôtel de Saxe, Hôtel de Berlin, Городъ Вьна и пр.) можно найти пріятныхъ и умныхъ собесѣдниковъ; можно столкнуться съ земляками. Всего миле близкія и дальнія окрестности Дрездена: Линковъ Садъ, у самыхъ воротъ города, садъ Лорда Фицлатера на берегу Эльбы, съ виноградникомъ, и большой Королевскій Садъ, лежащій къ востоку отъ города, съ великолѣпнымъ дворцемъ и прекрасными статуями. Тамъ провелъ я нѣсколько самыхъ пріятныхъ часовъ съ новыми и старыми пріятелями, съ добрыми чужестранцами и съ милыми земляками; тамъ встрѣтился съ почтеннымъ и любезнымъ Графомъ А. А. Бобринскимъ; тамъ увидѣлъ одного пріѣзжаго изъ Петербурга, который сообщилъ мнѣ свѣжія извѣстія о моихъ родныхъ и друзьяхъ.

Изъ отдаленныхъ окрестностей Дрездена достойны замѣчанія Саксонская Швейцарія, Пильницъ и Тарандъ. — Въ Саксонской Швейцаріи я не былъ: мнѣ представился было случай съѣз-

дить туда въ интересной и умной компаніи, но, почувствовавъ съ самаго пріѣзда въ Дрезденъ припадки прежняго головокруженія, я не отважился на пять дней выѣхать изъ города, гдѣ, въ случаѣ надобности, могъ найти скорое и успѣшное врачебное пособіе.

Пильницъ, загородный королевскій замокъ на берегу Эльбы, построенный Королемъ Фридрихомъ Августомъ въ осьмидесятыхъ годахъ, состоитъ изъ одного главнаго зданія и четырехъ павильоновъ, украшенныхъ колоннами и китайскими крышками. Въ тамошнемъ саду много рѣдкихъ иностранныхъ растений. Съ одной стороны замка протекаетъ Эльба, съ другой возвышаются горы. Воздухъ здѣсь чистый и здоровый. Пильницъ знаменитъ тѣмъ, что въ немъ происходило, въ 1792 году, свиданіе Императора Леопольда II съ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, и положено было вооруженною рукою возстановить порядокъ и спокойствіе въ революціонной Франціи. Въ окрестностяхъ Пильница много загородныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ. Я ѣздилъ туда съ Барономъ Фирксомъ, по обещанію, данному мною Барону Люцероде, посѣтить его въ сельскомъ уединеніи. Баронъ и супруга приняли насъ дружелюбно и ласково; дѣти встрѣтили съ восторгомъ, и проводили со слезами. Дочери Барона не могутъ забыть о Петербургѣ, о тамошнихъ друзьяхъ и подругахъ своихъ, о пріятной, свободной, веселой жизни въ высшемъ кругу сѣверной столицы. Очень забавно

и мило было мнѣ слушать, что Баронъ и Баронесса съ меньшими дѣтьми своими, выросшими въ Петербургъ, говорили по-русски! — Почтенный Баронъ одолжилъ меня несказанно, представивъ жившему тогда въ Пильницъ брату Короля, Принцу Иоанну, который принялъ насъ очень благосклонно, и бесѣдовалъ со мною нѣсколько времени. Пребываніе мое въ Парижъ и сдѣланныя тамъ замѣчанія давали довольно пищи нашему разговору. Принцъ Иоаннъ, который и въ званіи гражданина отличался бы основательного ученостію, глубокими познаніями и необыкновеннымъ умомъ, въ званіи члена Верхней Палаты саксонскихъ чиновъ, ревностно занимается дѣлами государственными, и теперь трудится надъ сочиненіемъ уголовного уложенія Королевства Саксонскаго. Ему обязаны, въ 1831 году, окончаніемъ и прекращеніемъ народнаго мятежа въ Дрезденъ. Слабость, безпечность и трусость городскихъ начальствъ, въ Лейпцигъ и Дрезденъ, были причиною безпорядковъ и смятеній, произведенныхъ тамошнюю чернью, по наущенію агентовъ иностранныхъ. Для прекращенія мятежа и восстановленія спокойствія, покойный осьмидесятилетний Король Антонъ соглашенъ сдѣлать перемѣны въ образъ правленія, присоединить къ себѣ Принца Фридриха (пильницкаго Короля) въ званіи совѣтника, и т. п. Этими демагоги еще не были довольны. Въ мартъ 1831 года произвели они новое возстаніе въ Дрезденъ. Принцъ Иоаннъ, командовавшій городскою стражею (Com-

mandgarde), тщетно старался образумить безрассудную толпу, которая кричала, вопила, требовала, а чего, и сама не знала. Наконецъ глупая чернь вздумала противиться войскамъ, и стала бросать въ нихъ камнями. Раздраженный Принцъ командовалъ: пали! Войска произвели залпъ; троихъ негодяевъ убили, человекъ пятьдесятъ ранили, а остальные разбѣжались. Революцію, что называется, *какъ рукою сняло*. Вся обратилась къ своимъ занятіямъ, и никто не дерзалъ вмѣшиваться въ дѣла правительства. До какой степени нелюбости доходятъ толки и сужденія представительныхъ палатъ, служатъ доказательствомъ дѣла собранія государственныхъ чиновъ Саксонскаго Королевства. Недавно въ Нижней ихъ Палатѣ рѣшили, что воробей есть хищная птица! Вотъ какъ это было. Кто-то подалъ членамъ жалобу на льсничаго, отнявшаго у него ружье, которымъ онъ стрѣлялъ воробьевъ. Проситель утверждалъ, что законъ о сбереженіи всякой дичи не можетъ относиться къ воробьямъ, которые суть птицы хищныя, и требовалъ возвращенія ружья и ограниченія закона. Докладчикъ предложилъ исполнить просьбу. — «Что за вздоръ! закричалъ одинъ изъ членовъ, профессоръ натуральной исторіи: воробей птица вовсе не хищная. Хищныя птицы, *accipitres*, отличаются загнутымъ носомъ, бородавчатыми пальцами, острыми когтями; напримѣръ: коршунъ (*vultur*): *rostrum rectum, apice aduncum, caput impenne, antice nuda cute*; соколъ (*falco*): *rostrum*

aduncum etc. Воробей же (fringilla) изъ рода пташекъ (passeres); у него носъ коническій, прямой и острый (rostrum conicum, rectum, cuminatum). И такъ...» — «Что за вздоръ! закричала другой членъ: проклятые воробьи самыя негодныя, хищныя птицы; они поклевали у меня въ саду всѣ вишни. Ихъ должно истреблять гдѣ и какъ можно.» — Das ist unrecht: es ist doch kein Raubvogel. — Das ist recht: es ist ein Raubvogel — Kein Raubvogel! — Freilich ein Raubvogel! — Пошли на голоса, и рѣшили большинствомъ, что воробей есть птица и птица хищная!

Отбѣдавъ у Барона Люцероде, мы ходили съ нимъ по садамъ пыльницкимъ, и тамъ я видѣлъ дѣтей Принца Юанна, двухъ Принцевъ, Алберта девяти лѣтъ, и Эрста шести лѣтъ, и Принцессу Марию, десяти лѣтъ. Они воспитываются очень просто, но рачительно. Наставникъ ихъ, съ которымъ мы бесѣдовали, поправился мнѣ своимъ умомъ, образованіемъ и благородными сужденіями. Король бездѣтенъ, и дѣти Принца Юанна наследуютъ престолъ.

Въ Тараудъ ѣздилъ я для исполненія священной обязанности: тамъ живетъ Катерина Андреевна Танше, вдова бывшаго моего товарища по Петровской Школѣ, сочинителя (при усердномъ моемъ пособіи) русской грамматики въ пользу Пѣтцевъ. И туда сопровождалъ меня милый Баронъ Фирксъ. По условію нашему, въ день, назначенный для посвященія Тарауда, онъ явился ко мнѣ въ восемь часовъ утра. Знаете ли, чему

я тутъ обрадовался? Русскому мундирному сертуку. Я такъ давно живу между мундирами водевильными, что русскій военный мундиръ привелъ меня въ самое пріятное изумленіе. Да что и говорить! Только наши офицеры и имѣютъ настоящую воинскую выправку. Здѣсь, въ Германіи, не могутъ надвинуться изяществу нашей воинской одежды. — Мы наняли, за четыре талера на день, прекрасную коляску, и пустились по Лощинѣ Плауэнской (Plauenscher Grund): это имя, какъ и многія другія названія здѣшнихъ урочищъ, есть славянское; оно собственно есть *Плавень*, вѣроятно, по сплаву лѣса въ вешнюю воду по протекающей здѣсь рѣчкѣ Вейсерницъ (по-славянски, Быстрицъ). И эта лощина представляетъ виды прекрасныя: дикія скалы красноватаго сіенита, монументы переворота, случившагося здѣсь за нѣсколько тысячъ лѣтъ, когда бурныя воды, устремившись съ запада, расторгли толпу каменныхъ горъ, поднимаются отвѣсно на тридцать пять сажень, отъ русла рѣчки, теперь тихо шепчущей, пробираясь между камнями, а весною бурной и стремительной.

Въ Плауэнской Лощинѣ есть нѣсколько большихъ мельницъ и огромныя копи каменнаго угля, добываемаго посредствомъ паровой машины. Въ самыхъ живописныхъ мѣстахъ возвышаются уютныя сельскіе домики, окруженные садами. На каждахъ четырехъ стахъ шагахъ, веселья деревни. На половинѣ дороги изъ Дрездена въ Тараудъ лежитъ въ углубленіи загородный домъ (вилла),

построенный живописцем Грасси, любимое гульбище дрезденских гражданъ.

Вдругъ долина расширяется, поворачивается вправо, и глазамъ путешественника представляется Тарандъ (Tarangand), мѣстечко, разсыпанное по узкой долинь и по скатамъ горъ, между коими извивается Вейсерицъ, принимая въ себя ручей Шлойцбахъ. Дома чистые, свѣтлые, окружены садами. Тишина и благоуханіе воздуха удивительныя.

Мы остановились въ трактирѣ, и потому отыскали домъ госпожи Таппе. Она и братъ ея (отставной генералъ-маіоръ Данненбергъ), пользующійся здѣсь теплыми водами, приняли меня какъ искренняго пріятеля, и вскорѣ познакомились съ моимъ спутникомъ. Не видавшись долгое время, мы не могли наговориться. Никогда, я думаю, тарандскія горы не повторяли столько русскіхъ словъ. И дѣти госпожи Таппе, рано въѣхавшія изъ Россіи, хотя не могутъ уже говорить по-русски, но понимаютъ, и слушали русскія рѣчи съ большимъ удовольствіемъ, неразлучнымъ съ воспоминаніями младенчества. Вообще я замѣтилъ, что иностранцы, жившіе нѣсколько лѣтъ въ Россіи, сохраняютъ о ней благодарное и самое трогательное воспоминаніе. Изъ этого исключаютъ я одну націю, у которой нѣтъ и выраженія для словъ: незабвенный, unvergeßlich, unforgetten.

Послѣ обѣда пошли мы осматривать древности и красоты Таранда. Первое мѣсто, въ числѣ тѣхъ и другихъ, занимаютъ живописныя разва-

лины замка, на значительномъ возвышеніи. Остались три главныя стѣны зданія, съ окнами; видны углубленія рва. Стѣны кирпичныя, чрезвычайно толсты и связаны цементомъ, превратившимся въ камень. Въ новѣйшее время пристроены къ нимъ контрфорсы, и на нихъ галерея, съ которой представляется несравненный видъ въ долину. Есть слѣды древнихъ погребовъ и подземныхъ ходовъ (тайниковъ). Здѣсь жители Таранда торжествуютъ наступленіе Новаго Года, и проводятъ другіе праздничные дни. — Замокъ Тарандскій построенъ, какъ полагаютъ, въ десятомъ вѣкѣ, и былъ жилищемъ обладателей Мейсенской Земли. Говорятъ еще, что въ самыя древнія времена было здѣсь капище языческаго бога Тора, и урочище сіе называлось Торандъ. Знаменитѣйшими изъ обладателей Таранда были Ландграфъ Тюрингенскій, Генрихъ Свѣтлѣйшій (der Erlauchte), съ 1227 по 1279 годъ, жившій тамъ долгое время, и Герцогъ Альбертъ, родоначальникъ Альбертинской Линіи Саксонскаго Дома. Онъ торжествовалъ въ Тарандѣ (1464) бракосочетаніе свое съ Сидонією, дочерью Богемскаго Короля Подибрада. По смерти его (1500), Сидонія обитала въ Тарандѣ, славясь кротостію нрава, милосердіемъ и благочестіемъ. Она скончалась въ 1510 году, и съ тѣхъ поръ замокъ тарандскій былъ оставленъ. Онъ мало по малу приходилъ въ запустѣніе; въ началѣ XVII вѣка часть его была сломана, и матеріалы употреблены, построеніе тамошней церкви.

Другая достопамятность Таранда есть садъ лѣснаго института (Forstgarten). Лѣсной институтъ основанъ здѣсь въ 1811 году лѣснымъ совѣтникомъ (Oberforst Rath) Коттою, и въ 1816 возведенъ на степень Королевской Лѣсной Академіи. Въ 1829 присоединено къ нему училище земледѣльческое (*). Для преподаванія лѣсной ботаники, разведенъ на скатъ одной горы особенный садъ, въ которомъ разсажены 750 растений, важныхъ для лѣсной части, и 225, относящихся къ земледѣлію. Здѣсь находятся многія растения, свойственныя только странамъ южнѣйшимъ, какъ-то: acer opalus, cypressus thyoides, jasminum fruticans и officinale, juniperus oxycedrus, ilex aquifolium, pinus palustris, p. lanceolata, p. cedrus, p. pinea, пять видовъ рододендрона, и проч. Защита, получаемая растеніями отъ другихъ деревьевъ, и искусное расположеніе на покатости горы, способствуютъ ихъ произращенію. Я не могъ разсмотреть этого сада въ подробности,

(*) Нынѣ въ академіи 49 студентовъ по лѣсоводству, и 13 по земледѣлію. Науки преподаются восемью профессорами. Курсы продолжаются по полугоду, и весь кругъ наукъ оканчивается въ два года. При академіи есть библіотека, собранія зоологическое, ботаническое и минералогическое, инструментовъ, моделей и охотничьихъ снарядовъ. Уроки преподаются въ залахъ и на открытыхъ мѣстахъ, въ саду, въ лѣсахъ, на горахъ и пр. Изъ этой академіи вышло уже много знающихъ и полезныхъ людей.

потому что въ самое время нашего посещенія, профессоръ преподавалъ въ немъ ботанику.

Но всего занимательнѣе, всего восхитительнѣе въ Тарандѣ одно уединенное мѣсто, *Свѣщенные Сѣни* (die heiligen Schaffen). Это узкая оконечность довольно глубокой долины, оканчивающаяся уступами въ гору. И въ долину и на естественныхъ террасахъ горы растутъ превысокія, прямыя буковые деревья, и вершинами своими составляютъ зеленый шатеръ, дающій всегдашнюю тѣнь, не угрюмую, не темную, а какой-то очаровательный полусвѣтъ. Листья свѣтлозеленыя, колеблемые вѣтромъ, движутся надъ головою странника, на голубомъ небесномъ сводѣ, едва внятными шелестомъ прерываютъ молчаніе уединенной долины, и навѣваютъ на душу какое-то неизъяснимое удовольствіе, что-то отрадное, неземное, райское. Уголокъ этотъ долженъ быть еще восхитительнѣе весною, когда шумить вверху Быстрица, когда въ священныхъ сѣняхъ поютъ соловьи. — Тиде воспѣлъ тарандскія сѣни:

Ich weiß im Schale den tiefsten Hain,
Daß seine Beschattung mich hüße,
Zum ruhigen Heiligthum weiß ich ihn ein,
Zum Tempel der seligen Stille.

Въ Тарандѣ есть и цѣлительныя воды, соляножелезистыя; есть цѣлительныя грязи, очень полезныя въ разныхъ болѣзняхъ. Многіе больные находятъ здѣсь облегченіе и исцеленіе своимъ недугамъ. Таранду недостаетъ только славы, моды, чтобы стать наряду съ Маріенбадомъ,

Киссингенъ, Баденомъ и проч. Да сохранить его всеблагое Провидиѣе отъ этой завидной славы! Страждущіе, больные, несчастные и теперь найдутъ къ нему дорогу, найдутъ въ немъ исцѣленіе, ускоренное тишиною и уединеніемъ очаровательнаго мѣста. Прослався Тарандъ — и въ немъ возникнетъ великолѣпная гостиница съ банкомъ и рулеткою. Пагрянуть туда со всѣхъ сторонъ картежники и тунеядцы, страждущіе праздностию, скукою и пресыщеніемъ, влачачіе свою ненадобность по всѣмъ теплицамъ Европы. Вспорхнеть и улетитъ кроткая богиня здравія. Нѣтъ, милый, уединенный, прелестный Тарандъ! оставайся въ полузабвеніи, какъ прекрасная женщина, окруженная таинственнымъ туманомъ добродѣтели, и не расточающая прелестей своей души въ общество людей бездушныхъ, неблагодарныхъ и злорѣчивыхъ. Неизвѣстность въ шумномъ свѣтѣ есть также родъ славы, и славы завидной. Теперь, въ Тарандѣ, все носитъ печать красоты нескусственной, возвышенной, душевной. Одно ущелье называется приютомъ *Тихой Любви* (*Stille Liebe*). Тамъ, подъ навислою скалою, таится гротъ Магдалины, усманный мхомъ. Подлѣ шумитъ водопадъ. Немного повыше красуются прелестнѣйшіе цвѣты на полянѣ, окруженной темнымъ лѣсомъ и крутыми скалами. На одной скалѣ вырзаны стихи изъ Гёте:

*Liebe säufeln die Blätter,
Liebe duften die Blüten,
Liebe rieselt die Quelle,
Liebe süßet die Nachtigall.*

Говорятъ, что дрезденскія красавицы до безпамятства любятъ это очаровательное мѣсто. Но болѣе всѣхъ восхищаются здѣшними красотами дамы, пріѣзжающія изъ Берлина, бѣднаго въ семь отношеніи. Сказываютъ, что одна пріѣзжая изъ *Wilhelmstraße*, восторженная видами Таранда, сказала спутницѣ своей: «Оставьте у себя горы: уступите намъ только долины!»

Пренеполненный самыхъ пріятныхъ впечатлѣній, я простился съ гостепріимными хозяевами моими, и пустился въ обратный путь съ милымъ моимъ товарищемъ. И въ Тарандѣ и въ Плауэнской Лоцингѣ замѣчалъ я, на самыхъ неприступныхъ крутизнахъ, надписи крупными буквами: *Bawek* и *Kieslack*. Это имена двухъ отчаянныхъ Венгерцевъ, которые провели нѣсколько лѣтъ на путешествіи по Европѣ, имѣя единственного цѣлю взбираться на самыя неприступныя вершины горъ, чтобъ надписывать на нихъ свое имя. Кислакъ сломилъ себѣ шею, унавъ съ одной горы въ Швейцаріи, а Бавекъ въроятно и теперь еще лазить по стремнинамъ, куда и вороны костей не занашивалъ.

Изъ всѣхъ мѣстъ, видѣнныхъ мною въ нынѣшнее мое путешествіе, болѣе всего понравился мнѣ Ричмондъ и Тарандъ, но оба въ различномъ отношеніи. Британскій Ричмондъ есть высокій отлогій холмъ, съ котораго видно теченіе извѣстной Темзы. Прелестный ландшафтъ, раздѣленный слоями тумановъ на различные планы, оживляется пароходами, изящными загород-

ными домами, движеніемъ людей и экипажей. Городской шумъ не умолкаетъ и въ двадцати верстахъ отъ Лондона. Германскій Тарапдъ есть уединенная долина, гдѣ горы раздвигаются только для того, чтобъ житель ея могъ взглянуть на небо; гдѣ все тихо, просто, скудно благами свѣта, и богато красотами природы, гдѣ природа, любовь и наука нашли себѣ пріютъ, вдали отъ тумана мірскихъ страстей и тревоженій.

Въ десятомъ часу вечера прибыли мы въ Дрезденъ. Полная луна стояла надъ Эльбою, и смотрѣлась въ струяхъ ея. Фапгастическія украшенія католической церкви, изящный куполь храма Пресвятой Богородицы—озарялись ея томными лучами. Тишина водворилась. Запоздалыя четы сходили по широкому крыльцу съ Бромлевской Террасы. Старинная Германія не измѣняетъ праотческихъ нравовъ. Здѣсь трудятся днемъ, гуляютъ вечеромъ, а спятъ ночью. За то, съ восходомъ солнца оживляются улицы. Въ Лондонѣ, въ двенадцатомъ часу утра, еще очень рано, и когда въ Германіи ложатся спать, въ Англіи едва ли встаютъ изъ-за обѣденнаго стола.

XXIX.

Тикъ. Тидге. Посѣщеніе Зеленой Кладовой. Клара Мюллеръ.
Дрезденскій Театръ.

Я упомянулъ уже о нѣсколькихъ лицахъ, съ которыми познакомился или свидѣлся въ Дрезденѣ. Чрезвычайно пріятно было мнѣ возобновленіе знакомства съ Лудвигомъ Тикомъ. Госпожа Бауэръ предувѣдомила его о желаніи моемъ съ нимъ видѣться, и я былъ имъ принятъ, какъ старый знакомецъ. Двадцать лѣтъ протекли съ перваго нашего свиданія въ парижемскомъ дилжансѣ. Онъ очень постарѣлъ, сгорбился, посѣдѣлъ, но не измѣнились благородныя черты лица его, не потухло пламя прекрасныхъ очаровательныхъ глазъ: ему теперь шестьдесятъ четыре года отъ роду. Я долженъ былъ сообщить ему о дѣлахъ и случаяхъ моей жизни, о трудахъ моихъ литературныхъ. У него не имѣлъ я надобности о томъ спрашивать: я читалъ съ большимъ наслажденіемъ всѣ его сочиненія, и говорилъ съ нимъ о нѣкоторыхъ. Лудвигъ Тикъ подвергся

преслѣдованіямъ и клеветѣ писателей, составляющихъ такъ называемую Юную Германію, за привязанность свою къ монархическому образу правленія, за насмѣлки надъ нелыными либералами, и за громогласное порицаніе разрушительныхъ правилъ. Довольно причинъ, чтобъ порицать и гнать его. Онъ живетъ очень тихо, занимаетъ мѣсто драматурга при Дрезденскомъ Театрѣ, сопряженное съ небольшимъ жалованьемъ, и дополняетъ доходы платою, получаемою имъ за литературныя произведенія, но эта плата очень незначительна. Король Баварскій пожаловалъ ему орденъ, и почтилъ его еще тѣмъ, что въ королевскомъ дворцѣ, въ Мюнхенѣ, одна комната покрыта фресками, которыхъ содержаніе взято изъ сочиненій Тика. Дня чрезъ два онъ пригласилъ меня на вечеръ. Вечера Тика знамениты во всей Германіи его чтеніемъ. Никто не умѣетъ съ такою истинною, съ такимъ чувствомъ читать драматическія сочиненія. Въ этотъ вечеръ было у Тика человекъ пятнадцать гостей, артистовъ, путешественниковъ, дамъ. Онъ читалъ трагедію несчастнаго друга своего Клейста: Принцъ Гомбургскій. Въ самомъ дѣлѣ я въ жизни не слыхалъ такого чтенія естественнаго, выразительнаго, характернаго: онъ не называлъ дѣйствующихъ лицъ, а отъбѣгалъ ихъ голосомъ и тономъ. Очарованіе было такъ совершенно, что по прошествіи нѣсколькихъ дней, мнѣ казалось, будто я дѣйствительно видѣлъ эту драму на сценѣ; только я не могъ вспомнить, котораго числа и на которомъ театрѣ.

Я люблю Тика за ясность, логику, отчетливость его мыслей и слога, за простоту и истину, которыми дышатъ его творенія. Пѣмцы любятъ вообще, въ своихъ книгахъ, какую-то кудреватость, метафоры, аллегоріи, намѣки, цитаты. Это нестерпимо для непривычнаго къ ходу ихъ мыслей. Прибавьте къ тому такъ называемыя ихъ остроты (вицы), и вы получите тѣ странныя на вкусъ блюда, которыми лакомятся Пѣмцы, и которыя несносны и приторны всякому другому, воспитанному на своей, здоровой пищѣ. Я знаю нѣмецкій языкъ основательно, читаю Шиллера, Гёте, Виланда, Клопштока безъ записки, но многихъ изъ любимыхъ и прославленныхъ писателей Германіи, вовсе не понимаю. Таковы Августъ фонъ Тюммель и Жанъ-Поль. Я принудилъ себя прочесть однажды путешествіе Тюммеля въ южную Францію, съ трудомъ проглотилъ два тома, но далѣе итти не могъ. За Жанъ-Поля принимался я неоднократно: темно, непопятно, натянуто, ненатурально, безвкусно. Его книги можно сравнить съ кучами сору, гдѣ встрѣчаются ошибкою и драгоценныя вещи, но рыться въ навозной кучѣ для того, чтобъ авось-либо найти тамъ золотое колечко, я не въ состояніи. Лучше пойду въ магазинъ, и куплю новос. Знаете ли, что мнѣ болѣе всего понравилось въ Жанъ-Поль? Выдержки изъ его твореній, переведенныя на французскій языкъ, и напечатанныя года за три предъ симъ въ Revue des Deux Mondes. — Жаль, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ, впрочемъ умныхъ и

даровитыхъ писателей Германіи, идутъ тѣмъ же кривымъ путемъ. Я привелъ выше, на страницѣ 98, нѣсколько строкъ изъ новаго путешествія Муцта, челоѵка съ умомъ и дарованіемъ. Можно ли такъ писать, не въ шутку? Но это совершенно нѣмецкій родъ. Это наследство переходитъ, въ непрерывной линіи отъ Стерна, чрезъ Гиппеля, Тюммеля, Жанъ-Поля. Сочиненія ихъ можно назвать винегретомъ, составленнымъ изъ ананасовъ и сельдей, сахарнаго варенья и горчицы, персиговъ и лимбургскаго сыру. Каждый изъ этихъ элементовъ можетъ быть хорошъ, вкусенъ и питателенъ особо, но въ одномъ общемъ блюдѣ они составляютъ отвратительную смѣсь, а ея добрые Нѣмцы услаждаютъ свой вкусъ и воображеніе! — Не таковъ Лудвигъ Тикъ. Напитанный чтеніемъ древнихъ классиковъ, коротко знакомый съ литературою Англичанъ и Испанцевъ (онъ перевелъ Шекспира и Сервантеса), онъ, въ началѣ своего литературнаго поприща, подружился съ братьями Шлегелями и Новалисомъ (Гарденбергомъ). Тикъ вздумалъ искать вдохновеній и предметовъ въ нѣмецкой старинѣ, въ былыхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ, въ этомъ фантастическомъ простодушіи, которымъ говорятъ и бредятъ рапсоды юношествовавшихъ народовъ. Въ то время, когда Гёте изображалъ намъ всю бурю страстей, кипящихъ въ душѣ сентиментальнаго вольнодумца Вертера, всѣ сомнѣнія, все отчаяніе ума челоѵческаго въ лицѣ софиста Фауста, когда Николай съ упрямствомъ отвергалъ все, бывшее

до Люгера, — Тикъ спустился въ очаровательный міръ дѣтскихъ народныхъ сказокъ, и передалъ ихъ съ невыразимого прелестію. «Тикъ первый, говоритъ Менцель, внесъ естественный тонъ въ этотъ родъ поэзіи (балладъ и романсовъ), и показалъ, что для возчувствованія истиннаго духа преданій народныхъ, должно погрузиться во всѣ чары того времени, въ которое они возникли. Онъ спрашивался у дѣтей, у народа, тамъ гдѣ еще осталось простодушіе. Онъ осмѣлился поднять просвѣщенному вѣку дѣтскія сказки; дерзнулъ разогнать мрачныя облака на небѣ, и представить намъ волшебную ночь дѣтства нашего народа, въ прелестномъ лунномъ свѣтѣ, пробудить давно уснувшія воспоминанія, и изъ таинственныхъ струнъ сердца извлечь забытыя вѣками, умирительныя мелодіи.» И за это его обвинили въ приверженности къ католицизму! Могъ ли онъ внушить протестантскія понятія и чувства лицамъ, жившимъ за нѣсколько вѣковъ до реформаціи? Но дѣйствія, помыслы и ощущенія его героевъ были представлены такъ естественно и разительно, что читатели почли все это собственностію самого автора. Потомъ, чувствуя можетъ быть, ослабленіе своей поэтической силы, онъ принялся за сочиненіе повстей, и сталъ, въ этомъ родѣ, на первой степени нѣмецкихъ писателей. Познаніе челоѵка и свѣта, естественность характеровъ, насмѣшливый взглядъ на людей, на ихъ утлыя мнѣнія и пустыя дѣла, и прекрасный слогъ составляютъ ихъ достоинство. Съ большимъ наслажденіемъ прочиталъ я

нынѣ новую повѣсть его, или романъ: *der junge Tischlermeister* (Молодой столяръ). Разумѣется, что нѣмецкія книги должно читать безъ предубѣжденій, возбуждаемыхъ Литературою Французскою. Умъ есть гость всѣхъ вкуовъ и народовъ; вкусъ разнится по времени и націи. Французская ясность и рѣзкость называется у Нѣмцевъ сухостью. Плодовитость, такъ сказать, *исчерпанность* Нѣмцевъ пугаетъ непривычныхъ, но она въ ихъ вкусъ и духъ. Я сообщилъ Тику, для прочтенія, лишь только вышедшій на нѣмецкомъ языкѣ, переводъ моей Черной Женщины. Онъ отзывался о немъ предъ посторонними людьми съ похвалою, а мнѣ сказалъ: «Идея вашего романа прекрасна и оригинальна: исполненіе во многихъ частяхъ очень удовлетворительно. Читается легко, но жаль, что вы не довольно воспользовались своимъ предметомъ, не довольно его исчерпали.» Это значить, что, вмѣсто четырехъ томовъ, можно бѣ было написать восемь. А у насъ нѣкоторые критики утверждаютъ, что въ Черной Женщинѣ ровно четыре лишніе тома. Поди же, угоди на людей! Но если пошло на угожденіе, то лучше угодить Тику, нежели какому нибудь полу-петербургскому болвану.

Я посѣтилъ также стараго своего знакомаго поэта Тидге. Ему восемьдесятъ пятый годъ отъ роду, но въ движеніяхъ своихъ, въ бесѣдѣ онъ еще бодръ и свѣжъ. Онъ напоминалъ мнѣ о нѣкоторыхъ анекдотахъ, рассказанныхъ мною за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, какъ будто слышала ихъ вчера. Къ сожалѣнію, онъ еще пишетъ стихи. Я

не могъ долго съ нимъ бесѣдовать, потому что пришелъ не въ пору, прервалъ чтеніе какой-то новой книги въ компаніи мужчинъ и дамъ. Хотѣлось мнѣ посѣтить его еще разъ, но вдругъ ударилъ часъ отъѣзда. Благодарница его, госпожа фонъ Рекке, скончалась за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Она завѣщала ему домъ, въ которомъ онъ живетъ нынѣ, и сверхъ того сдѣлала ему, самымъ нѣжнымъ и благороднымъ образомъ, значительный подарокъ. Тидге, поселившись въ ея домъ, никакъ не хотѣлъ жить даромъ, и платилъ ей ежегодно, въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ, по шести сотъ талеровъ. Она брала эти деньги, и вносила, отъ его имени, въ банкъ. Послѣ ея смерти увидѣлъ онъ себя обладателемъ значительнаго капитала. — Въ Тидге видно еще новое доказательство давнишней истины, что очень часто сочинитель вовсе не походитъ на свои сочиненія. Въ жизни онъ веселый, забавный, практической старичекъ, а въ стихотвореніяхъ своихъ плаксивъ до чрезвычайности. Одинъ критикъ говоритъ объ немъ: «У Тидге мягкая поэтическая натура, а эти натуры обыкновенно, въ бреду своемъ, до такой степени становятся чувствительными, что въ состояніи плакать между супомъ и говядиною; на что ни взглянуть, все для нихъ трогательно до слезъ. Тидге не умѣетъ удержать своей унылости, съ наслажденіемъ купается въ рѣвкѣ слезъ, пролитыхъ имъ самимъ, и желалъ бы всѣхъ своихъ читателей утопить въ этомъ омутѣ.»

«Это знакомства старья, но мнѣ удалось въ Дрезденѣ познакомиться съ новымъ для меня, притомъ интересною особою. Вы конечно подумаете, что это женщина? — Разумется. —

Нѣсколько дней собирался я посѣтить знаменитую Зеленую Кладовую, и не находилъ на то ни времени, ни случая. Однажды, утромъ, часовъ въ восемь, является ко мнѣ старичекъ лонлакей, и говорить съ озабоченнымъ видомъ: «Господинъ статскій совѣтникъ! Я пришелъ къ вамъ съ всепокорнѣйшею просьбою вывести одну почтенную фамилію изъ затруднительнаго положенія.»—«Что такое? спросилъ я, полагая, что дѣло идетъ о милостынѣ. — Извольте видѣть, продолжалъ старикъ, у насъ существуетъ обыкновеніе давать билеты для входа въ Зеленую Кладовую, на шесть человѣкъ за два талера. Одинъ почтенный и знатный путешественникъ взялъ билетъ, заплатилъ два талера, а его компанія состоитъ только изъ пяти человѣкъ. Кто жъ заплатитъ остальные восемь грошей?» — При этомъ взглянулъ онъ на меня съ умоляющимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: скажитесь! не попустите бѣднаго семейства въ совершенную гибель. — «Вотъ восемь грошей, отвѣчалъ я ему: мнѣ уже давно хотѣлось посмотрѣть Зеленую Кладовую. Когда жъ надобно туда итти?» — «Черезъ часъ, отвѣчалъ обрадованный старикъ: пожалуйста въ девять часовъ въ общую залу; вы тамъ найдете господина Барона съ его компаніею. Въ назначенный часъ явился я по приглашенію, и нашель семейство,

состоявшее изъ четырехъ особъ: одного пожилаго человѣка, степеннаго виду, съ орденомъ Краснаго Орла на шеѣ, супруги его и двухъ молоденькихъ дочерей. Господинъ этотъ былъ, какъ я узналъ послѣ, значительный чиновникъ изъ Помераніи, Баронъ Эйкштетъ фонъ Петерсвальдъ. Поздоровавшись съ нимъ, я разсказалъ ему, какимъ комическимъ образомъ его лонлакей предложилъ мнѣ принять участіе въ предстоящемъ обзорѣи Зеленой Кладовой. И онъ и супруга его забавлялись этимъ смѣшнымъ приглашеніемъ. «Да не пора ли намъ итти? сказалъ Баронъ, взглянувъ на часы: девять часовъ било!» — «Гдѣ жъ Клара?» спросила Баронесса у старшей дочери. — «Она все пишетъ, маменька! былъ отвѣтъ: я раза три звала ее, и она все отвѣчаетъ: тотчасъ!» — «Бѣда путешествовать съ писательницами! сказала Баронесса съ пріятною улыбкою: мы вздѣмъ съ одною премилою и преумною дѣвицею, которая уже съ успѣхомъ деботипровала въ словесности. Но трудно заставить ее бросить перо, когда она распишется.» — «Да мы ея не дождемся, сказалъ съ досадою Баронъ: время уходитъ. Если она хочетъ итти съ нами, то можетъ насъ догнать. Пожалуйста!» Видно, Баронъ этотъ господинъ въ своемъ домѣ: всѣ повиновались ему безпрекословно. Дамы посмотрѣлись въ зеркало, поправили свои шляпки, и вся наша компанія двинулась въ походъ пѣшкомъ. Я разговаривалъ съ Баронессою, которая любопытствовала знать, кто я, давно ли въ Дрезденѣ и т. п. Я

покаялся въ томъ, что и я сочинитель, что и я нередко заставляю ждать себя къ обѣду и къ чаю. Лишь только мы ступили на мостъ, дѣвѣнцы закричали: «Да вотъ она! вотъ Клара!» Я оборотился медленно, полагая, что увижу какую нибудь длинную желтую фигуру, съ расстрепанными рыжими волосами, розовыми глазами и черными пальцами, въ диогеновскомъ капотѣ и жанлисовскомъ ченчикѣ, мытомъ до изобрѣтенія типографіи. Въ этотъ разъ обманулся я самымъ приятнымъ образомъ: насъ догоняла премилостивая дѣвѣнца, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, невысокаго роста, блонкурая, бѣленькая, полненькая, съ прекрасными каштановыми глазами, въ модномъ шелковомъ платьѣ, въ сандріліоновскихъ башмачкахъ. На щекахъ у ней пылала румянецъ отъ поспѣшности, съ какою она шла; на устахъ играла улыбка, которою она извинялась въ своей медленности. Я поклонился ей, и продолжалъ разговоръ. Баронесса спросила, между прочимъ, кого я знаю въ Дрезденѣ. Я назвалъ моихъ знакомцевъ, и въ числѣ ихъ Тика. «Вы знаете Тика?» спросила съ живостью Клара. «Каковъ онъ? Долженъ быть человекъ преннегресный.»—«Прелюбезный и премилый, отвѣчалъ я ей: ему подъ семьдесятъ лѣтъ, а если вы увидите его глаза, то непременно въ него влюбитесь.» — Она не отвѣчала ни слова, покраснѣла и надулась. Я, несчастный, употребилъ выраженіе, изгнанное изъясненнымъ вкусомъ изъ нѣмецкаго разговорнаго языка. Въ послѣдствіи я узналъ,

что слово влюбиться (*sich verlieben*) не принято хорошимъ тономъ. *Man liebt, man ist aber nicht verliebt*, сказала мнѣ въ Вѣнѣ одна голубокая Тереза, когда я у ней попросилъ объяснить мнѣ, почему это слово не хорошо. Не ту, видно, нѣмецкую грамматику повторялъ я предъ выѣздомъ изъ Петербурга. — Мы пришли въ кладовую, и пустились разглядывать тамошнія *Merkwürdigkeiten*. Клара вскорѣ забыла мой барбаризмъ, и стала бесѣдовать со мною о предметахъ, которые предлагаемы были нашему любознательству. Вдругъ всѣ дамы закричали: «Что это съ вами дѣлается? вы поблѣднѣли!» Въ самомъ дѣлѣ я почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадково головокруженія и дурноты, которые терзали меня въ теченіе всего лѣта. Въ глазахъ у меня зарыбляло; ноги подкашивались. Я вышелъ изъ кладовой въ комнату смотрителя, напился холодной воды, отдохнулъ на софѣ, и чрезъ четверть часа воротился къ компаніи. Добрыя Пѣмки съ сердечнымъ участіемъ осведомились о моемъ здоровьи, и желали, чтобъ этотъ припадокъ не возобновлялся. Видно, ихъ желанія были искреннія: дѣйствительно этотъ припадокъ моей болѣзни былъ послѣдній. Мы продолжали нашу бесѣду, и когда кончилось обозрѣніе кладовой, вышли оттуда знакомыми, почти друзьями. — Въ тотъ самый день, очутился я за общимъ столомъ, подлѣ Баронессы. Клара сидѣла насупротивъ. Разговоръ возобновился. Мы толковали о свѣтѣ, о жизни, о литературѣ. Я рассказывалъ имъ о

нашемъ Пушкинѣ. Бѣдственная кончина Пушкина возбудила общее сожалѣніе во всей Германіи. Всѣ образованные люди, и писатели, и неписатели, спрашивали подробностей о его жизни и смерти. Я отвѣчалъ на ихъ вопросы съ чувствомъ глубокой горести о потерѣ нашего великаго поэта. Дней за пять до кончины Пушкинъ былъ у меня. На смертномъ одрѣ своемъ, собравъ послѣднія силы, вспомнилъ о несчастіи, постигшемъ меня въ то время, и велѣлъ мнѣ поклониться. Я не могъ говорить объ этомъ безъ искренняго чувства, и невольно прослезился. Эта слеза сблизила меня съ почтенными и любезными собесѣдниками. Въ концѣ обѣда Баронъ велѣлъ подать шампанскаго, и наливъ рюмку, просилъ выпить за здоровье отсутствующей его дочери: сегодня день ея рожденія. «Не откажитесь, сказалъ онъ мнѣ, разделить наше празднество!» — «Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, пью за здоровье вашей дочери, тѣмъ болѣе, что пью притомъ и за свое. Сегодня день и моего рожденія. Мы съ Наполеономъ родились въ одно число, $\frac{5}{13}$ Августа!» — Въ свободной, дружеской бесѣдѣ протекли часы. Баронесса пригласила меня ѣхать съ ними въ Саксонскую Швейцарію. Я не рѣшился отлучиться изъ города, страшась возобновленія моей болѣзни. Опасенія мои были напрасны, и я потомъ жалѣлъ, что отказался. Черезъ пять дней, за три дня до выѣзда моего изъ Дрездена, они воротились. Съ ними были и старшая дочь Барона, отъ перваго брака, и мужъ ея. Мы свидѣ-

лись за общимъ столомъ, какъ старые знакомцы, и дали другъ другу слово всегда помнить о пріятной встрѣчѣ на берегахъ Эльбы. Вечеромъ поѣхалъ я Клару, подарилъ ей на память мои Воспоминанія (на французскомъ языкѣ) и французскій же переводъ моей Грамматики. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такое милое, умное, благородное и чувствительное существо. Изъ бесѣды съ Баронессою Эйкштетъ узналъ я, что ея фамилія Мюллеръ. Отецъ ея, бюргермейстеръ Ней-Бранденбурга и членъ Сейма Мекленбургъ-Стрелицкаго, былъ человекъ глубокой учености, большаго ума и необыкновенныхъ добродѣтелей. Мать женщина самая почтенная. Клара выросла въ самомъ образованномъ кругу, часто бывала въ Берлинѣ, гдѣ Гегель, Гансъ и другіе первостепенные люди были друзьями и собесѣдниками ея отца. По смерти его, оставшись въ числѣ одиннадцати сиротъ, она не хотѣла быть въ тягость матери, и отправилась на чужбину, собесѣдницею супруги и дѣтей Барона Эйкштета. Въ ней открылся необыкновенный поэтическій талантъ, и она вскорѣ обратила на себя вниманіе литературнаго міра своими мелкими стихотвореніями и прозаическими статьями. Теперь, говорила Баронесса, печатается прекрасный романъ, сочиненный ею недавно (*). Привлекательная наружность, доброе и

(*) Этотъ романъ вышелъ въ нынѣшнемъ году, подъ заглавіемъ: *Erste und letzte Liebe*. Нѣмецкіе литературные журналы отзываются о немъ съ единодушною

чувствительное сердце, свѣтлый умъ, блистательные таланты, основательное образованіе — все даетъ Кларъ Мюллеръ права на счастье въ жизни. Душевно желаю, чтобъ она его нашла! Я обязанъ ей нѣсколькими часами усладительной бесѣды, и воспоминаніемъ о самомъ миломъ и интересномъ явленіи, какое встрѣтило меня на путешествіи по Германіи.

Скажу нѣсколько словъ о здѣшнемъ театрѣ. Зданіе Дрезденскаго Театра ветхо и некрасиво. Зала неуютная, тѣсная, темная; декорации бѣдныя; но труппа прекрасная, и представленія тамошнія считаются классическими во всей Германіи, уступая только вѣнскимъ. Я разумю то, что собственно составляетъ національный театръ, т. е. трагедію и комедію. Эти части, въ Дрезденѣ, состоятъ въ вѣдѣніи Тика: онъ выбираетъ пьесы, распределяетъ роли, прослушиваетъ актеровъ, помогаетъ имъ совѣтами и уроками. Самъ онъ, какъ я уже говорилъ, первый декламаторъ въ Германіи, и можетъ учить актеровъ, а они слушаются его тѣмъ охотнѣе, что онъ имъ не товарищъ, слѣдственно не увлекается личностями. Дрезденскій Театръ славится отличными талантами своихъ артистовъ. Я видѣлъ здѣсь прекрасныя представленія нѣсколькихъ трагедій и комедій. Актеры Юлій Девріентъ, Портъ, Пау-

похваляю. Кларъ Мюллеръ печатаетъ свои сочиненія подъ вымышленнымъ именемъ: E. Mühlbach.

ли, актриса Бауэръ исполняли свое дѣло съ умомъ, искусствомъ и талантомъ. Здѣсь видѣлъ я представленіе знаменитой Раупаховой драмы: Исидоръ и Ольга, взятой изъ русскаго быта, но не совсѣмъ сходной съ русскими нравами. Въ ней отличный актеръ Паули съ необыкновеннымъ искусствомъ и успѣхомъ игралъ роль Осина, умнаго дурака, который, подъ личиною глупости и шутовства, метитъ своимъ злодѣямъ, между тѣмъ какъ чувствительность и грустная память о невѣстѣ, отнятой у него и изнывшей отъ горести въ бракъ съ другимъ, просвѣчиваютъ сквозь оболочку дурачества и злобы. Это лице составляетъ главный интересъ драмы: лучшіе актеры Германіи изучаютъ его рачительно, и стараются представить во всей точности. Другой актеръ, Портъ, отличался въ роли Тартюфа. Юлій Девріентъ прекрасно игралъ въ старинной комедіи: *Stille Wasser sind tief*. — Нынѣ строятъ въ Дрезденѣ новый театръ, и съ окончаніемъ его возобновлена и еще пополнена будетъ тамошняя труппа. Доходы Королевскаго Дома теперь до того ограничены, что Двору трудно поддерживать театръ; между тѣмъ дѣлаютъ все, что можно для успѣховъ благороднаго и нравственно-полезнаго увеселенія. Опера дрезденская посредственна, но и въ ней есть прекрасныя таланты. Впрочемъ, сказать ли правду, или то, что *милъ* правдою кажется? Въ Германіи музыка процвѣтаетъ: ея композиторы стоятъ на первой степені; исполнители инструментальные также мало находятъ себя

подобныхъ; есть прекрасные голоса, раченіе въ постановкѣ и исполненіи оперъ примѣрное, но пѣть Пѣмцы и Пѣмки вообще не умѣютъ (*). Уфъ, выговорилъ!

Терзайте вы меня,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!

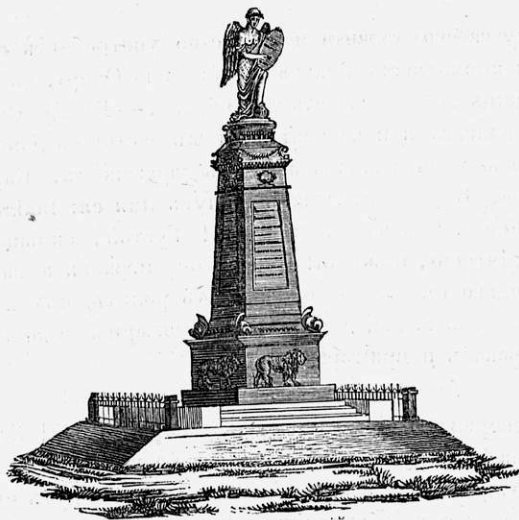
Италія, Италія есть отечество пѣнія. Помните ли вы, мои сверстники, дѣвицу Фодоръ, которая, лѣтъ за тридцать, пѣвала у насъ въ Петербургѣ въ частныхъ концертахъ; потомъ явилась на сценѣ подъ именемъ *Фодоровой*, и не произвела ни какого эффекта. Она вышла за французскаго актера Менвиели, и, по увольненіи петербургской французской труппы, въ 1812 году, уехала съ нимъ въ Италію: поучилась года два, вышла на сцену сперва въ Миланъ, потомъ въ Неаполь, въ Парижъ, въ Лондонъ, и заняла въ поющемъ мѣрѣ первое мѣсто послѣ единственной Каталани! И еще недавно, лѣтъ за шесть предъ симъ, давала у насъ концерты финляндская уроженка, дѣвица Шульцъ: голосъ ея былъ чистый, сильный, но она вовсе не умѣла имъ владѣть. По совету добрыхъ людей, она поѣхала за Альпы, узнала си-

(*) Исключаю изъ этого только Г-жу Шредеръ-Девриентъ. Она также принадлежитъ къ дрезденской труппѣ, но такъ раздражена была мошенничествомъ содержателя театра въ Лондонѣ, что, воротясь въ Дрезденъ, не хотѣла выйти на сцену: поселилась въ садовой бесѣдкѣ трактира Городъ Вѣна, въ которомъ и жила, и закалалась играть до зимы.

лу своего таланта и искусство употреблять его, и прямо поступила на Парижскую Оперу, въ помощь первой пѣвицѣ Малибранъ. — Въ Дрезденѣ слышала я и на театрѣ, и въ частныхъ домахъ пѣвицу съ необыкновеннымъ дарованіемъ, Каролину Подгоржекъ (какъ пишутъ имя ея: *Podgorschek*). Что за контръ-альто! Густой, сильный, пріятный, пѣжный! Теперь она играетъ и поетъ только въ самыхъ ничтожныхъ роляхъ, и не поднимется выше, доколь останется при нынѣшнихъ урокахъ и примѣрахъ.

Kennst du das Land, wo die Citronen blühen!

говорилъ я ей неоднократно: *daßin! daßin!* Если она послѣдуетъ моему совету, то чрезъ нѣсколько времени всѣ дирекціи наперерывъ будутъ стараться о пріобрѣтеніи ея для своего театра. И я советую имъ сдѣлать это особенно въ хозяйственномъ отношеніи: у Каролины Подгоржекъ такіе прекрасные черные глаза, что, при появленіи ея на сценѣ, можно зажигать только половину лампъ.

Монументъ Кульмскій.

XXX.

Выѣздъ изъ Дрездена. Воспоминанія. Пиръ Петерсвальде. Военный анекдотъ. Поллецдорфъ. Кульмъ. Монументы.

Во вторникъ 10-го августа, въ четыре часа утра, выѣхалъ я изъ Дрездена. За часъ до отъѣзда, пришелъ ко мнѣ добрый, любезный Баронъ Фирксъ. Онъ вырвался изъ объятій сна, чтобъ еще разъ со мною проститься. Мы сѣли за кофе, и не видали, какъ пролетѣло время: бесѣда русская, несвязанная ничѣмъ, о милой нашей Россіи, о пріятеляхъ, друзьяхъ и родныхъ, превратила часъ въ минуту. Но, пора вѣхать! «Какое счастье! сказала я ему, что вы, любезный Баронъ, не женщина.

Богъ знаетъ, что бы объ насъ подумали: мы познакомились за недѣлю предъ симъ, и съ того времени почти не разставались. Если бъ, сверхъ того, это случилось въ Парижъ, тамошніе журналисты непременно бы напечатали: такой-то Г., присланный, какъ *известно*, съ тайными порученіями, къ счастью, влюбился въ одну молоденькую курляндскую баронессу, и проводя съ нею все свое время, забылъ о цѣли своего пріѣзда!» Онъ сѣлъ ко мнѣ въ коляску, и проѣхалъ до Пирнскихъ Воротъ. Тамъ мы обнялись еще разъ, съ душевнымъ волненіемъ искренней дружбы, и расстались. Шлагбаумъ поднялся; коляска поѣхала своимъ учебнымъ шагомъ, и грустное облако осыпало мою душу. Еще разлука съ добрымъ челоукомъ; еще шагъ въ темную даль; еще трепетное ожиданіе чего-то въ будущемъ.

Дорога изъ Дрездена въ Богемію идетъ, по лѣвому берегу Эльбы, прекрасною аллеєю, окруженною живописными видами. Это классическая земля Военной Исторіи. Южная часть Саксонскаго Королевства и сѣверная часть Богеміи были позорищемъ подвиговъ величайшихъ полководцевъ XVII, XVIII и XIX вѣка, Густава Адольфа, Фридриха и Наполеона. Есть страны, обреченныя, кажется, самою судьбою въ зрѣлища великихъ, рѣшительныхъ событій воинскихъ. Таковы Верхняя Италия, Нидерланды и Саксонія. Въ сихъ земляхъ каждый шагъ ознаменованъ какимъ нибудь военнымъ подвигомъ или слу-

чаемъ. Путешественникъ невольно припоминаетъ бывшее, и дѣлаетъ сравненія. Размышляя о Фридрихѣ и Наполеонѣ, я развернулъ бывшую со мною книгу, и прочиталъ: «Мѣста тѣ же, но средства были различныя. Герой прусскій, съ четырьмя или пятью милліонами подданныхъ, безъ крѣпостей, безъ финансовъ, не имѣя ни какихъ союзниковъ кромѣ Англіи, которая очень несправно исполняла возложенныя ею на себя обязанности, такъ что онъ наконецъ очутился одинъ посреди враговъ своихъ — семь лѣтъ сражался съ Франціею, Австріею, Россіею, Швеціею и Германскимъ Союзомъ, и заключилъ миръ, не уступивъ даже ни одной деревни изъ завоеванной имъ прежде того Силезіи. Наполеонъ, обладая государствомъ, въ которомъ болѣе сорока милліоновъ жителей, занимая крѣпости на рѣкахъ впереди и втылу непріятелей, имѣя еще третью грозную линію крѣпостей на своей границѣ, не могъ и шести мѣсяцевъ удержаться на позиціяхъ своихъ триумфовъ, и потерявъ тамъ свою армію и завоеванія, лишился и пріобрѣтеній, сдѣланныхъ до него, и скинетра, прославленнаго въ его рукахъ длиннымъ рядомъ побѣдъ. Одно тщеславное воспоминаніе осталось Франціи въ возмездіе за разореніе ея колоній, за истребленіе морской силы, за продолжительныя кровопролитія!» — Что посеешь, то и пожнешь. Фридрихъ сражался за честь, за неприкосновенность, за права и достояніе своего отечества, считая

себя первымъ его слугою. Наполеонъ воевалъ изъ тщеславія, для осуществленія сумасбродной мысли, что чрезъ десять лѣтъ его династія будетъ старшею въ Европѣ. Провидѣніе справедливо.

Теперь здѣсь все тихо и мирно. Нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ войны. Тучныя пажити, обильныя пашни, свѣжіе виноградники покрываютъ землю, упитанную кровію тысячъ храбрыхъ. Унылые, и въ то же время умиленные и возвышающіе душу чувствованія и помыслы волновали меня на семь путей. Я ѣхалъ одинъ, на долгихъ, которые въ Германіи долѣе должайшаго дня. Коляска двигалась тихо: никто не смѣшалъ мнѣ думать. Солнце, первыми своими лучами, золотило вершины горъ Саксонской Швейцаріи. Тѣни почившихъ героевъ носились вокругъ меня, въ дыханіи утренняго вѣтра. Я размышлялъ о ихъ участи, размышлялъ о войнѣ. Война честная, предпріятая за правду, за славу и благосостояніе отечества, есть дѣло великое и святое; ибо безъ успѣховъ внѣшнихъ, безъ внутренней безопасности, не могутъ процвѣтать ни промышленность, ни торговля, ни науки, ни художества. Война имѣетъ еще и то благо дѣйствіе, что исторгаетъ тысячи людей изъ обыкновенной, вседневной жизни, даетъ имъ отличное отъ другихъ образованіе, всеяетъ въ нихъ безстрашіе, безкорыстіе, презрѣніе къ смерти, любовь къ славѣ, и тѣмъ дѣйствуетъ на нравственное образованіе всей націи. А страданія? а лише-

ній? а плачевная смерть многихъ военныхъ? спрашиваетъ юная читательница, представляя себя въ воображеніи милого своего друга на одрѣ бо- лѣзни и смерти. Ахъ, сударыня! Страданія суть *узоры* въ жизни всякаго челоуѣка. Сколько не- дуговъ, жестокихъ и терзательныхъ, постигаютъ насъ въ жизни обыкновенной! И какой орденъ сравнится съ дѣлами храбрости, которыя укра- шаютъ воина во всю остальную его жизнь! Ка- кое чувство можетъ быть замѣнено тѣмъ, кото- рое волнуетъ душу воина при помышленіи, что и онъ своею кровію споспѣшествовалъ благу лю- безнаго отечества! А смерть! Найдите родъ смер- ти лучше той, которая выпраетъ жизнь нашу на поля брани. Взбѣгать на вражескую батарею, водрузить на ней знамя своего Государя, и съ радостнымъ крикомъ: ура, Россія! часть отъ ядра непріятельскаго! — —

Въ семь часовъ проѣхали мы Пирну, городокъ чистый, свѣтлый, милостивый. Въ одиннадцать, прибыли въ Петерсвальде: здѣсь предѣль Саксоніи и австрійская таможня. Чиновники обошлись со мною очень учтиво и благосклонно, и минутъ въ десять все продѣлки были кончены. Здѣсь долж- но было обѣдать, т. е. завтракать. Содержатель гостиницы занималъ меня, между тѣмъ, разска- зами о тамошнихъ событіяхъ въ военное время. «Вы можете посудить, сударь, сказалъ онъ, сколь- ко пострадало мѣстечко Петерсвальде: чрезъ него сдѣлано было четырнадцать ретирадъ! Я былъ

тогда еще очень молодъ; при наступленіи войскъ, мы уходили въ лѣса, и когда вновь умолкалъ шумъ, возвращались и хоронили убитыхъ; вотъ подъ этою липою мы похоронили четверыхъ Русскихъ; убитые, правда, были раздѣты дона- га, но мы узнавали русскихъ солдатъ по широ- кимъ плечамъ и плотному складу тѣла. — Самое любопытное происшествіе случилось здѣсь въ 1809 году. Сюда ворвался отрядъ партизановъ Шцлля, подъ командою капитана Катта, который до того надобль Французамъ, что они обѣщались заплатить шесть тысячъ франковъ тому, кто пред- ставитъ его, живаго или мертваго. — Одинъ из- мѣнникъ объявилъ Французамъ, гдѣ находится Каттъ: они пробрались въ деревню, и окружили домъ, въ которомъ онъ жилъ. Любовь спасла его. Дѣвушка, простая служанка, полюбила красавца- капитана, и зная, какая опасность ему угрожаетъ, стерегла его день и ночь. Увидѣвъ непріятелей, она бросилась въ домъ, и спрятала капитана въ трубу каміна, а слугу его положила на очагъ и засыпала золою. Французы ворвались въ домъ, перешарили весь уголъ, хотѣли убить дѣвушку, которую нашли тамъ одну, и поутру должны были удалиться безъ успѣха. Капитанъ провелъ въ трубѣ пять часовъ, а слуга его чуть не былъ сжаренъ солдатами, которые развели было огонь на очагъ, къ счастью его, на краю.» — «Что жъ дѣвушка-то? спросилъ я: капитанъ конечно на- радилъ ее?» — «Куда, сударь! Онъ въ тотъ же

день ужалъ и забылъ о ней, а она вскорѣ умерла съ испугу и горя.» — Ужасно! жестоко! подумалъ я про себя: послѣ измѣны отечеству, мнѣ кажется гнуснѣ всего измѣна вѣрной женской любви!

— — Оставивъ Петерсвальде, разсыпанный верстахъ на двухъ въ горныхъ ущельяхъ, мы поднялись на Ноллендорфскую Высоту, и съ лѣвой стороны представилась мнѣ несравненная панорама Богемскихъ Горъ. Онѣ идутъ не ровною возвышенною полосой, какъ холмы, окружающіе Дрезденъ, а поднимаются уступами, амфитеатрально: на краю горизонта, свѣтлосизыя; другой планъ, потемнѣе; ближе, темнозеленыя; еще ближе, покрытыя зеленою свѣтлою; самыя близкія, разноцвѣтными пашнями. Въ каждомъ углубленіи деревенька съ красными крышами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимаются церковныя колокольни, въ другихъ красуются господскіе дома. Спускаемся въ долину — Кульмскую, безсмертную въ лѣтописяхъ русской славы. Какія прекрасныя, восхитительныя мѣста! Воображеніе мое рисовало мнѣ картину мпущаго. Я видѣлъ нашихъ гвардейскихъ гренадеръ въ стрѣлкахъ, какъ они, гнушаясь засадами и прикрытіями, шли открытою цѣнью на непріятели; какъ изъ-за нихъ подвигались стройныя колонны; какъ Франсузы, отрященные, стиснутые со всѣхъ сторонъ, бросали оружіе и сдавались, или кидались въ лѣсистыя

горы, чтобъ пробраться до своихъ, по тамошнимъ тропинкамъ.

Въ самой срединѣ долины, по правую сторону дороги, возвышается чугунный обелискъ, воздвигнутый Австрійскою Арміею въ память храбраго генераль-фельдцеймейстера, Графа Коллоредо-Мансфельда, умершаго въ 1822 отъ ранъ (числомъ семнадцати), полученныхъ имъ въ 1815 году на этомъ мѣстѣ. Монументъ прекрасный и величественный. Подъ груднымъ изображеніемъ его въ барельефъ, написано: *Быль страшенъ врагу, въренъ друзьямъ.* — Неподалеку отсюда, по правую сторону дороги, находится монументъ, падшимъ здѣсь за отечество прусскимъ воинамъ, въ видѣ готической башни, съ кульмскимъ крестомъ на вершинѣ. Рисунокъ и отдѣлка его мастерскіе, но размѣры малы по простору здѣшняго мѣста. Въ небольшомъ домикѣ подлѣ австрійскаго монумента, живетъ смотритель его, отставной унтеръ-офицеръ австрійскаго полка Принца Эмлія Гессенъ-Дармштадтскаго. Увидѣвъ, что остановилась коляска, старикъ вышелъ, отперъ мнѣ ограду, показалъ всѣ части монумента, и объяснилъ мѣсто сраженія. «Видите ли, сказалъ онъ, этотъ курганъ съ часовнею? Тамъ стоялъ французскій генераль Вандамъ, а вотъ здѣсь на полянѣ, казаки его схватили. Въ Кульмскомъ Сраженіи ваши, Русскіе, наступали отъ Теплица; слѣва были Австрійцы, а Прусакі, подлѣ командою генерала Клейста, отрященные отъ Дрезде-

на, посылавъ палубу, спустились съ Ноллендорфскихъ Высотъ въ тылъ Французамъ, и довершили ихъ поражение.» Старикъ разсказалъ мнѣ потомъ, какъ, за два года предъ симъ, Государь Императоръ съ Императрицею, Императоръ Австрійскій и Король Пруссійскій посѣтили это мѣсто. — «Ваша Императрица, сказалъ онъ съ восторгомъ, наградила меня, старика, за тридцатисемилѣтнюю службу, пожаловавъ мнѣ серебряный кубокъ. Зайдите ко мнѣ въ домъ, и посмотрите.» — Я съ удовольствіемъ пошелъ за нимъ. Въ свѣтлой, чистенькой комнаткѣ, украшенной портретами союзныхъ Государей и австрійскихъ Принцевъ, стоитъ, въ отдѣльномъ кивотѣ, за стекломъ, серебряный кубокъ. На стѣнѣ кивота надпись, что онъ пожалованъ Государынею Императрицею Юсифу Берану, 29-го Сентября 1835 года. Подъ виситъ ножъ, которымъ Высокіе Посѣтители разрезывали хлѣбъ, поднесенный имъ Бераномъ при завтракѣ, и ломоть этого хлѣба. Въ углу, парадный его мундиръ съ медалями австрійскими, русскими и прусскими. — Въ чистой постелькѣ спалъ прекрасный младенецъ, лѣтъ трехъ, раскинувшись отъ лѣтняго жару. «Это вашъ сынъ?» спросилъ я у старика. «Мой, сударь! отвѣчалъ онъ съ удовольствіемъ. Вообразите, вашъ Государь, посѣтивъ мое жилище, взялъ его на руки, и младенецъ игралъ крестами на груди его!»

— — Въ верствѣ отсюда, по правую сторону дороги возвышается огромный монументъ,

воздвигаемый въ память Кульмской Битвы. Онъ еще не совершенно конченъ, и долженъ быть открытъ ^{18/50} нынѣшняго мѣсяца. Монументъ состоитъ изъ усѣченнаго обелиска, на которомъ стоитъ крылатая Слава, и пишетъ на щитѣ: *18-е Августа 1813*. На четырехъ сторонахъ, надписи латинскія: я не могъ списать ихъ, потому что онъ загорожены были лѣсами, и еще не все кончено. Латинскій языкъ *здѣсь* приличнѣе всякаго другаго. Русская надпись была бы непонятна для большей части странниковъ. На иномъ изъ новыхъ языковъ нельзя было выразить происшествія всемірнаго. На pedestаль изображенъ, съ каждой стороны, левъ. Весь памятникъ, изяществомъ, великолѣпиемъ и огромностію, превосходитъ все монументы, какіе мнѣ случалось видѣть на поляхъ битвъ въ Германіи. Онъ построенъ по проекту и подъ надзоромъ вѣскаго архитектора Побиле, съ которымъ я познакомился у его подножія, и вылитъ изъ чугуна въ Богеміи. По сторонамъ выстроены, съ изящнымъ вкусомъ, домики для караульнаго и приютъ для странниковъ.

Близость Теплица проявляется здѣсь множествомъ великолѣпныхъ и богатыхъ экипажей, въ которыхъ *больные* вѣзять по окрестностямъ. Чрезъ часъ въехалъ я въ *Славянскія Теплицы*, городъ чистый, пріятный, оживленный множествомъ пріѣзжихъ. Онъ получилъ особенную важность съ тѣхъ поръ, какъ Е. В. Король Пруссійскій проводитъ здѣсь ежегодно мѣсяца по два. Къ нему

пріѣзжаютъ, для засвидѣтельствованія своего почтенія, посланники и министры, акредитованные при ближайшихъ Дворахъ, и вслѣдъ затѣмъ бланамбренныя французскіе журналисты регулярно возвѣщаютъ, что Теплицкій Конгрессъ есть предвѣстникъ новой бури въ Европѣ. Это повторяется ежегодно, и ежегодно этому вѣрятъ.

Здѣшніе сады прекрасны. Въ замковомъ саду деревья могли бы служить этюдами для живописца. Виды съ окрестныхъ горъ восхитительны.

	стр.
XVIII. Поездка въ Версаль. Дорога. Прженее величіе Версаля. Пыиышнее назначеніе. Національный Музей. Сады. Поездка въ Марли. Исторія его. Запустыніе	1
XIX. Поездка въ Фонтенебло. Дорога. Исторія Фонтенебло. Дворецъ. Историческія воспоминанія. Папа Пій VII. Отреченіе Наполеона. Сады	42
XX. Поездка въ Блуа. Орлеанъ. Соборъ. Луара. Почтенное семейство. Г. ла Розьеръ. Ла-Соссе. Французскіе солдаты. Поездка въ Валансе. Солонь. Правы. Князь Талейранъ. Герцогиня Дино. Беседа. Обѣдъ. Отъѣздъ. Шамборъ. Историческія воспоминанія. Англичане. Возвращеніе въ Парижъ	57
XXI. Сравненіе прежняго и нынѣшняго Парижа. Зданія. Наружность. Изгнаніе развратницъ. Пале - Рояль. Омнибусы. Бороды. Красота уходитъ. Перемяна правовъ. Польская революція. Удобства жизни. Театры	85
XXII. Гостинныя прежнія и нынѣшнія. Беседа французская, немецкая и русская. Гостинныя Барона Мейендорфа, Салванди, Гизо и Герцогини Абрантской . .	108
XXIII. Люди. Пакье. Графъ Моле. Лафитъ. Одилонъ-Баро. Гизо. Вильгельмъ. Альфонсъ Карръ. Капо-Фельидъ. Сентъ-Бевъ. Филаретъ Шаль. Викторъ Гюго. Варень. Карль Нодъ. Шатобрианъ. Александръ Дюма. Бальзакъ. Альфредъ де-Виньи. Пардессю. Томасъ Муръ. Госпожа д'Авена. Князь Мира	124
XXIV. Выѣздъ изъ Парижа. Реймсъ. Друано. Фабрикація шампанскаго. Библиотека. Г. Парисъ. Славянское Евангеліе. Соборъ. Подвиги Русскихъ. Обѣдъ. Шалонъ. Вердёнъ. Пріятное общество. Мецъ. Виды. Лотарингія. Страсбургъ. Коллегіумъ. Отъѣздъ	156
XXV. Выѣздъ изъ Франціи. Герцогъ Ангенскій. Таможня. Немецкія деньги. Спутница. Видъ Германіи. Сравненіе съ Франціею. Баденъ. Игорные дома. Рейль	183

XXVI. Видъ Карлсруэ. Правильность. Гостиница. Гайцингеры. Сеймъ Баденскій Театры. Политехническая школа. Нагорная дорога. Гейдельбергъ. Вейнгеймъ. Дармштадтъ. Франкфуртъ на Майнъ. Воспоминанія. Дюрлахъ. Рёмеръ. Картинная галерея . . .	стр. 197
XXVII. Дилижансы и почтилоны нѣмецкіе. Большая спутница. Тюрингенскіе виды. Лейпцигъ. Железная дорога. Берлинъ. День рожденія Короля. Русское посольство. Гумбольдтъ. Аугустъ. Клёденъ. Старые знакомцы. Крюгеръ. Театръ. Девриентъ. Шмелька. Шнейдеръ. Холера. Отъездъ	210
XXVIII. Дорога изъ Берлина въ Дрезденъ. Спутники. Нѣмцы и Пѣмки. Дрезденъ. Католическая община. Визиты. Баронъ Фирксъ. Городъ. Картинная галерея и другія собранія. Пильницъ. Тарандъ	251
XXIX. Тикъ. Тидге. Посвященіе Зеленой Кладовой. Клара Мюллеръ. Дрезденскій Театръ	259
XXX. Выездъ изъ Дрездена. Воспоминанія. Пирна. Петерсвальде. Военный анекдотъ. Ноллендорфъ. Кульмъ. Монументы	276

